

САНДРА
БРАУН

ПАРК
СОБЛАЗНОВ

Сандра Браун

Парк соблазнов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129499

Парк соблазнов: Эксмо; Москва; 2001

ISBN 5-04-005546-3

Оригинал: SandraBrown, "Seduction by design"

Перевод:

Ю. О. Кирильченко

Андрей Вадимович Новиков

Аннотация

Тайлер Скотт был для Хейли боссом, обольстителем, отцом ее маленькой подружки, но девушка и на мгновение не могла поверить, что однажды, наперекор всем ее страхам и сомнениям, он станет для нее единственным мужчиной – ее мукой и счастьем.

Книга написана под псевдонимом Эрин Сент-Клер.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	45
Глава 4	68
Глава 5	92
Глава 6	113
Глава 7	140
Глава 8	164
Глава 9	191
Глава 10	217
Глава 11	243

Сандра Браун

Парк соблазнов

Глава 1

– Мисс Эштон, – произнесла Хейли, нажав светившуюся на панели интеркома кнопку.

– Это Доусон. – По тому шипению и потрескиванию, которые вырывались из динамика интеркома, Хейли Эштон догадалась, что охранник связался с ней по рации. – Мисс Эштон, подойдите, пожалуйста, к «Сайдуиндеру», и поскорее! Здесь творится черт знает что, и, главное, никто не может понять, в чем дело.

Экстренный вызов, сразу же сообразила Хейли. Голос Доусона, этого надежного и неизменно спокойного мужчины, выдавал его замешательство.

– Что у вас там стряслось? – уточнила Хейли.

– Тут один посетитель устроил настоящее светопреставление. Орет на всех как укушенный, разве что сам не кусается. Насколько я смог понять из этих воплей, его дочка зашла в женский туалет и как в воду канула. Вокруг этого ненормального собралась целая толпа. Уже пошли разговоры...

– Я иду.

– Послать за вами электрокар? Сейчас такая жарища,

что...

– Нет, я пойду напрямик, через служебную зону, Доусон, – перебила охранника Хейли. – Постарайтесь там всех успокоить. Папашу – в первую очередь.

– Попробую.

Мужчина отключил рацию, а Хейли устремилась к двери, на бегу бросив своей помощнице.

– Подмени меня, Шарлин!

Маленький стеклянный куб с табличкой «Офис» располагался рядом с центральными воротами парка аттракционов. Через турникеты тянулась вереница обвешанных фотоаппаратами туристов, которые волокли за собой детей, и Хейли, подобно ледоколу, приходилось прокладывать себе путь сквозь эту яркую и шумную толпу. Немилосердная сентябрьская жара сушила ей горло, обжигала легкие.

Возле одного из турникетов возникла длинная очередь. Какой-то мужчина с пеной у рта препирался с билетершей. Служащая увидела спешащую мимо Хейли, и в ее затравленных глазах вспыхнул огонек надежды.

– Мисс Эштон! – окликнула она начальницу.

Не тратя времени на выяснение отношений, Хейли сразу же обратилась к недовольному посетителю:

– Вас что-то не устраивает, сэр? – Мысли Хейли, однако, были заняты другим инцидентом – тем, который разворачивался сейчас у аттракциона «Сайдуиндер», американских горок.

– Да, она говорит, что я не могу провести своего малыша по этому льготному билету, – развязным тоном ответил скандалист. – А ведь ему – всего три года. Он все равно не сможет кататься на аттракционах для взрослых. Вот я ей и доказываю, что я имею право...

– Пожалуйста, проходите, сэр. Этот билет нас вполне устроит, – нетерпеливо проговорила Хейли. Разрешение шло вразрез с правилами парка, выставляло служащую в глупом свете и было несправедливым по отношению к остальным посетителям, которые заплатили за билеты для своих маленьких детей, однако у Хейли не было времени препираться – ее внимания требовала другая, гораздо более серьезная проблема. «Не забыть бы извиниться перед билетершей, которую я незаслуженно обидела», – подумала Хейли.

Мужчина рассыпался в благодарностях, но Хейли, едва удостоив его кивком, уже устремилась к калитке в высокой серой стене, за которой начиналась служебная территория, куда, разумеется, допускались лишь сотрудники парка. В этот субботний полдень в парке аттракционов «Серендипити» от посетителей было негде яблоку упасть, а чем больше в подобном месте народу, тем выше вероятность возникновения всяческих «нештатных ситуаций». В функции Хейли как менеджера по работе с посетителями как раз и входило сглаживать любого рода конфликты и разбираться с разного рода проблемами, кто бы их ни создавал – гости или сам всевышний.

Сандалии на низком каблуке не очень подходили для спортивной ходьбы, да еще по асфальту, который, казалось, плавился в лучах невыносимо жаркого солнца. Стройные ноги женщины облегла легкая белая юбка. Пот уже пропитал зеленую блузку, нагрудный карман которой – прямо под пластиковой карточкой с ее именем – украшала скромная эмблема парка. Волосы у Хейли были цвета темной меди и достигали плеч. Слава богу, что сегодня утром она догадалась собрать их пучком на затылке, иначе сейчас они бы безобразно трепались, прилипали к лицу и путались.

Ей удалось пересечь служебную зону за рекордно короткий срок, и теперь Хейли уже выходила через калитку на противоположной стороне. Только что закончилось одно из шести ежедневных представлений театра «Дороги кантри», и выплеснувшаяся оттуда толпа захлестнула спешившую женщину. На лице ее застыла обычная радушная улыбка, однако в мозгу бурлил настоящий водоворот мыслей: «Маленькая девочка спряталась в женском туалете. Зачем? Что с ней могло случиться?»

Несмотря на спешку, Хейли задержалась, чтобы подобрать с земли небрежно брошенный кем-то окурок и отправить его в стоявшую поодаль урну. В парке царил непреложный закон: сотрудник, который прошел мимо любого валяющегося на территории мусора и не устранил беспорядок, немедленно увольнялся. Вот почему стараниями целой армии служащих в светло-зеленой форменной одежде в парке

поддерживалась идеальная чистота. Чище не бывает даже в квартирке одинокой старушки.

Хейли миновала один из многочисленных сувенирных магазинчиков, в которых продавались открытки, футболки и кофейные кружки с символикой Великих Туманных гор, штата Теннесси и непосредственно Гетлинберга. Все эти памятные мелочи шли у туристов нарасхват.

И все же толпа посетителей, клубившаяся возле сувенирной лавки, не шла ни в какое сравнение с той, что собралась у женского туалета неподалеку от американских горок. Атракцион этот был таких гигантских размеров, что сама Хейли так и не набралась мужества прокатиться на нем. Сейчас, однако, ей было не до то-то. Она сосредоточенно протискивалась сквозь толпу, ни на что не обращая внимания.

– Прошу прощения... Извините...

Позвольте пройти, – сыпала она направо и налево, решительно прокладывая себе путь локтями. – Посторонитесь, пожалуйста, – вежливо, но твердо велела она какому-то дядьке, слизывавшему таявшее мороженое, которое уже капало на асфальт. Отодвинув его в сторону, она наткнулась на вызвавшего ее охранника.

– Доусон, – окликнула она мужчину, похлопав его по плечу.

– Ах, мисс Эштон, – с облегчением выдохнул тот. – Спасибо, что...

– Так это ее мы ждали целую вечность? – раздался сзади

нее мужской голос. В нем слышались высокомерие, нетерпение и едва сдерживаемая ярость, а также сомнение в том, что Хейли стоило дожидаться. Резко обернувшись, женщина встретилась с ледяным взглядом серых глаз, смотревших на нее из-под темных сдвинутых бровей.

– Я – Хейли Эштон, менеджер по...

– Работе с посетителями, – с издевательской ноткой в голосе перебил ее собеседник. Он уже успел посмотреть на приколотую к ее рубашке пластиковую карточку с именем и должностью Хейли. – Давайте опустим титулы и попробуем хоть что-нибудь предпринять.

Его злые глаза буравили ее, словно два раскаленных сверла. Несколько секунд мужчина молча смотрел на Хейли, а затем продолжил:

– С моей дочерью что-то произошло, и никто ничего не делает. Стоят, будто бараны...

Когда мужчина говорил, губы его почти не двигались.

– Пожалуйста, постарайтесь успокоиться, сэр, и объясните мне толком, что случилось, – категоричным тоном заговорила Хейли. – Если вы окончательно утратите над собой контроль, это не поможет ни вам, ни вашей дочери.

В другом случае она бы сдержалась, но сейчас обстановка была накалена до предела, а злость и едкий сарказм этого человека лишь усугубляли ситуацию.

Тот снова поглядел в спокойные зеленые глаза Хейли. В поединке между его возбужденностью и ее самообладанием

победило последнее.

– Мы стояли в очереди к этой вот штуковине... – Он ткнул пальцем в сторону аттракциона. – Внезапно моя дочь ни с того ни с сего побледнела, как призрак, и принялась кричать, а потом побежала в туалет. Я бросился за ней, но в дверях мне преградила путь ваша воинственная служительница и не пустила внутрь. Я...

– Она все еще там? – обратилась к Доусону Хейли, повернувшись спиной к говорившему. Охранник утвердительно кивнул. – Как ее зовут? – снова повернулась она к отцу девочки, рассвирепевшему оттого, что его подобным образом проигнорировали.

– Как ее зовут?.. – зарычал он. – Какая, к черту, разница, как ее зовут! С моей девочкой случилось, возможно, что-то ужасное, а вы стоите тут, как какой-то робот, и спрашиваете меня...

– Ее имя!

Мужчина разъяренно взъерошил пятерней и без того взлохмаченную темную шевелюру.

– Ее зовут Фейт! Фейт, черт побери!

– Благодарю вас. – Хейли быстро направилась к женскому туалету, бросив предварительно охраннику:

– Доусон, сделайте, пожалуйста, так, чтобы люди разошлись. Кроме того, вызовите сюда немедленно электрокар, а затем позвоните в медпункт и скажите, чтобы они были наготове. Возможно, им придется поработать.

Хейли двинулась дальше, не оборачиваясь, чтобы проследить за тем, будут ли выполнены ее указания. Она и так знала: будут. Не смотрела она и на высокого широкоплечего мужчину, который рысью следовал за ней, как солдат на поле боя бежит за своим командиром.

Войдя в прохладное помещение, Хейли на секунду остановилась, чтобы после слепящего солнца ее глаза привыкли к сумраку. Во взгляде женщины-дежурной она прочитала огромное облегчение. Не дожидаясь вопросов, та принялась торопливо излагать начальнице свою версию случившегося:

– Мисс Эштон, здесь была целая толпа женщин. Я как раз чистила одну из раковин, как вдруг с криками и плачем вбежала девочка и заперлась в последней кабинке. Я пыталась уговорить ее открыть дверь, но она никак не желала выходить. Я даже зашла в соседнюю кабинку, встала на тумбочку и заглянула через перегородку. Она скорчилась в углу и только всхлипывала. А тут, словно обезумев, врывается этот мужчина и начинает нести что-то несусветное. Женщины, как только увидели его, истошно завопили, подумав, наверное, что он – какой-нибудь извращенец и преследует эту маленькую бедняжку. Я тут же выставила всех за дверь. Я же говорю вам...

– Спасибо, Хейзел, – кивнула Хейли, прерывая этот поток. Объяснения словоохотливой и вдобавок перепуганной женщины могли продолжаться вечно. – Подождите меня снаружи. Если вы мне понадобится, я вас позову. И, пожалуй-

ста, никого сюда не впускайте.

– Хорошо, мэм.

Хейли подошла к последней в ряду кабинке и тихонько потрогала запертую изнутри дверь.

– Фейт! С тобой все в порядке? – мягко спросила она. Ответа не последовало. Изнутри по-прежнему раздавались всхлипывания, которые Хейли слышала сразу же, как только вошла в женский туалет. – Фейт,пусти меня, пожалуйста. Я пришла, чтобы помочь тебе. Твой папа очень волнуется.

На секунду всхлипы перешли в плач, затем девчушка захлопала носом, а потом из кабинки раздалась звуки икоты. Взрослая женщина воспользовалась наступившим затишьем. Она мягко продолжала говорить:

– Меня зовут Хейли. Если с тобой что-то не так, ты можешь поделиться этим со мной. – Женская интуиция заставила ее добавить:

– Если хочешь, это останется между нами. Я никому ничего не скажу – даже твоему папе.

Хейли надеялась, что ей удастся сдержать это обещание, но в данный момент главным было вытащить девчушку наружу.

– Вы... Вы честно никому не скажете?

– Если ты так хочешь – никому.

– Я стесняюсь. – Еще пара всхлипов. – И еще... мне больно.

Тревога Хейли начала уступать место любопытству. Она оглянулась, желая убедиться в том, что вопреки ее приказанию в туалет не вошел отец девочки.

– Что у тебя болит?

Послышался шорох одежды, затем щелкнула задвижка. Дверь открылась внутрь кабинки, и перед Хейли показалась девочка лет одиннадцати в теннисных туфлях и шортах. Руками она оттягивала майку у себя на груди. Темные волосы Фейт были стянуты резинками в хвостики, серые заплаканные глаза смотрели сквозь стекла очков. «Глаза – в точности такие, как у ее отца, – подумалось Хейли, и почти сразу пришла мысль: – А почему, интересно, мне запомнился цвет глаз ее отца?»

– Привет, Фейт, – проговорила она и отступила в сторону, как бы приглашая девочку выйти наружу.

– Здравствуйте. – Девочка сделала шаг вперед и постаралась принять уверенную позу. Взгляд ее, впрочем, был устремлен вниз, на выложенный кафельной плиткой пол.

– Ты мне не расскажешь, в чем все-таки дело? Что у тебя болит?

Девочка облизнула губы, и Хейли заметила металлические скобки на ее зубах.

– Меня... Меня пчела ужалила.

– О господи! – взволнованно воскликнула Хейли. – А у тебя – аллергия на пчелиные укусы?

Фейт пожала плечами.

– Не знаю. То есть, наверное, нет. Конечно, я не умру и все такое. – Ее голос чуть заметно дрогнул. – Просто жжет очень... – тихо закончила девочка.

– Где она тебя ужалила?

– Да там, возле «Сайдуиндера». Хейли прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Это понятно. Я хотела спросить, куда она тебя укусила. В какое место?

– А-а... – понимающе протянула Фейт. Она кинула быстрый взгляд на Хейли и снова отвела глаза в сторону, а затем задрала майку – решительно, словно опасаясь передумать. – Здесь.

На маленькой грудке, которая только начинала формироваться, Хейли увидела небольшое покраснение. И только тут она сообразила: отец и дочь были вдвоем – без мамы, и когда девочку ужалила пчела, та просто постеснялась сказать об этом папе, чтобы не показывать, куда именно.

У Хейли защемило сердце. Она вспомнила пору своего собственного взросления и то, как стыдливо и болезненно относилась она к каждому новому изменению в своем теле.

Подойдя к раковине, женщина смочила водой кусочек туалетной бумаги и заговорила, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более беззаботно:

– Интересно, как этой пчеле удалось туда залететь?

– Я потянулась, чтобы потрогать флажок на ограде, а там растут кусты.

– Жимолость.

– Ага, они так здорово пахнут! Ну вот, наверное, она и залетела ко мне в рукав. – Губы девочки снова начали кричиться. – Как вы думаете, папа сильно будет меня ругать? Я, наверное, вела себя не очень...

Прижимая мокрую бумагу к больному месту на груди девочки, Хейли ободряюще улыбнулась и завершила Фейт:

– Наоборот, он, я думаю, будет рад, что дело всего лишь в одном пчелином укусе, тем более что тебе не очень больно. Но ты все равно не показывай ему. Мужчины не понимают, как мы, женщины, к этому относимся. Ты со мной согласна?

Широко распахнув большущие глаза, Фейт изумленно смотрела на красивую тетю, которая, казалось, понимает все на свете.

– Точно, он вообще ничего не понимает. Он до сих пор считает меня маленькой.

– Да что ты, любому видно, что ты уже взрослая. Ведь не могла же ты в самом деле задрать майку при всем честном народе и завопить, что пчела укусила тебя в грудь!

Абсурдность подобного предположения заставила девочку рассмеяться. Хейли попыталась закрепить успех:

– Давай-ка опустим майку, а этот холодный компресс пускай остается на месте. Сейчас мы с тобой поедem на электрокаре в медпункт, твою «смертельную» рану помажут, и она сразу же перестанет зудеть. А после этого попьем кока-колы. Идет? – Фейт настороженно посмотрела на дверь, и Хейли,

перехватив этот взгляд, добавила:

– Народ, должно быть, уже разошелся. Я велела охраннику, чтобы он занялся этим. Не можем же мы целый день торчать в туалете, верно?

Фейт засмеялась, опустила майку и скрестила руки на груди, чтобы не свалился компресс, а Хейли краешком мокрого полотенца вытерла ей лицо. Теперь о происшедшем свидетельствовали лишь опухшие глаза и покрасневший носик девчушки.

Хейли обняла рукой ее хрупкие плечи, и они бок о бок вышли на улицу. Как и ожидала женщина, никого из зевак возле входа не осталось. Отец Фейт, словно статуя, стоял неподалеку, не сводя застывшего взгляда с двери, но ожил сразу же, как только увидел дочь, и кинулся в их направлении.

– Фейт, с тобой все в порядке? – взволнованно обратился он к дочери.

– Да, папа, все хорошо, – застенчиво ответила та.

– Так какого... э-э-э... Что же все-таки случилось?

Понимая, что сейчас не время для перекрестного допроса, Хейли вмешалась:

– Я отвезу Фейт в медпункт. С ней, по-моему, все хорошо, но хотелось бы в этом убедиться. – И с этими словами она повела девочку к предусмотрительно доставленному Досуном электрокару – такому, на которых ездят по полю для игры в гольф.

– Эй, послушайте, мисс...

– Мистер Доусон с удовольствием покажет вам дорогу до медпункта, – холодно прервала говорившего Хейли и, нажав на педаль, ловко объехала группу шумливых подростков. Кинув через плечо последний взгляд на мужчину, она увидела, что отец девочки стоит, уперши руки в бока. Сейчас, наверное, этот посетитель с превеликим удовольствием задушил бы ее – таким уничтожающим взглядом он проводил их.

К тому времени, когда Хейли и Фейт подъехали к медпункту, что располагался на служебной территории, они уже успели стать подругами и, беззаботно болтая, вошли в маленькое кирпичное строение. Поскольку медсестра была занята, пытаюсь привести в чувство какого-то перегревшегося на солнце старичка, Хейли отвела девочку в пустой процедурный кабинет.

– Если будет больно, скажи, – предупредила она, осторожно накладывая вязкую мазь на больное место на груди Фейт. Не успела Хейли закончить, как грохнула входная дверь и в приемной послышались торопливые, решительные шаги.

– Это папа, – несчастным голосом проговорила Фейт. – Он меня убьет.

– Я сама с ним поговорю, – успокоила девочку Хейли. – А теперь – хочешь коку?

– Ага. А можно я ее здесь попью? Хейли улыбнулась. Ей была понятна боязнь девочки видеться с отцом.

– Можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь.

Закрыв за собой дверь, женщина лицом к лицу столкнулась с отцом Фейт, который нетерпеливо вышагивал взад-вперед перед столом дежурной медсестры.

– Где она? – рявкнул он, только завидев Хейли.

Никогда еще ей не доводилось видеть большего грубияна, чем этот тип.

– В процедурной, – ответила Хейли и направилась к стоявшему в противоположном углу холодильнику. – Я обещала принести ей коку.

– Коку! – взорвался он. – После всего этого ее еще и кокой поить?

Хейли не произнесла ни слова. Открыв банку, она прошла мимо него, как мимо пустого места, и вновь скрылась в процедурной. Фейт сидела на кушетке для обследований, смотрела на плакат, призывавший к борьбе с курением, и болтала своими худенькими ножками.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила она, когда Хейли вручила ей банку с шипучим напитком.

Внимательно посмотрев на девочку, женщина спросила:

– А где твоя мама, Фейт? Та опустила голову на грудь и едва слышно ответила:

– Умерла. Несколько месяцев назад. Так Хейли и думала!

– Наверное, мне стоит рассказать твоему папе про пчелиный укус, как ты считаешь?

Фейт обреченно кивнула. Женщина ободряюще похлопала ее по коленке, выскользнула из процедурной и плотно за-

крыла за собой дверь.

Отец Фейт сидел на краешке обтянутой дерматином кушетки, но, увидев Хейли, тут же вскочил на ноги.

– Можете не торопиться, – охладила она его пыл, – мне еще нужно составить акт о случившемся. – Женщина усе-
лась за письменный стол и взяла стандартный бланк, кото-
рый необходимо было заполнить, чтобы отчитаться о проис-
шествии. Она делала вид, будто не замечает, что мужчина
уже чуть ли не дымится. – Итак, что...

– К черту ваши дурацкие акты, мисс Эштон! Я хочу знать,
что случилось с моей дочерью! Отвечайте немедленно!

Его голос уже не громыхал, как прежде, однако теперь в
нем звучали зловещие нотки. Он стоял в двух шагах от Хей-
ли, широко расставив руки и опершись ими о поверхность
стола. И тут, подняв глаза, Хейли впервые взглянула на него
как на мужчину, а не просто на очередного скандалиста, пре-
вратившего обычный размеренный день в бедлам.

Холодные серые глаза, нос прямой и тонкий, с красиво
очерченными ноздрями, губы сжаты в узкую полоску. В иной
ситуации они, очевидно, могли быть нежными и чувстви-
тельными. Тяжелый подбородок и крепко сжатые челюсти сви-
детельствовали об упрямстве и указывали на недюжинную
силу воли, не сулившую ничего хорошего тому, кто решился
бы ее испытать. Посеребренные на висках волосы мужчины
были по-прежнему взлохмачены, однако даже в этом можно
было найти некую прелесть.

Синяя рубашка-поло туго обтягивала широкую грудь и мощные бицепсы, слаксы, по цвету чуть темнее рубашки, как влитые сидели на узких бедрах и стройных ногах, в треугольнике расстегнутого воротничка виднелись темные волосы, которые, судя по всему, покрывали всю его крепкую грудь.

Сейчас, нависнув над Хейли, он выглядел совсем иначе, нежели там, в окружении толпы зевак. Он излучал внутреннюю силу, противостоять которой осмелился бы разве что круглый дурак. Этот, по всему видно, решительный человек словно бросал миру вызов. Хейли сглотнула комок в горле и, надеясь на то, что профессиональные навыки не подведут ее, стала объяснять:

– Фейт ужалила пчела. Я наложила на укус обезболивающую мазь. Сейчас девочка отдыхает.

Мужчина облегченно вздохнул, выпрямился и утер вспотевший лоб тыльной стороной руки. Однако, сообразив, что его дочери ничего не угрожает, вновь набросился на Хейли:

– Так за каким же чертом был весь этот шум? Почему она просто не сказала мне о том, что произошло, вместо того чтобы убегать и куда-то прятаться?

– Пчела залетела ей под майку и ужалила девочку в грудь. – Хейли многозначительно посмотрела на собеседника, однако его лицо ничего не выражало. – Ваша дочь постепенно превращается в маленькую женщину, мистер...

– Скотт.

– Мистер Скотт. И она не может не замечать тех измене-

нии, которые происходят с ее телом. Все дело в том, куда именно ее ужалила пчела. Девочке было стыдно сказать вам об этом, она застеснялась. А боль от укуса скорее всего ни при чем.

– Но это же чушь! Мне прекрасно известно, как выглядит женская грудь.

По некой причине, о которой Хейли не хотелось даже думать, у нее вдруг выступила испарина и перехватило дыхание. Ей стало стыдно за то, что она ведет себя так же по-детски, как Фейт.

– Возможно, это чушь для вас, мистер Скотт, но не для впечатлительной, эмоциональной девочки одиннадцати лет. Для нее просто невысказано... показать вам грудь.

– Но я же ее отец! – выпалил он, не в силах постичь хитросплетений женской логики.

– И тем не менее, мистер Скотт. Я знаю, вам нелегко это понять, но все же постарайтесь. Фейт очень огорчена. Она боится, что ей попадет.

Скотт вполголоса выругался и тяжело опустился на кушетку. Рассеянно потер свой упрямый подбородок – мужчина, пытающийся понять нечто для него недоступное. Однако, когда он вновь поднял взгляд на Хейли, она увидела, что в его серо-стальных глазах что-то смягчилось.

– Да, наверное, я повел себя слишком... бурно.

Впервые в разговоре с этим человеком Хейли улыбнулась от чистого сердца.

– Это можно понять. Извините меня, но я спросила у Фейт о ее матери. Она сказала мне, что вы недавно потеряли свою жену.

– Она не была мне женой. – Увидев, как побледнело и вытянулось лицо Хейли, Скотт пояснил:

– Мы были женаты до рождения Фейт, но вскоре после этого развелись. Фейт все время жила с матерью, но несколько месяцев назад Моника погибла – это был несчастный случай, и теперь дочь живет со мной. – Большой рот мужчины скривился в растерянной улыбке. – Как видите, я до сих пор постигаю родительскую науку, – развел он беспомощно руками.

Хейли посмотрела на свои руки, а затем вновь перевела взгляд на собеседника.

– Растить ребенка одному – тяжелая задача для любого. Наверное, вам с Фейт еще придется долго притираться друг к Другу.

Почему она так раскованно разговаривает с этим человеком на столь щекотливую тему? Да к тому же сама начала этот разговор! Стоит ли ей сказать ему еще одну вещь, дать еще один совет, о котором ее никто не просит?

– Запомните, пожалуйста: нет существа более чуткого, ранимого и требующего терпения, нежели взрослеющая девочка.

– А вот и есть. – Густые брови Скотта сошлись над глазами, в которых вдруг заплясали озорные огоньки. – Взрослый

мальчик, который хочет ухлестнуть за взрослой девочкой.

Зеленые глаза Хейли моментально прикрылись ресницами, а еще недавно бледные щеки залил густой румянец. Чтобы не встречаться с испытующим взглядом Скотта, она повернулась к пишущей машинке и как только могла строго сказала:

– Мне пора возвращаться в офис, но сначала я должна составить акт. – Выставив на машинке поля нужной ширины, она сухо спросила:

– Ваше полное имя?

– Скотт. Тайлер Скотт.

Пальцы Хейли словно примерзли к клавишам, сердце подпрыгнуло к самому горлу, а тело стала бить мелкая дрожь. Боковым зрением она увидела, как Тайлер Скотт встал с кушетки, обошел письменный стол и остановился прямо напротив нее. Хейли смотрела перед собой и видела искусно сделанную пряжку ремня на его талии, мощный торс и крепкую широкую грудь.

Наконец их глаза встретились. Скотт смотрел на нее удовлетворенным взглядом победителя.

– Совершенно верно, мисс Эштон, – спокойно проговорил он, – я – владелец этого парка.

Глава 2

Лист был выдернут из каретки даже без помощи рычажка, освобождающего бумагу, скомкан в шарик и – через всю комнату – отправлен по воздуху в самый центр мусорной корзины с точностью, которой мог бы позавидовать Уилт Чамберлен.

– Думаю, на сей раз мы сможем обойтись без обычной бумажной волокиты, мисс Эштон. Как вы считаете? – холодно спросил он. – Тем более что через некоторое время этот акт окажется на моем письменном столе, а я и без того знаю, что случилось. Не думаю, что парк «Серендипити» должен нести ответственность за действия пчелы-одиночки, которая к тому же делала то, что ей положено делать. Тем не менее, я велю опрыскать кусты жимолости репеллеитом, чтобы подобное не случилось впредь.

Говоря все это, Скотт расхаживал по комнате, засунув руки в карманы и с неподдельным интересом разглядывая развешанные по стенам плакаты и напоминания. Хейли сидела за пишущей машинкой как приклеенная. Что она наговорила этому человеку? Была ли она груба с ним? Да, была. Она намеренно и в течение долгого времени не сообщала ему, что произошло с его дочерью. Она заставила его пройти пешком долгий путь от «Сайдуиндера» до медпункта. Господи, как ей повезет, если завтра утром она еще не будет уволена. Ведь

он может вышвырнуть ее прямо сейчас!

– А вот что действительно заслуживает моего пристально-го внимания, так это то, как мои служащие ведут себя в экстренных ситуациях. В противном случае это безответственность по отношению к посетителям нашего парка, не правда ли?

Впервые с того момента, как он представился, Хейли открыла рот, однако голос ее больше напоминал испуганный комариный писк:

– Да, правда.

«Вот оно, начинается, – подумалось ей. – Сейчас он либо разнесет меня в пух и прах и установит испытательный срок, либо сразу же уволит. Но ведь он сам спровоцировал эту грубость!» – стала придумывать она аргументы в свою пользу. Хейли продолжала ругать себя за нотации, которые читала хозяину, как вдруг заметила, что он подошел к процедурной и осторожно постучал в дверь.

– Фейт, – позвал мужчина. – Как ты там? Я все еще хочу прокатиться на «Сайдуиндере».

Дверь приоткрылась, и из нее с печальной мордочкой вышла пострадавшая. Скотт мягко улыбнулся дочери и приподнял ее головку за подбородок.

– Привет, малыш. Ты заставила меня здорово поволноваться. Тебе уже лучше?

– Да, папа. Извини, я так глупо себя вела. Мне было слишком... Ну... Я была...

– Не надо ничего объяснять. Поблагодари мисс Эштон и пойдем. Если ты, конечно, не хочешь просидеть остаток жизни в процедурной.

– Нет, – улыбнулась Фейт. Со стороны казалось, что ей страшно хочется прыгнуть отцу на шею и повиснуть на нем, однако что-то ее удерживало. Вместо этого девочка повернулась к Хейли, которая по-прежнему сидела за письменным столом, будто превратившись в соляной столб.

– Спасибо, Хейли. Даже не знаю, что бы я без тебя делала. Ты – просто класс!

– Спасибо за комплимент. Я рада, что оказалась поблизости и смогла тебе помочь. Не беспокоит ли тебя укус?

– Не-а, вообще не болит.

– Смотри, чтобы ранка не воспалилась. Иногда укусы насекомых могут оказаться очень серьезными. – Превозмогая охватившие ее страх и оторопь, Хейли перевела взгляд на отца Фейт и своего хозяина. – Мистер Скотт, может быть, вам стоит купить в аптеке какую-нибудь специальную мазь?

– Хорошая мысль, мисс Эштон. Как вы думаете, какую именно?

Дрожащими руками Хейли нацарапала на клочке бумаги название мази и протянула Скотту, однако вместо того, чтобы взять его, он обхватил запястье Хейли и в упор посмотрел на нее.

– Мы еще встретимся, – многозначительно проговорил он своим низким голосом и только потом выхватил из ее паль-

цев записку.

– Фейт, – позвал он дочь, и они рука об руку вышли в полдневный зной, в то время как Хейли осталась дрожать в прохладной приемной медпункта. Впрочем, причиной этой дрожи, что сотрясала все ее тело, был вовсе не холод.

Как же можно было оказаться до такой степени слепой! Хейли почувствовала раздражение по отношению к Скотту с первого же взгляда. Она грубила ему, получала какое-то болезненное удовлетворение, доводя до белого каления! Намеренно, с потаенным наслаждением заставила его идти по солнцепеку, хотя в электрокаре вполне хватило бы места на троих! А ведь никогда раньше Хейли Эштон не относилась к другим людям так наплевательски!

Она сделала запись в журнале медсестры, вкратце изложив суть происшедшего, и вышла из медпункта. Стоит ли ей позвонить руководителям других подразделений и сообщить, что их общий наниматель находится в парке? Нет! Она и без того навлекла на себя гнев мистера Скотта, так что теперь до того момента, пока он сам не даст о себе знать, лучше быть тише воды и ниже травы. Остается только надеяться, что если ее коллеги наткнутся в парке на хозяина, то поведут себя более благоразумно, нежели она.

Хейли быстро пересекла служебную территорию, не глядя по сторонам. Проработав в парке «Серендипити» четыре года, она знала его многочисленные дорожки, ручейки, лавочки, закусочные, театры и аттракционы как свои пять пальцев.

Ничего удивительного: без этого Хейли просто не смогла бы выполнять свои служебные обязанности.

Хейли была помешана на добросовестном отношении к работе и славилась среди коллег своей компетентностью. Тот все удивятся, когда ее уволят за то, что она нахамила посетителю, который в придачу оказался Тайлером Скоттом!

После того как Хейли проработала в «Серендипити» год, парк был продан компании «Скотт энтерпрайзез» из Атланты и превратился в частичку гигантской империи, принадлежавшей этому человеку. В нее входили компании по недвижимости, деревообрабатывающие заводы, фирмы по производству компьютеров.

– Вам звонит Элен Эштон. Вы оплатите телефонный разговор? – раздался голос телефонистки.

– Да, – устало ответила Хейли.

– Привет, сестричка!

На секунду Хейли почувствовала раздражение из-за того, что Элен опять звонит за ее счет, но затем с виноватым вздохом отогнала от себя эти эгоистические мысли. Если у нее самой выдался жуткий день, это не значит, что она имеет право срывать свое раздражение на других.

– Привет, Элен. Как дела?

Задавая этот вопрос, Хейли заранее знала, что за ним последует долгий и подробный рассказ о всех последних событиях в жизни Элен. Причем – за ее счет. Она села на постель и терпеливо приготовилась слушать.

Хейли сознавала, что привлекательна. Но сестру, которая была на два года младше ее, считала просто красавицей. Если у Хейли волосы были цвета темной меди, то у Элен – пламени. Хейли была высокой и стройной, как манекенщица, однако с тех самых пор, как была подростком, привыкла считать себя тощей и угловатой. Элен в отличие от нее не страдала комплексами. Из девочки она превратилась в женщину с роскошными формами, причем без всяких наполненных юношескими предрассудками переходных состояний.

Хейли была человеком зависимым, Элен – восхитительно безответственным и безрассудным, однако ее красота и искристый, непостоянный, словно легкое вино, характер делали ее объектом всеобщего обожания. Если благодаря этим качествам она теряла место, то благодаря им же незамедлительно очаровывала очередного мужчину и снова получала работу, несмотря на свои более чем ограниченные способности.

– Судя по твоему голосу, новая работа нравится тебе куда больше прежней? – перебила сестру Хейли, когда та после нескольких минут безостановочной болтовни сделала паузу, чтобы перевести дыхание.

– О да! Здесь люди гораздо приятнее. А в той, другой конторе работали сплошные стервы! Наверное, они мне просто завидовали, вот и врали, будто бы босс говорил про меня всякие гадости. Так что я смылась ради собственного спокойствия.

Хейли подозревала, что версия сестры относительно того, почему ей пришлось уволиться с последнего места, была далека от истины, но не стала спорить и допытываться. Элен вообще не стоило работать, она была просто не предназначена для этого. Ей бы найти мужа с толстым кошельком и огромным запасом терпения, чтобы он баловал ее до конца жизни.

– На новом месте я уже успела завести несколько новых друзей, и мы каждый вечер ходим танцевать.

– Это просто замечательно, Элен.

– Ага! На следующей неделе я иду на вечеринку в кантри-клуб, меня пригласили. Это потрясающее место – там собираются все сливки общества. – Это проявление снобизма сестры, непонятно откуда взявшегося, заставило Хейли вздохнуть. – Но мне не дает покоя одна маленькая – совсем малюсенькая – проблемочка.

Хейли заранее знала, что это за «проблемочка».

– Сестренка, мне нужно новое платье, а у меня еще – толстенная пачка неоплаченных счетов. Я ведь только что вышла на новую работу. Может, ты подкинешь мне немного? Ну, пожалуйста!

– Но, Элен, я ведь только на прошлой неделе послала тебе деньги! – с ноткой раздражения напомнила Хейли. – Куда они подевались? – Эта жалкая сотня долларов?

– Эту «жалкую сотню долларов» мне было очень непросто заработать, – сухо парировала старшая сестра.

– Извини, сестренка, я не хотела показаться неблагодарной. Господи, совсем наоборот! Но все эти деньги я потратила на новый костюм. Ты же понимаешь, что я не могу заявиться на новую работу в старье!

Хейли подозревала, что шкафы у Элен просто ломаются от «старья».

– Ты, по-моему, говорила, что эти деньги нужны тебе для оплаты телефона?

– Говорила, но за телефон я заплатила, заняв немного денег у одной из девушек, с которыми теперь буду работать.

От злости Хейли закусилла нижнюю губу, но сумела подавить в себе вспышку гнева и рассудительным тоном заметила:

– По-твоему, это правильно – занимать деньги у человека, с которым ты едва знакома?

– А, плевать! Мы с ней уже лучшие подруги.

«Надолго ли?» – хотелось спросить Хейли. У нее внезапно разболелась голова, и она досадливо потерла лоб.

– Хорошо, Элен, я вышлю тебе еще немного, но это – в последний раз. – Ей вспомнились ледяные серые глаза, в упор смотревшие на нее сегодня днем, и она подумала, что уже завтра может остаться безработной.

– Самый что ни на есть последний! – торжественно заверила Элен, вслед за чем разразилась целым потоком похвал в адрес Хейли:

– Ты самая лучшая в мире сестра! Как я счастлива, что ты

заботаешься обо мне!

Затем сестры попрощались. Все это повторялось уже не в первый раз и – Хейли не сомневалась – будет повторяться в будущем. От подобной привычки Элен вряд ли сумеет избавиться.

Хейли всегда заботилась о младшей сестре. Когда они были еще маленькими девочками, все окружающие – причем этого никто не скрывал – воспринимали Элен как «хорошенькую», а Хейли как «уменькую». Благодаря ангельскому личику Элен родители прощали ей всю ее безответственность и забывчивость, а думать за нее была вынуждена старшая сестра. Хейли всегда вытаскивала Элен из передрыг. Прошли годы, но ничего не изменилось.

На протяжении всей своей жизни Хейли несла на себе крест какой-либо ответственности. Когда родители состарились, именно она осталась дома ухаживать за ними, а Элен, не моргнув глазом, уехала, поскольку, по ее словам, не могла жить с больными людьми. И это при том, что у родителей младшая дочь явно была любимицей. Им хотелось бы, чтобы с ними находилась именно Элен. Хейли не осуждала их за это. Во время кратких и бурных визитов Элен к старикам весь дом наполнялся смехом и весельем. Что ж, конечно, им было бы приятнее жить с жизнерадостной младшей дочерью, нежели с занудой-старшей.

«Да что же это такое! – мысленно воскликнула Хейли, откинувшись на подушки. – Что со мной такое сегодня про-

исходит? В чем причина жалости к самой себе?» Риторический вопрос! Ответ на него был ей известен: Тайлер Скотт. Она построила для себя свой маленький мир, пусть несколько скучный и бесцветный, но что теперь сделает с ним этот человек?

Словно желая подсказать ответ, резко зазвонил телефон. Рука сама потянулась к трубке, но в течение нескольких секунд Хейли не решалась ее снять. Что-то подсказывало ей, кто звонит. Так и есть!

– Мисс Эштон? – прозвучал в трубке голос сразу же, как только женщина поднесла ее к уху. – Это Тайлер Скотт.

– Да, мистер Скотт. Как себя чувствует Фейт?

– Хорошо, но я звоню по другому поводу. Надеюсь, не помешал вам своим звонком?

Это он всерьез? Как не стыдно: спрашивать, не потревожил ли он ее звонком, если через минуту собирается сообщить ей, что она уволена!

– Н-нет... Я лежу отдыхаю.

В трубке зависло молчание. В этой паузе чувствовалось такое многозначительное напряжение, что ее даже не надо было заполнять ничем иным.

– Эй, – окликнул ее собеседник, – я ведь не оторвал вас ни от каких важных занятий?

Намек был прозрачным и откровенным. Хейли резко втянула в себя воздух и твердо ответила:

– Нет, ни от чего по-настоящему важного, мистер Скотт.

– В таком случае жду вас завтра в тринадцать часов в офисе Сандерса.

Ошеломленная, Хейли держала в руке трубку, из которой уже неслись короткие гудки. Черт бы его побрал! Какое право он имеет строить какие-то предположения относительно ее личной жизни! А если даже в его испорченном уме и возникли какие-то скабрзные мысли, как он смеет высказывать их вслух! Завтра при встрече она без обиняков выскажет ему все, что думает о его грязных намеках!

Завтра...

Что он собирается сделать? Что хочет ей сказать? Зачем заставляет ее ворочаться как на иголках, думая о том, потеряет ли она работу? Если уж решил уволить, почему не сказать об этом сразу?

Начисто забыв про ужин, Хейли побрела в ванную комнату. Она без труда найдет другую работу. С ее-то опытом! Так с какой же стати ей беспокоиться о том, что у него на уме? Ну и черт с ним, пусть увольняет! Пусть заберет ее должность себе, и посмотрим, может, у него самого лучше получится? «Да никогда в жизни, мистер Скотт!» – выкрикнула Хейли своему отражению в зеркале.

Ей нужно изменить свою жизнь. Сделать что-нибудь неожиданное. Нет, лучше – неслыханное. Даже – скандальное. Хейли Эштон всегда поступала правильно, всегда делала только то, чего от нее ждали, и всегда... страдала от этого. Удивила ли она, разочаровала, шокировала ли хоть одного

человека? Никогда.

Так не пора ли? А если пора, то что нужно для этого сделать: ограбить банк, пробежаться гольшом по улице или завести роман?

Голова Хейли непроизвольно вздернулась вверх, взгляд ее снова устремился к зеркалу по другую сторону ванны. Откуда вдруг взялась эта мысль? Она и сама не знала. А вот и следующая, которая так и не всплыла невесть откуда: «Интересно, что Тайлер Скотт думает обо мне как о женщине? Господи, что только не придет в голову!»

Объективно говоря, он представлял собой образчик идеального мужчины, если, конечно, такой тип вам по вкусу. Черты его лица говорили о суровости и мужественности, хотя Скотт, судя по всему, умел и улыбаться: когда он говорил о себе как о начинающем родителе, Хейли заметила на его губах подобие улыбки. Взгляд его серых глаз излучал холод, однако смягчился и потеплел, когда он посмотрел на дочку. И, несомненно, он был красив.

А вот про убийственные взгляды, которыми он награждал саму Хейли, можно было сказать все, что угодно, кроме того, что они плотоядны. Женщина грустно усмехнулась. Конечно, был один момент, когда Скотт устремил взгляд на ее грудь, но – только для того, чтобы прочесть имя и фамилию Хейли на пластиковой карточке. Вряд ли его глаза задержались там надолго.

А потом был еще один момент, когда Скотт взял ее за руку

– ей, впрочем, показалось, что это длилось целую вечность. Интересно, удалось ли ему почувствовать, как бешено бился ее пульс у запястья?

Хейли уже лежала в постели. Она протянула руку и выключила ночник, надеясь, что кружившие в ее мозгу обрывки эротических фантазий разбегутся, однако они не испугались темноты и по-прежнему заставляли ее беспокойно ворочаться под простыней. Когда Хейли наконец заснула, тело ее источало жар. Ей снилось, что пчела укусила в грудь не маленькую девочку, а ее, Хейли, и Тайлер пытается унять ее боль. Прикосновения его были нежны, но словно бы наполнены неведомой энергией, глаза смотрели с симпатией, но будто ничего не выражали. Его рот...

Одним словом, нормально поспать Хейли в эту ночь так и не удалось.

Утро следующего рабочего дня преподнесло череду мелких неприятностей. Кто-то из посетителей потерял бумажник, который, впрочем, вскоре удалось отыскать, и на Хейли обрушился град слезных благодарностей за помощь, оказанную в поисках. То и дело терялись дети, но и они через непродолжительное время воссоединялись с обезумевшими от горя родителями. Не внушали особой тревоги и сводки из медпункта: одна содранная коленка и одна разболевшаяся голова. Хейли лично приветствовала группу пожилых посетителей, устроивших пикник на свежем воздухе, про-

смотревших представления во всех театрах парка и скромно прокатившихся на карусели. Желая ублажить старичков и взяв на себя обязанности другого своего коллеги, Хейли сама позвонила массовику-затейнику, который должен был приступить к работе только через час, и он пообещал явиться немедленно.

Во всех этих заботах утро пролетело незаметно, но по мере того, как приближался час аудиенции у Тайлера Скотта, время тянулось все медленнее.

В двенадцать тридцать она оставила вместо себя на хозяйстве Шарлин и вышла из офиса. Хотя по-прежнему было жарко, поверх зеленой форменной блузки Хейли надела еще и белый блейзер. Отправляясь на подобную встречу, нужно выглядеть официально.

Хармона Сандерса, главного управляющего парка, на месте не было, но Хейли приветствовала его энергичная секретарша. Казалось, что этот устланный коврами офис находится за сотни миль от шумного парка развлечений.

– Привет, Хейли!

– Привет, Нэнси! А где все? Обычно приемная главного управляющего была заполнена руководителями различных служб, жаждавшими пошептаться с начальником.

– Все залезли под корягу из-за... – секретарша оборвала себя на половине фразы и мотнула головой в сторону закрытой двери в кабинет, —..этого. – Она поманила Хейли пальцем и перегнулась через стол. – Представляешь, не появлял-

ся тут целых три года и вдруг – нате вам! Но, Хейли, какой же это потрясающий мужчина! Увидишь его – сама поймешь. Господи, я чуть не померла от страха, когда он эдак простенько вошел в дверь и представился.

Нэнси сделала глубокий вздох, изобразив, что от этого воспоминания у нее перехватило дыхание.

– Он велел впустить тебя в кабинет сразу же, как только ты появишься. Ты как, готова? – спросила Нэнси с сочувствием, словно провожала подругу на эшафот.

– Да, – ответила та с наигранным безразличием. Подойдя к тяжелой дубовой двери, она повернула медную ручку. Тайлер Скотт склонился над письменным столом и внимательно изучал какой-то отчет, в виде компьютерных распечаток лежавший на полированной поверхности стола.

– Входите, мисс Эштон, – предложил он, не поднимая головы. Как, интересно, он догадался, что это именно она, Хейли? – Вас с головой выдает благоухание «Шанель», – продолжал Скотт, словно прочитав ее мысли, и, поглядев наконец на Хейли из-под густых бровей, сказал:

– Садитесь.

Значит, хозяин решил придерживаться дружеского, а не формального тона, иначе он не отпустил бы этого замечания по поводу духов. Кстати, откуда, интересно, такие глубокие познания в ароматах парфюма? Ощущая дрожь в коленях, Хейли подошла к одному из мягких кожаных стульев возле письменного стола, села у закинув йогу на ногу и одернула

юбку.

Ее благородный гнев по поводу вчерашней телефонной грубости Скотта позорно испарился. Какой смысл злить его еще больше? Он – самый обычный узколобий мужлан, считающий женщин неполноценными существами, и никакие слова, не смогут убедить его в обратном. Со стороны Хейли будет лучше попросту не обращать внимания на то, что он говорил вчера по телефону. В теперешнем разговоре она станет строго придерживаться сугубо профессиональных тем.

Прошло не меньше минуты, прежде чем Скотт отложил в сторону распечатки и сел за письменный стол. Странно, что он не поручил изучить отчеты о работе парка «Серендипити» какой-нибудь мелкой сошке, а предпочел заняться этим лично.

Рукава его белой рубашки были закатаны до локтя. На столе валялись золотые запонки с его инициалами. Узел полосатого галстука был ослаблен, верхняя пуговка воротника – расстегнута. Пиджак Скотта висел на деревянной вешалке, стоявшей позади, а сам он был в жилетке, туго обтянувшей его могучий торс.

Откинувшись в кресле, Скотт положил ноги на стол и закинул одну на другую.

– Ну, как вы, мисс Эштон?

Если он поставил целью сконфузить свою собеседницу, то цель эта была достигнута. Хотя, надо сказать, Хейли и не ожидала увидеть изысканные манеры.

– Я в порядке, спасибо, мистер Скотт.

Как себя чувствует Фейт? Ее больше не беспокоил укус?

– Нет, – улыбнулся мужчина. – Я был, разумеется, изгнан из ванной комнаты, поэтому не видел, что там такое, но, насколько могу судить, с ней тоже все в порядке.

Хейли улыбнулась собеседнику в ответ и немного расслабилась.

– Это хорошо, а то я очень волновалась за нее. Я бы позвонила ей сегодня утром, да не знала, где вы остановились.

– В «Гленстон лодж», у меня заказаны апартаменты на несколько недель. – Хейли была удивлена, и, очевидно, это отразилось на ее лице, поскольку собеседник пояснил:

– Моя компания базируется в Атланте. Там – наш дом, а сюда я приехал, чтобы произвести в парке кое-какие изменения. Я подумал, что и для Фейт невредно сменить обстановку. Она... не в своей тарелке с тех пор, как погибла ее мать.

– А разве в сентябре ей не надо идти в школу?

– Конечно, надо, но... Прошлой весной, когда погибла Моника, у девочки был психологический срыв, и врачи сказали, что ей необходим отдых. Летом я немного занимался с ней, но в школу собираюсь отправить только после Рождества, не раньше. Она всегда была отличницей, так что быстро догонит одноклассников. Ее душевное равновесие для меня гораздо важнее, нежели школьные успехи.

– Наверное, вы правы. – Зачем он рассказывает ей все это? Нет, Хейли, конечно, было далеко не безразлично все, что

связано с Фейт. Девочка проявила к ней гораздо больше расположения, нежели ее грозный папаша. Хейли была искренне тронута беззащитностью Фейт. Но где это видано, чтобы воротила масштаба Тайлера Скотта обсуждал свои семейные дела со служащей, которую к тому же собирается вышвырнуть за дверь!

– Скажите, Хейли, вам нравится работа в «Серендипити»? – неожиданно спросил ее Скотт.

Неужели он обратился к ней по имени? Она не ослышалась?

– Да.

– Вы намерены ограничиться этим сухим лаконичным ответом? – В глазах Скотта мелькнул лукавый огонек.

– Нет, конечно. Я работаю здесь уже четыре года, а пришла в «Серендипити» еще до того, как вы его купили. Хармон... то есть мистер Сандерс, периодически поднимал мне зарплату, и поэтому я не видела смысла искать другую работу. Он платил мне...

– Вам платил я, а не Сандерс.

– О, – покраснела Хейли, – простите. Я думала...

– Вы думали, что человек, живущий в Атланте, вознесся слишком высоко, чтобы знать всех своих подчиненных. Однако я не таков, Хейли. Я знал о вас и ваших способностях еще до того, как приобрел этот парк.

Способностях? Сказал бы он такое, если бы собирался уволить ее?

– В моем досье на мисс Хейли Дайан Эштон, двадцати восьми лет от роду, карточка социального страхования номер 462-89-1002, недоставало одной подробности. Там не было сказано, что вы – чрезвычайно красивая женщина.

Ее сердце подпрыгнуло и на несколько секунд замерло, а потом начало бешено колотиться, Хейли утратила способность дышать. Отведя глаза, чтобы спрятаться от гипнотического взгляда сидевшего напротив мужчины, она уставилась на подол своей юбки. Когда же снова осмелилась поднять на него взгляд, он смотрел туда же, куда за секунду до этого – она: на подол ее юбки, под которым угадывалось ее колено. Затем глаза Скотта опустились еще ниже, исследуя стройные, обтянутые нейлоном икры женщины. Она почувствовала, что у нее кружится голова. К чему он ведет? Этого только не хватало! Неужели, чтобы сохранить свою работу, ей придется с ним переспать?

Пауза, однако, затянулась. Правила вежливости требовали от Хейли хоть какого-нибудь ответа.

– Благодарю вас, – выдавила она.

– Не за что, – кивнул Скотт и, встав с кресла, обошел письменный стол, небрежно примостившись на его уголке. Он, похоже, развлекался. Ну когда же будет нанесен решающий удар?

– Скажите, вы когда-нибудь задумывались о том, чтобы покинуть «Серендипити»?

– Нет, – решительно тряхнула головой Хейли. – Мне нра-

вится моя работа.

– А если я предложу вам другую? Значит, он не собирается увольнять ее! Женщина подняла глаза.

– Какую? – с любопытством спросила она, хотя и не думала, что ему действительно удастся заинтересовать ее чем-нибудь стоящим.

– Мне принадлежит одна компьютерная фирма, и там нужен работник вроде вас. Такой, который умеет общаться с клиентами. Я хотел бы, чтобы вы научили этому искусству тамошний персонал.

– Но я не разбираюсь в компьютерах!

– Разбираться в компьютерах вам как раз не обязательно. Достаточно того, что вы разбираетесь в людях. Мне, по крайней мере, от вас нужно именно это. Работающие там люди технику знают досконально, но, к сожалению, совершенно не умеют строить отношения с клиентами. Не согласитесь ли вы подумать над этим предложением?

Несколько секунд Хейли смотрела ему в лицо, а затем опустила взгляд на свои похолодевшие от волнения руки.

– Наверное, нет, мистер Скотт. Мне на самом деле хорошо здесь, в «Серендипити».

– Понятно. – Скотт также опустил взгляд и в течение некоторого времени, нахмурившись, созерцал носки своих сияющих туфель. Из приемной донеслась телефонная трель и слышался приглушенный голос Нэнси. Помимо этих звуков, ничто не нарушало тяжелое молчание, повисшее в комнате.

– Что ж, продолжайте работать в своем нынешнем качестве, – наконец проговорил Скотт, подняв глаза на Хейли. – Откровенно говоря, для меня будет даже удобнее, если вы останетесь здесь.

– Удобнее? – переспросила Хейли. – Я что-то не понимаю вас, мистер Скотт. Что удобнее?

– Соблазнить вас, – без колебаний ответил он, насмешливо сверля ее своими серыми глазами.

Глава 3

Если бы в этот момент Скотт расправил большие белые крылья, Хейли и то удивилась бы меньше. На некоторое время она лишилась дара речи и способности двигаться, рот ее непроизвольно открылся, как у умственно отсталой.

– Что? – выдохнула она.

– Вы правильно расслышали меня.

– Не верю своим ушам!

– Напрасно. Я намерен вас соблазнить.

– Вы шутите?

– Я никогда не шучу. – Вслед за этим, опровергая собственное утверждение, Скотт расхохотался. Даже при том, до какой степени она была ошеломлена его наглостью, Хейли отметила, что ей был приятен его громкий низкий смех.

– Похоже, вы удивлены, – проговорил он. – Чем же? Мы с вами могли бы стать идеальными любовниками. И по возрасту подходим – я на десять лет старше вас и могу дать вам все, что только пожелаете. В то же время вы не будете находиться от меня в материальной зависимости. Мы оба образованны и умны. Мои взгляды, насколько мне известно, еще никому не внушали отвращения, и я уже сказал вам, что считаю вас очаровательной. Повторю, мы, по-моему, стали бы идеальной парой.

Взбешенная, Хейли вскочила на ноги, словно подброшен-

ная пружиной. Ей не верилось, что мужчина – любой мужчина – может так беспардонно разговаривать с женщиной.

– Надеюсь, это шутка, – возмущенно произнесла она.

– Вовсе нет. Я говорю это совершенно серьезно, в мои планы входит в самом скором времени стать вашим любовником.

– Мне плевать на ваши планы, если только они не связаны с моей профессиональной деятельностью. Я сознаю, что вчера была груба с вами, и приношу свои извинения, но мне кажется, что наказание, которое вы выбрали для меня, очень дурно пахнет. Сексуальные домогательства с использованием служебного положения – самое отвратительное, что может придумать начальник по отношению к своей подчиненной. Я скорее умру, чем соглашусь на дешевую интрижку с вами, а если вам недостаточно простого «нет» с моей стороны, то можете забирать все свои выгодные предложения и катиться к чертовой матери!

Она развернулась на каблуках и кинулась к двери, однако на полпути была остановлена властным окриком Скотта:

– Хейли! Подождите!

Не желая, чтобы он подумал, будто она боится, женщина обернулась и встретилась с ним взглядом. Каждая черточка ее лица буквально дышала яростью.

– Вы сказали «сексуальные домогательства»? Мне не хотелось, чтобы вы восприняли мои слова таким образом, но, коли это случилось, хочу пояснить: к вам никто не собира-

ется приставать. Я намерен увлечь вас, влюбить вас в себя.

– Не надо словесных упражнений! Это – то же самое.

Скотт улыбнулся:

– Не совсем. По крайней мере, у меня – свои секреты и методы убеждения. Когда мы сойдемся поближе, вы будете желать меня так же страстно, как сейчас желаю вас я.

– И не мечтайте!

– Вас ведь уже тянет ко мне.

– О-о... – простонала Хейли сквозь сжатые зубы. – Вы просто... Я... Я не...

– Правильно, вы и не думали, что это – сексуальные домогательства. Этим термином называется совсем другое – когда наниматель использует свое служебное положение и склоняет сотрудницу к сожительству, угрожая в противном случае лишить ее работы. Во-первых, вам нечего волноваться за свое место, во-вторых, даже если бы вы не работали на меня и мы встретились при совершенно иных обстоятельствах, я точно так же вознамерился бы завоевать вас.

– Однако, потеряв меня, ваша компания не развалилась бы.

– Я считаю вас ценным сотрудником и не хотел бы потерять из-за приступа собственной похоти. Если бы я был человеком подобного сорта, то уже заставил бы вас подчиниться своей воле с помощью угроз и запугивания. И уж, по крайней мере, не стал бы тратить целых полчаса своего времени на препирательства с вами.

Должен признать, что вчера я поддался панике, – продолжал Скотт. – Если бы любой другой из гостей повел себя таким же образом, я ожидал бы от своего менеджера по работе с посетителями оперативных и эффективных действий – именно таких, какие предприняли вы. Главной задачей для вас было позаботиться о пострадавшем госте, в данном случае – Фейт. Я считаю, что вы действовали на пять с плюсом.

Честность собеседника обезоружила Хейли.

– Спасибо, – сухо ответила она.

– Однако, – с нажимом произнес Скотт, оттолкнувшись от стола и сделав несколько шагов в ее сторону, – ваши блестящие профессиональные качества не имеют ни малейшего отношения к теме нашего разговора.

Он стоял уже в нескольких сантиметрах от Хейли, и женщина была вынуждена запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Инстинкт самосохранения требовал, чтобы она немедленно бежала отсюда, но жар, горевший в его глазах, словно пригвоздил ее к месту. Мужчина поднял руки и опустил их на плечи Хейли, его губы, оказавшиеся в опасной близости от ее рта, прошептали:

– Я хочу, чтобы ты вошла в мою жизнь, Хейли. И в мою постель.

Она ожидала, что его губы будут жесткими, требовательными, даже жестокими, однако все оказалось иначе. Губы, пленившие ее рот, были нежные и будто о чем-то просили. Тайлер словно смаковал этот поцелуй, пил его нежно и не

торопясь, как будто опасаясь, что женщина растает в воздухе, прежде чем он успеет распробовать ее.

Хейли не сопротивлялась, но и не отвечала на поцелуй. Поначалу шок от всего происходящего лишил ее способности двигаться, однако теперь, с каждым ударом сердца, напряжение становилось все меньше. Расслабились и ее губы, которые он ласкал своим языком – ненавязчиво, словно дразня. Откуда-то издалека до Хейли донесся звук, и прошло несколько секунд, прежде чем она сообразила, что сама издала его. Ее руки непроизвольно поднялись, и ладони оказались на широкой груди Скотта.

Женщина слегка подалась вперед, и, откликнувшись на это движение, он привлек ее к себе – решительно и нежно. Руки мужчины обвились вокруг ее талии, как железные цепи... Нет, скорее как бархатные ленты. Как бы то ни было, теперь она не смогла бы убежать.

Уступив настойчивым движениям его языка, губы Хейли раздвинулись. Поцелуй дарил такое наслаждение, что у нее закружилась голова.

В глубине сознания неотступно вертелась мысль: она должна положить этому конец. Что она делает? Ведь это безумие: стоять тут, у своего начальника, и целоваться с ним! Кроме того, это совершенно не в ее характере! Но ведь только вчера вечером, в минуту одиночества и отчаяния, ей в голову пришла мысль выкинуть какой-нибудь фортель – хотя бы для разнообразия. Так почему бы теперь не воплотить эту

фантазию в жизнь? В конце концов можно в любой момент остановиться. Что тут такого? Невинный поцелуй – и ничего больше!

Умело и не торопясь Тайлер исследовал и смаковал ее рот. Она и не думала, что обычный, казалось бы, поцелуй способен дарить подобное наслаждение. Отвечая на ласки, Хейли бессознательно прижала еще крепче к его широкой груди и ощутила, как там, где-то в глубине, раздался глухой стон наслаждения. С неосознанным бесстыдством женщина отметила, что, оказывается, и она, правильная, зависимая Хейли Эштон, способна заставить большого сильного мужчину стонать.

Прошло довольно много времени, и, задохнувшись, Скотт Тайлер оторвался от губ Хейли и стал ощупывать жадным, пристальным взглядом каждую черточку ее лица. Уверенными движениями он расстегнул пуговицы ее блейзера и распахнул полы ее пиджака. Теперь его взгляд жег грудь женщины, и, словно отвечая на молчаливый призыв его глаз, соски Хейли напряглись и отчетливо проступили через легкую ткань блузки.

Скотт нежно улыбнулся. Его сильные загорелые пальцы мягко убрали медные пряди ее волос с горящих щек.

– Когда мы сблизимся, я открою все восхитительные секреты твоего тела, Хейли, и ты с наслаждением поделишься ими со мной. Я обещаю тебе это. Я познаю каждую твою клеточку – снаружи и изнутри.

Его мягкая речь вывела молодую женщину из транса, в котором она находилась. Хейли оттолкнулась от него с такой решимостью, что Скотт не устоял на месте и непроизвольно отступил назад, чтобы удержать равновесие.

– Вы не узнаете обо мне ничего нового, кроме того, что вам уже известно, мистер Скотт, – проговорила она, понизив голос. Еще никогда в жизни Хейли не испытывала такого бешенства по отношению к другому человеческому существу. – Я не допущу, чтобы ваши дурные манеры и отвратительное поведение заставили меня отказаться от любимой работы. Я намерена и дальше работать в «Серендипити» в своем нынешнем качестве. Если вам в голову придет мысль уволить меня или хотя бы еще раз прикоснуться ко мне, я стану кричать о ваших домогательствах на каждом углу, пока вас не потащат в суд. И не надейтесь на то, что вам все-таки удастся подчинить меня своей воле. Лучше сразу начните искать другую, более стоворчивую женщину.

Она резко развернулась, и ее острый каблук насквозь проткнул пушистый ковер на полу. Через секунду дверь кабинета с грохотом захлопнулась за ее спиной.

Нэнси с неподдельным интересом смотрела на Хейли, пулей вылетевшую в приемную.

– Что, плохи дела? – озабоченно поинтересовалась она.

Хейли проглотила проклятие в адрес Тайлера Скотта, которое было готово сорваться с губ, и холодно ответила:

– Вовсе нет. Мы с мистером Скоттом прекрасно поняли

друг друга. – И прежде чем Нэнси успела задать еще один вопрос, она вышла из приемной.

К тому времени, когда Хейли добралась до своего офиса, ее ступни горели – с такой силой она топала по раскаленному асфальту. Каждым шагом, сопровождаемым всеми известными ей проклятиями, она как бы припечатывала ненавистного Скотта – этого самонадеянного, наглого и гнусного типа.

Эта уверенность в том, что она не сможет противостоять его чарам, была просто смешна! Неужели он принимает ее за слабовольную бабенку, изголодавшуюся по сексу и готовую лечь под первого встречного мужика? Наверное, он взял Хейли на заметку, изучив ее личное дело и обратив внимание на ее возраст и семейное положение. Или предположил, что она – готовая на все старая дева, взять которую не представит труда?

Войдя в свой офис, Хейли велела помощнице поработать за нее еще немного и прошла в маленькую туалетную комнату, примыкавшую к ее кабинету. Глянув на свое отражение в зеркале, она встревожилась. Заметила ли. Шарлин эти растрепанные волосы, припухшие губы и горящие щеки?

Внешность Хейли всегда была безупречна, так что окружающие, должно быть, просто не могли не обратить внимания на ее взъерошенный вид и коралловое пятнышко губной помады на щеке. Очевидно, во время поцелуя она попала на губы Тайлера, а оттуда – опять на лицо Хейли. К счастью,

под блейзером не было заметно, что блузка ее перекручена и выбилась из-под юбки.

Бормоча ругательства в свой адрес, Хейли торопливо умылась и заново наложила косметику, а затем, расчесав волосы, собрала их в пучок на затылке. Приведя себя таким образом в порядок, она дала себе слово выкинуть все случившееся из головы.

Это, однако, оказалось непросто. Шарлин немедленно заметила рассеянность начальницы.

– Эй, Хейли, у тебя все нормально? Я тебя уже третий раз окликаю, но ты будто не слышишь.

– Да, со мной все в порядке, – откликнулась Хейли. – Просто голова болит.

– Так что мне ему сказать?

– Кому?

– Директору колледжа из Ноксвилла, – устало ответила Шарлин. – Он спрашивает, можно ли устроить у нас вечеринку для их футбольной команды в связи с окончанием сезона.

– Да, конечно. Когда у них заканчивается сезон?

– Тридцатого октября.

– Так зачем ты меня дергаешь по этому поводу? Сама ведь знаешь, что мы закрываемся первого октября.

– Ну я просто подумала...

– Никаких исключений, Шарлин!

– Хорошо, так ему и передам, – надувшись, пробормотала

помощница.

Хейли поняла, что незаслуженно обидела девушку, сорвав на ней свое плохое настроение, и поспешила загладить вину:

– Прости, Шарлин, – примирительным тоном проговорила она. – Дай мне его телефон, и я сама поговорю с ним. Извини мою грубость, такой уж сегодня выдался день.

– Да ладно, ничего. Это духота во всем виновата.

Однако Хейли знала, что причиной ее рассеянности и дурного настроения явилась вовсе не духота, а серые с дымкой глаза, затененные густыми ресницами. Они неотступно стояли перед ее внутренним взором, не позволяя сосредоточиться на работе. Да и не только глаза. Хейли до сих пор ощущала прикосновения ласковых ищущих губ, широкой крепкой груди, мужественная сила которой все еще наполняла ее тело дрожью.

До сегодняшнего дня Хейли встречала немного мужчин, которые бы всерьез интересовали ее, и уж точно ни один из них не занял в ее душе более или менее значимого места. А этот человек пытается проложить себе дорогу в ее жизнь и затем использовать ее. Что же в ней есть такое, что заставляет мужчин надеяться на легкую победу? Может, то, что Хейли легко попадает под чужое влияние? Или – слишком податлива? А может, она просто трусиха?

Ее всегда кто-то использовал. Родители – чтобы ставить в пример Элен. Элен – чтобы она выполняла за младшую сестру грязную работу и вытаскивала ее из всевозможных

передряг. Друзья, которым она никогда не умела отказывать, даже за счет собственных лишений.

Жизнь то и дело доказывала Хейли, что люди – эгоистичны, расчетливы и никогда не откажутся воспользоваться слабостью и уступчивостью ближнего.

Однако нет худа без добра. Разочарования и ошибки стали для Хейли хорошей жизненной школой. Главное – она научилась быть независимой и оберегала это, – как собака – любимую кость. Она не намерена становиться чьей-либо вещью. Тем более – Тайлера Скотта.

Когда пробило восемь, Хейли сосредоточенно изучала отчет о том, сколько посетителей прошло за сегодняшний день через турникеты парка «Серендипити». Неожиданно она услышала, как кто-то окликает ее по имени, и, подняв голову, увидела за зеркальным стеклом окна бегающую вокруг фонтана Фейт. Девочка запыхалась, лобик ее был усеян капельками пота, но на лице сияла широчайшая улыбка.

– Вот здорово, Хейли! – завопила она, остановившись у окна.

Хейли открыла окно, чтобы они с Фейт могли переговариваться, не напрягая голоса. Ей было приятно наблюдать радость, которой лучилась девочка.

– Здорово – что?

– Папа сказал, что ты сегодня ужинаешь с нами.

В тот же момент из-за водяной шапки фонтана показал-

ся сам Тайлер Скотт. Лицо его светилось самодовольством, пиджак был небрежно перекинут за спину и висел на указательном пальце. Несколько шагов – и он уже стоял возле окна, обнимая Фейт за плечи.

– Привет, – бросил он.

Хейли хотелось закричать. Хитрая улыбка на его лице выводила ее из себя больше, чем все те гнусности, которых она от него наслушалась. Женщина уже была готова выпалить какую-нибудь резкость, но тут взгляд ее упал на Фейт, глядевшую на нее с явным выжиданием.

Слова застряли в горле у Хейли. Какое свинство! Для достижения своих гнусных целей Тайлер не брезговал использовать даже ребенка! Однако Фейт была так невинна и искренна, что Хейли устыдилась: разве может она обмануть ожидания девочки!

– Как твоя «пчелиная» болячка? Не болит? – обратилась она к Фейт, начисто игнорируя Тайлера.

– Не-а. Папа купил в аптеке мазь, как ты сказала, и сегодня утром у меня вообще ничего не болело. А ты и вправду соображаешь!

– По крайней мере пчелу я перехитрила.

Фейт довольно хихикнула.

– Ну что, ты готова? Пойдем скорее. Впервые за эти несколько минут Хейли посмотрела на Тайлера и вдруг одарила его лучезарной улыбкой. Про себя она с удовлетворением отметила, что Тайлер был удивлен.

– Сейчас, – проговорила она, – подождите минуту. – И отошла от окна, чтобы взять сумочку и блейзер. Заодно она проинструктировала Шарлин, которая должна была оставаться «на хозяйстве» до закрытия парка в десять часов вечера. Напоследок Хейли еще раз посмотрелась в зеркало. При этом женщина попыталась уверить себя в том, что ей плевать, как она выглядит, и что она ни на кого – особенно на Тайлера Скотта! – не собирается производить впечатление.

Фейт нетерпеливо прыгала на одной ножке, а Тайлер невозмутимо стоял, поставив ногу на парковую скамейку. Он, похоже, не допускал и мысли о том, что Хейли может отказаться.

– Моя машина...

– Мы пройдемся до нее, а затем поедem следом за вами до вашего дома. И даже подождем, чтобы вы смогли переодеться, верно, Фейт?

– Ага! Я хочу посмотреть, где ты живешь, Хейли.

Черт! Он снова перехитрил ее и опять использовал для этого Фейт. Хейли как раз хотела поехать куда они там собирались на своей машине, чтобы потом на ней же вернуться домой. Тогда этот наглец не узнал бы, где она живет. Он, конечно, и так мог без труда вычислить адрес Хейли, заглянув в ее личное дело, но все же было обидно, что Скотт с такой легкостью увеличил счет в свою пользу.

– Я живу в двухэтажном домике на самой вершине горы, Фейт, – сказала Хейли, намеренно исключая Тайлера из их

разговора. – Вторую половину дома я сдаю туристам. Во время горнолыжного сезона их тут пруд пруди.

– Разве это не опасно – пускать под свою крышу незнакомых людей? – спросил Тайлер, ненавязчиво взяв Хейли под руку, когда они подошли к перекрестку на служебной автостоянке.

– Я тщательно выбираю, кого пустить под свою крышу.

– Однако для женщины, которая живет одна...

– Я никогда не говорила, что живу одна.

Скотт остановился как вкопанный – так резко, что его пальцы впились в кожу ее предплечья.

– Но ведь вы живете одна, разве не так?

Выражение его лица заставило Хейли насторожиться. Его брови сошлись в одну линию, глаза превратились в льдинки, губы плотно сжались. В коротком поединке между независимостью Хейли и ее осторожностью победила последняя.

– Да, одна, – ответила она, но тут же тихим голосом, чтобы ее услышал только он, добавила:

– А вообще-то, черт побери, это не ваше дело, с кем я живу.

– Я собираюсь сделать «это дело» своим. Предупреждаю, Хейли, я – любовник очень жадный и эгоистичный. Делить вас я не буду ни с кем.

Женщина открыла было рот, чтобы разнести наглеца в пух и прах, но тут раздался тоненький голосок Фейт:

– Хейли, которая тут твоя машина?

Хейли тряхнула головой, будто пытаясь что-то понять. События развивались настолько быстро, что она уже не контролировала этот процесс. Ах, как ей хотелось высказать этому самоуверенному грубияну все, что она о нем думает, но подходящего момента для этого никак не представлялось.

– Э-э-э... Тот синий джип.

– Джип?! Вот это да! – завопила Фейт и кинулась к машине. – Можно я поеду с Хейли? Можно, папочка? Ну, пожалуйста!

– Ты должна спрашивать разрешения не у меня, а у Хейли.

Фейт обратила умоляющий взгляд на женщину, и та не смогла отказать.

– Конечно, можно. Только учти, каждый, кто едет в моей машине, обязан пристегнуться ремнем.

– Само собой. Папа тоже всегда заставляет меня пристегиваться.

Хейли открыла правую дверцу, чтобы сесть в машину. В этот момент Тайлер положил руку ей на плечо и сказал:

– Моя машина стоит вон там, – он кивнул в сторону. – Подожди меня у ворот. Я поеду за тобой.

Это была не просьба, а вежливый приказ, которым мужчина ясно дал понять: ей даже и думать нечего, чтобы уехать без него.

Наверное, желая смягчить резкость своих слов, Тайлер погладил Хейли по плечу, а в следующее мгновение нагнулся и запечатлел быстрый поцелуй на ее губах. Щеки женщи-

ны тут же вспыхнули. Она поразовалась, что Фейт была уже в машине и не видела этой сцены. По этой же причине Хейли не могла дать ему отпор – это только привлекло бы к ним внимание девочки.

Повернувшись, она взялась за ручку автомобильной дверцы, заметив боковым зрением, что Тайлер уже направляется к своей машине.

– Давай, откроем окна, а то здесь жарко, как в печке. Когда станет прохладнее, я включу кондиционер. Вообще-то в таких машинах обычно не устанавливают кондиционеры, но я избалована. – Хейли улыбнулась девочке, смотревшей на нее с обожанием.

– У тебя классная машина, но почему ты выбрала именно джип? – с неумным детским любопытством поинтересовалась Фейт.

Хейли засмеялась:

– Поймешь, когда будем подъезжать к моему дому.

Гетлинберг был маленький туристский городок, помешанный на сохранении своей самобытности. Именно по этой причине улицы тут не расширялись и были вечно забиты транспортным потоком. Чтобы не застрять в пробке, Хейли не поехала по Паркуэй – основной магистрали, ведущей к выезду из города, – а выбрала улицу, тянущуюся вдоль быстрой речки Литл-Пиджин, затем свернула направо и очутилась на дороге, что вела в пэру. Лента дороги то и дело петляла, однако джип без труда справлялся с многочислен-

ными крутыми поворотами. Хейли недовольно смотрела в зеркало заднего вида. Большой мощный «Линкольн», ехавший за ними от самых ворот парка, преодолевал сложности дороги с такой же легкостью.

Двухэтажный дом Хейли прилепился к крутому склону горы. Не успела Хейли остановить машину на узенькой подъездной дорожке, как Фейт уже выскочила из машины.

– Будь осторожна, – крикнула ей вслед женщина. Хейли даже не оглянулась, чтобы убедиться, что Тайлер здесь. Она не сомневалась в этом ни на секунду.

– Постараюсь, – отозвалась Фейт. – Вот это класс! А на каком этаже ты живешь?

– На втором.

– А на первом кто?

– Сейчас – никого.

Дом, казалось, состоял из одних углов, образованных причудливым сочетанием стеклянных и деревянных панелей.

Крыша была скошена, и один ее край выступал над крыльцом, образуя навес, который как бы парил в воздухе. Отсюда открывался живописный вид на Гетлинберг, угнездившийся в низине во многих милях отсюда.

Хейли отперла входную дверь, и Фейт без ложного стеснения первой ворвалась в дом. Женщина нагнулась, чтобы подобрать лежавшую у порога вечернюю газету, и тут послышался низкий мужской голос:

– Очень мило!

Резко выпрямившись и обернувшись, она оказалась лицом к лицу с Тайлером. Однако его реплика, как выяснилось, не относилась ни к дому, ни к открывавшемуся отсюда виду. Оказывается, он внимательно смотрел на Хейли, когда та нагибалась за газетой.

– Благодарю, – ответила женщина с едва сдерживаемой яростью.

– Вы меня ненавидите, не правда ли?

– Нет, скорее вы мне противны.

– Почему?

– Я полагала, что даже такой человек, как вы, постыдится использовать собственную дочь в качестве сводницы.

Оскорбление наконец достигло своей цели. Триумфальное, самодовольное выражение на лице Скотта словно тряпкой стерли, и на нем проступила ярость. Однако прежде чем он успел что-либо ответить, в дверном проеме появилась мордашка Фейт. Девочка поинтересовалась:

– Ну вы что, входить не собираетесь?

– Уже идем, – с притворной веселостью ответила Хейли, повернувшись так быстро, что ее юбка взвилась в воздух. – Чувствуйте себя как дома, мистер Скотт. В холодильнике вы с Фейт найдете холодную кока-колу.

– Я лучше пойду с тобой, – откликнулась девочка. Она уже успела побывать в спальне Хейли, и ей там страшно понравилось.

– Хорошо, поможешь мне выбрать наряд.

– Честно? – восторженно воскликнула Фейт и сломя голову кинулась в спальню. К тому времени, как туда вошла хозяйка дома, девочка уже рылась в ее шкафу. – Вот, – сказала она, протягивая Хейли открытое платье, на котором еще болтался магазинный ярлык.

– Ну, даже не знаю, – протянула женщина. Она купила это платье в начале лета, поддавшись секундному порыву, и еще ни разу не надевала его. Во-первых, не было подходящего случая, а во-вторых, платье выставляло напоказ больше обнаженного тела, нежели к тому привыкла Хейли. Элен умоляла сестру подарить платье ей, однако Хейли с этим не торопилась. Сознание того, что в ее шкафу висит подобное платье, дарило призрачную надежду на то, что, возможно, когда-то и в серой жизни Хейли может произойти что-нибудь необычное.

– Оно красивое, – сказала Фейт. «Шикарное» – было бы более подходящим словом для голубого джинсового платья с пышной юбкой, отделанной белоснежным шитьем. Лиф был выполнен в виде корсета и плотно облегал грудь и талию женщины. При этом казалось, что платье держится только за счет едва заметных бретелек на плечах. Надевать под такое платье бюстгальтер было невыносимо.

– Ну-у...

– Давай же, Хейли, надень его, – не отставала Фейт.

Хейли колебалась. Ей не хотелось огорчить девочку, да и глупо было в конце концов иметь платье и не носить его. Лет-

ний сезон заканчивался, и другого шанса щегольнуть обновкой могло уже не представиться, а к следующему лету платье могло выйти из моды. Что ж, она наденет это платье. Но уж никак не для того, чтобы порадовать мистера Скотта, а если он вобьет себе в голову какую-нибудь очередную глупость, то ему придется об этом пожалеть.

Пока Фейт продолжала без умолку щебетать, Хейли зашла в ванную и переделалась. Платье сидело на ней изумительно, облегая ее словно вторая кожа. Тщательно расчесав волосы, она воткнула в них декоративные гребешки.

Любопытство Фейт пересилило хорошие манеры, и она легонько постучала в дверь ванной.

– Можно войти?

– Конечно, – откликнулась Хейли. Девочка вошла и с восхищением принялась следить за тем, как Хейли накладывает косметику. Фейт была шумна, непоседлива и неугомона, однако во всем этом было очарование. Было очевидно, что Фейт хочет услышать мнение взрослой женщины о своей внешности. Ей явно не хватало материнской ласки.

При активном участии Фейт Хейли выбрала из своей коллекции обуви открытые сандалии без каблука, затем подушилась, брызнув чуть-чуть «Шанель» и на девочку. Та пришла в такой восторг, что Хейли даже растрогалась: как же мало нужно этому ребенку, чтобы почувствовать себя счастливой!

Фейт обожала отца – в этом не приходилось сомневаться.

«Папа говорит...», «Папа думает...», «Папа», «папа», «папа» – с этих слов начиналась почти каждая ее фраза. Для Хейли было очевидно, что Фейт боготворит отца и для нее нет ничего дороже его одобрения.

Наконец Хейли была готова, и они с Фейт вышли в гостиную. Тайлер темным силуэтом стоял напротив квадрата окна и обернулся, заслышав их шаги. При взгляде на Хейли глаза его широко раскрылись, и женщина прочла в них неподдельное восхищение. Это было невольным признанием ее стараний. При этом ей пришлось подавить в себе острое желание хоть как-то прикрыть плечи и грудь.

– Мы готовы, – сказала она, и в голосе ее прозвучало волнение девочки, собравшейся на свое первое свидание.

– У тебя замечательный дом, – проговорил Тайлер.

Хейли обвела взглядом свое жилище, словно увидев его впервые. Одну стену занимал большой камин, сложенный из необработанного камня, вторую – зеркальные окна. Стулья и диван были обиты тканью нежных кремовых оттенков, а лежавшие на них подушки выполнены – для контраста – из ткани темного цвета. Дубовый паркет был устлан пушистыми коврами, две низкие арочные двери вели на кухню и в дальний конец комнаты, отгороженный от основного пространства гостиной и превращенный в столовую.

– Если тебе кажется красивой эта комната, взглянул бы ты на ее спальню! У нее на постели такой обалденный плед! Цвета персика, и такой мягкий! А ванная – просто отпад. Ты

обязан увидеть все это, папочка!

Его взгляд метну лея к Хейли, и та, замерев, опустила глаза к полу.

– Когда-нибудь, может быть, увижу, – многозначительно проговорил Скотт. – Так куда, ты говоришь, мы поедем ужинать, Фейт? – Обращаясь к дочери, он тем не менее продолжал смотреть на Хейли.

– Ну, ты же знаешь. Там – классно! Здоровская пицца, лазанья, а в задней комнате – электронные игры.

Тайлер засмеялся и перевел взгляд на дочь.

– Малыш – настоящий фанат компьютерных игр, – сказал он Хейли. Она улыбнулась в ответ:

– Сегодня это можно сказать о любом ребенке.

– Ты не станешь возражать против ресторана с электронными играми?

– Нет, конечно. Я могу и сама попробовать в них поиграть.

– Классно! Тогда – поехали, а то у меня уже в животе от голода бурчит. – Для большей убедительности Фейт попыталась изобразить, как именно у нее бурчит в животе, и сделала это так потешно, что взрослые покатались со смеху.

Хейли заперла дверь. Они с Тайлером спустились по ступенькам и следом за Фейт направились к его автомобилю. На ходу он обнял Хейли за плечи, привлек ее к себе и негромко сказал:

– Наверное, мне следует подумать о том, чтобы сменить фасон служебной униформы для сотрудников «Серендипи-

ти». Ты сегодня выглядишь просто великолепно, Хейли!

Свежее, пахнущее мятой дыхание Скотта опалило ей щеку. У нее запершило в горле, и сдавленное «спасибо» прозвучало неестественно.

– Приятно, глядя на тебя, видеть много голой кожи и мало одежды.

Это бесстыдное замечание привело к тому, что смущение Хейли мгновенно испарилось и сменилось яростью. Она отстранилась от своего спутника и с горячностью проговорила:

– Вы не имеете права разговаривать со мной подобным образом!

Губы Тайлера раздвинулись в усмешке, и в темноте блеснули белые зубы.

– Еще как имею! Не забывай: я намерен стать твоим любовником.

Хейли начала что-то сумбурно говорить, однако он прервал ее, проговорив:

– Прибереги эти аргументы для более подходящего случая, когда я смогу наглядно доказать тебе, что все они гроша ломаного не стоят, а сейчас – пойдем, нас ждет Фейт.

Хейли передернула плечами, чтобы сбросить его руку со своих плеч, однако, когда они подошли к машине, рука мужчины по-прежнему лежала там же.

Глава 4

Как и предсказывал Тайлер, в ресторане, выбранном Фейт, было шумно и полно посетителей, однако пятидолларовая купюра, незаметно скользнувшая в ладонь старшего официанта, позволила им почти сразу же занять столик возле окна, подальше от звяканья и визга, летевших из закутка с игральными автоматами. Из окна можно было наблюдать спешивших по тротуару пешеходов.

Сделав заказ, Фейт сходила взглянуть на электронные игры и, вернувшись, сообщила, что они – «просто обалденные».

Салаты оказались слишком водянистыми и чересчур отдавали луком, однако лазанья тут была острой и вкусной. Скотт настоял на том, чтобы Хейли выпила вместе с ним холодного кьянти. Это было опасно, поскольку у нее и без вина слегка кружилась голова. С большой неохотой она все же призналась себе, что Тайлер как-то влияет на нее, хотя и не могла понять, как именно – своими манерами или тем, что говорит. Он обладал той мужской красотой, на которую, как мрачно отметила Хейли, обратили внимание все сидевшие в зале женщины.

Из-за царившей здесь жары Скотт снял и пиджак и жилетку. Его торс казался сейчас еще более могучим, чем обычно. Закатанные рукава рубашки обнажали сильные руки, по-

крытые темными волосами, под ее тканью рельефно проступали мышцы, заставляя задуматься о том, какая сила кроется в этом теле.

Их глаза встретились, и Хейли почувствовала, как гулко забилось сердце в груди. Если бы она прочитала о чем-то подобном в романе, то наверняка бы насмешливо фыркнула, подумав, что все это – фантазии автора. Однако сейчас Хейли ощущала, как ее грудь словно сжали какие-то невидимые пальцы, соски набухли, в теле появилась необычайная легкость. Она словно парила в воздухе.

С полным ртом лазаньи Фейт промычала:

– Как же мне хочется быть такой же красивой, как ты, Хейли! Правда, она красивая, па?

Избегая его пристального взгляда, Хейли уткнулась в свой бокал с вином, но, поперхнувшись, закашлялась и схватила со скатерти салфетку. Когда наконец она подняла слезящиеся глаза на Тайлера, в его взгляде плясал лукавый огонек.

– Она очень красива, – с готовностью поддержал он дочь. Хейли утерла глаза.

– Нет, я не красива, Фейт. Вот моя сестра Элен – та настоящая красавица.

– Нет, ты красивая! А я никогда не буду красивой, потому что папа заставляет меня носить эти дурацкие очки. Он говорит, что мне еще рано носить контактные линзы. – Девочка осуждающе поглядела на отца и снова обратилась к Хейли:

– А ты как считаешь?

Женщина окинула Фейт изучающим взглядом. В данном вопросе она, безусловно, сходилась во мнении с Тайлером.

– Знаешь, как поступили мои родители? Они позволили мне носить контактные линзы только после того, как у меня с зубов сняли скобы. Это был настоящий подарок.

Глаза Фейт за стеклами ненавидимых ею очков изумленно расширились.

– Ты тоже носила скобы?

– Полный рот. Целых три года, – со смехом подтвердила Хейли.

– И плюс к этому – очки?

– Да, до тех пор, пока не завела контактные линзы. Я до сих пор время от времени надеваю очки, когда глаза устают от линз.

– Спорим, что даже в них ты не выглядишь так глупо, как я – в своих.

– Ты выглядишь вовсе не глупо. По-моему, очки у тебя просто шикарные. Кстати, знаешь, сколько знаменитостей носят очки? Джейн Фонда, Роберт Редфорд, Уоррен Битти.

– Да-а? – Фейт глубокомысленно устала в свою пустую тарелку, словно обдумывая услышанное.

Хейли посмотрела на Тайлера. Лицо его излучало доброту и любовь. Он поднял бокал с вином и взглядом попросил ее сделать то же самое. Губы его беззвучно произнесли «спасибо», и он чокнулся с Хейли. Затем их глаза встретились поверх прикоснувшихся друг к другу бокалов, и Хейли

уже не смогла отвести взгляд и теперь покорно воспринимала прикосновения его мизинца, ласкавшего тыльную сторону ее руки.

От избытка чувств у нее перехватило горло, горячая волна залила шею и щеки. Казалось, от руки Тайлера исходят электрические заряды, пронизывающие ее тело и заставляющие его дрожать.

– Я пойду играть, ладно? – послышался голосок Фейт. Он прозвучал так внезапно, что Хейли, забывшая обо всем, кроме гипнотизировавшего ее взгляда, вздрогнула. Притягательная сила его глаз была сейчас многократно усилена прикосновениями Скотта к ее коже, и противиться ей не было никакой возможности. Хейли ощущала себя беззащитной.

С трудом оторвав взгляд от сидевшей напротив женщины, Скотт с неохотой поставил бокал на стол и поправил дочь:

– «Вы мне позволите пойти поиграть?» – вот как надо говорить.

Фейт шумно вздохнула и страдальчески закатила глаза.

– Вы мне позволите пойти поиграть? Пожалуйста!

Тайлер улыбнулся.

– Иди. Вот возьми два доллара, – проговорил он, вытягивая из кармана две купюры. – Обменяй их в кассе на жетоны и расходуй экономно.

– Спасибо, папочка. Я постараюсь, чтобы мне их хватило надолго, – пообещала девочка, принимая деньги. Глотнув напоследок кока-колы, она умчалась в закуток с игральными

автоматами.

Эти несколько секунд позволили Хейли вернуть самообладание. Что с ней такое? Она ощущала слабость и головокружение, словно девица накануне свадьбы. Но ведь это безумие – поддаваться чарам такого человека, как Тайлер Скотт! Он – типичный завоеватель, привыкший брать то, что ему нравится, не встречая никакого сопротивления. Несомненно, он много лет оттачивал свое искусство очаровывать женщин, а вот у Хейли Эштон не было никакой практики в том, как следует сопротивляться подобным чарам.

Стараясь не выдать терзавших ее противоречивых чувств, она выпрямилась на стуле, поправила прическу, облизнула губы и попыталась придать лицу независимое выражение. Хейли уже успела убедиться в том, что дай Скотту палец, он проглотит всю руку.

– Кофе? – осведомился он.

– Да, пожалуй, – сухо кивнула женщина.

Пока они ждали кофе, Хейли с отсутствующим видом смотрела в окно, за которым дефилировали многочисленные прохожие, однако, говоря по правде, все перед ее глазами сливалось в одну мутную полосу. Скотт не пытался втянуть ее в разговор, но Хейли чувствовала, как внимательно, не упуская ничего, он ощупывает ее взглядом. Женщину снова охватило дурацкое желание прикрыть свои обнаженные плечи.

– Сливки? – снова обратился он к ней.

– Да, пожалуй, – последовал стандартный ответ.

– Скажи, когда хватит. – Скотт стал наливать ей в чашку сливки до тех пор, пока она не остановила его тихим «спасибо». – На здоровье, – с преувеличенной вежливостью ответил он.

Хейли потягивала кофе, не поднимая взгляда на мужчину, сидевшего напротив. Он тоже с отсутствующим видом вертел в руках свою чашку.

– Наверное, тебе не стоит вести себя таким образом, – спокойно заметил Скотт.

– Каким именно образом? – Хейли уже была готова обороняться.

– Ты напряжена, сжата в комок, щетинишься, как ежик. Я ведь не собираюсь срывать с тебя одежды и насиловать прямо на столе. – Его рот скривился в усмешке, глаза наполовину прикрылись веками. – По крайней мере, не с первого раза.

– Мистер Скотт...

– Ладно, ладно, прошу прощения. Экая ты обидчивая! Неужели шуток не понимаешь?

– Это не кажется мне смешным.

– Хорошо, я подумаю над тем, как тебя развлечь.

От стеснения Хейли вновь опустила взгляд долу. Внезапно она почувствовала себя маленькой и глупенькой.

– Обычно я не страдаю отсутствием чувства юмора, однако я вынуждена была защищаться... из-за того, что... произошло сегодня днем и...

– И?

– И того, о чем вы постоянно говорите. Вы сами заставили меня.

Скотт не ответил, и Хейли робко подняла на него глаза. Он спокойно изучал ее взглядом.

– Когда я чего-то хочу, то иду к этому на всех парах и не обращаю внимания на торпеды. Я могу принести тебе свои извинения, Хейли, но от этого ничего не изменится: я хочу тебя, и ты это знаешь. Разве что я взял слишком круто – я только сейчас понял это. Обещаю тебе сбавить обороты, чтобы ты смогла отдышаться.

В этот момент Хейли ощутила, что рушатся последние возведенные ею бастионы защиты. Сочувствие, светившееся в глазах Тайлера, его мягкий тон покорили Хейли вернее, чем это могли бы сделать быстрота и натиск.

– Расскажи мне о себе, – мягко попросил Скотт. – О том, как ты жила, прежде чем мы с тобой встретились. Ты упомянула о том, что у тебя есть сестра. Она живет здесь же?

– Нет, в Нэшвилле. Работает в компании звукозаписи.

– И чем она там занимается?

– Секретарской работой.

– Она так же удачлива в своей карьере, как ты – в своей? Хейли негромко засмеялась:

– Мне не хочется показаться стервой, но надо признать, что это не так. Впрочем, у нее есть одно достоинство, которое компенсирует недостаток мозгов: она очень красива.

– Ты уже говорила: «Вот Элен у нас – красавица». Этим вопросом я займусь позже, а сейчас расскажи мне о ваших родителях.

– Их уже нет в живых. Я выросла в Ноксвилле. Я уже закончила колледж и пришла в телефонную компанию на должность менеджера по работе с клиентами, когда умерли родители. До этого я жила с ними, заботилась о них. Они ушли с промежутком в несколько месяцев. Тогда я продала дом, устроилась на работу в «Серендипити», и вот уже несколько лет я работаю здесь. Ничего увлекательного в моей жизни не было.

– Ты сама увлекла меня.

Взгляд Хейли был устремлен в пространство. Но, услышав эти слова, тихо сказанные серьезным тоном, она перевела взгляд на собеседника и увидела скрытый огонь, горевший в глубине его серых глаз, – свидетельство искренности Скотта.

– Я хочу доказать, что не являюсь сатрапом, каковым ты меня считаешь, и поэтому расскажу о себе больше, чем тебе хотелось бы узнать.

Тайлер допил кофе, велел официанту вновь наполнить их чашки и обернулся, желая убедиться, что Фейт крепко прилипла к одному из игральным автоматов. Только после этого он снова заговорил:

– Моей юности мог бы позавидовать любой. Престижная школа, бизнес-колледж в Гарварде... Окружающие ожидали,

что я выгодно женюсь, – так и слуталось. Теперь уже трудно сказать, кто из вас причинял другому больше страданий. Мы с Моникой в лучшем случае терпели друг друга, и через полтора года супружеской жизни все же развелись.

Одно радует: после нашего брака осталась Фейт. Десять лет назад родители редко вступали в спор о том, с кем останется после развода ребенок, и Моника забрала дочь к себе, я же посвятил жизнь расширению и усилению империи, принадлежавшей моему отцу. Потом Моника не стало. До этого мы с Фейт лишь изредка и ненадолго встречались по выходным, но после смерти Моника оказались предоставленными друг другу. Порой даже сейчас мы чувствуем себя друг другу чужими. – Говоривший тяжело вздохнул. – Ну, вот вам и история жизни и любви Тайлера Скотта.

Хейли была не в состоянии жалеть человека, выросшего во всей той роскоши, которую только можно купить за деньги, однако и злорадства она тоже не испытывала, поэтому задала первый вопрос, который пришел ей в голову:

– А какой она была – Моника?

– Внешне? Красивая блондинка. Хейли подавила острый приступ ревности и спросила:

– Она была хорошей матерью?

– Матерью она была настолько, насколько ею может быть женщина, занятая игрой в теннис, бридж и посещением светских раутов и вечеринок. Я думаю, Фейт пыталась равняться на мать и страдала от этого. Вряд ли Моника когда-либо

замечала в девочке ее комплекс неполноценности или пыталась вселить в нее уверенность – так, как сегодня это сделала ты. Кстати, спасибо тебе за это. Но я не могу критиковать ее, поскольку сам практически не участвовал в воспитании Фейт.

– Мне хорошо известно, каково это – чувствовать себя непривлекательной.

– По собственному опыту?

– Да. Фейт по сравнению со мной в ее возрасте – просто прима-балерина. Очки, железные скобы на зубах, рыжие волосы, кожа да кости... Я была идеальной моделью для картинки под названием «Какой не надо быть».

Тайлер поставил локти на стол и, подавшись вперед, доверительно прошептал:

– Скажите, мисс Эштон, вы давно не смотрелись в зеркало?

Сам вопрос и то, как он был задан, озадачили Хейли, однако, прежде чем она смогла разгадать скрытый в нем смысл, к столу танцующей походкой приблизилась Фейт и торжествующе объявила:

– Я победила в «Космических пришельцах», «Лягушатнике» и «Пэкмене». Пойдемте поиграете со мной. Ну, пожа-алуйста-а!

– Хейли, от такого приглашения отказываться нельзя, – с улыбкой обронил Скотт.

– Указывай дорогу, – сказала женщина, грациозно вставая

из-за стола. Фейт тут же схватила ее за руку и потащила к автоматам.

В течение следующих тридцати минут Тайлер сосредоточенно скармливал игральным машинам монетки в четверть доллара. Взрослые явно переживали по поводу того, что им не везет в отличие от Фейт, но тем не менее, играя, радовались, смеялись и шумели ничуть не меньше, чем она. Вскоре вокруг них собралась группа любопытных подростков, и поскольку жаргон, на котором те изъяснялись, явно не подходил для ушей Фейт, Тайлер быстро увел своих «женщин», подкупив дочь обещанием угостить мороженым.

– Знаешь кафе-мороженое «Лапочки» в торговом центре «Виллидж»? – обратился к Хейли Скотт.

– Там продают персиковое мороженое. Мое любимое! – восторженно запищала Фейт.

– Конечно, кто же не знает «Лапочек».

Но я – консерватор. Привыкла к мороженому с тертым шоколадом.

Они весело шли по тротуару, до сих пор запруженному туристами. В многочисленных сувенирных магазинах и лавках со всевозможными диковинками давились толпы покупателей, дети и взрослые лакомились пирожными, лимонадом и свежими пончиками, которые в изобилии предлагали разбросанные тут и там кафе и тележки со сладостями. Для тех, кто нуждался в отдыхе, в просторном фойе торгового центра были установлены вращающиеся кресла, в которых

покупатели могли перевести дух и понаблюдать за царившей вокруг суетой.

Торговый центр «Виллидж» был стилизован под немецкую деревушку. Нескончаемой чередой тянулись самые разнообразные магазины, в которых можно было купить все – от уотерфордского хрусталя до кошерной еды и уникальных украшений на рождественскую елку.

В этот вечерний час кафе-мороженое «Лапочки» пользовалось особой популярностью у посетителей. Вот и теперь с дюжину людей внимательно изучали длинное меню с перечислением предлагавшихся здесь лакомств. Фейт, Хейли и Скотту пришлось встать в очередь. Обычно, когда Хейли хотелось мороженого, она посещала заурядное кафе с красными обоями и коллекцией сувениров от «Кока-колы», развешанных по стенам. Великолепие, царившее в этом заведении, с одной стороны, подавляло ее, а с другой – наполняло какой-то неизвестной доселе сладостной дрожью.

С того самого момента, когда они втроем вышли из дверей ресторана, рука Тайлера по-хозяйски лежала на плече Хейли. Она с удивлением обнаружила, что прикосновения его пальцев были легкими, ласкающими, и от них по телу распространялось приятное тепло. Теперь же, когда они стояли в очереди и отец с дочерью оживленно обсуждали преимущества ванильного мороженого, рука его скользнула вниз по обнаженной спине Хейли. Указательный палец Тайлера непроизвольно путешествовал вдоль выреза на ее спи-

не, очерчивая широкие дуги. Женщину снова начало охватывать уже знакомое ей состояние оцепенения. На сей раз она уже не противилась этому и расслабленно откинулась на сильное тело позади нее.

Его рука вернулась к плечу и шее Хейли. Приподняв ее голову большим пальцем, он повернул ее к себе.

– А что ты думаешь по этому поводу?

В этот момент она вообще была не в состоянии думать. Если в голове ее и сохранились какие-то мысли, то все они вертелись вокруг него: как он по-мужски обаятелен. Как бы ей хотелось потрогать его волосы, какие густые у него брови, и как бы было хорошо погладить их. Прямой нос и четко очерченный рот Тайлера напоминали ей профили античных героев.

Хейли подняла на него взгляд. Она и представить не могла, до какой степени женственной и беззащитной выглядела в этот момент. Под потолком лениво крутились лопасти вентиляторов, заставляя легонько шевелиться локоны, лежавшие на ее щеках, лбу и на изящно выгнутой шее. Зеленые глаза женщины светились притягательной силой. Вопрос застал ее врасплох, и ей потребовалось несколько мгновений, чтобы сообразить, что от нее требуется.

– Я сохраню верность шоколадному, – ответила она наконец.

Глаза Скотта были устремлены на ее раздвинутые губы.

– Смогу я попробовать?

Тайлер имел в виду вовсе не мороженое, и они оба знали это. Разговор – если не вся ситуация в целом – начинал явно выходить из-под контроля. Хейли понимала, что начинает тонуть в волне желания, и утонет окончательно, если только сама не спасет себя. Она спаслась, поправив собеседника:

– Следует говорить: «Вы мне позволите попробовать?»

Девочке это показалось очень смешным: Хейли поправляет папу точно так же, как он поправляет ее, Фейт, и она прыснула от смеха.

– Тебе пора отправляться домой, дочка, – проговорил Тайлер, когда они вышли из «Виллидж» и направились к находившемуся на стоянке «Линкольну» Фейт без всяких понуканий забралась на заднее сиденье. Она воспринимала само собой разумеющимся, что Хейли поедет на переднем сиденье, рядом с отцом. – Я высажу тебя у «Гленстона», попрошу Гарри, чтобы он отвел тебя в номер, а потом отвезу Хейли домой.

– Я хочу... Можно мне хотя бы искупаться в бассейне?

– До моего возвращения – нет. Кроме того, бассейн в десять вечера закрывается. Но если к моему приходу ты уже будешь спать, мы пойдем купаться завтра утром.

– Ладно, – пробурчала Фейт. Хейли обернулась и увидела, что девочка уже широко зевает. Тайлер заметил это в зеркало заднего вида, и они с Хейли обменялись понимающими улыбками.

Ночной портье в «Гленстон лодж» пообещал довести

Фейт до номера, который занимал Скотт. Он сам и его спутница остались стоять на улице, а Фейт, перед тем как исчезнуть за массивной зеркальной дверью, послала своей новой подружке воздушный поцелуй. Хейли ответила ей тем же.

– Доказывает, что не хочет спать, до последнего, а у самой уже глаза слипаются, – прокомментировал Тайлер, нажимая на педали и выруливая на улицу.

– Это ко всем детям относится.

– А что ты знаешь о детях, Хейли?

– Ничего. Имею только собственный детский опыт.

– Должен признаться, что быть родителем – это самая тяжелая работа из всех, с которыми я сталкивался. Порой я бываю в тупике.

– В каком отношении? – медленно спросила Хейли. Она никогда бы не осмелилась сказать ему, что его дочь не уверена в его любви. Когда имеешь дело с таким амбициозным человеком, как Тайлер Скотт, подобная критика неприемлема. Пусть говорит сам, и, может быть, из его речей удастся понять, в каких именно областях отсутствует взаимопонимание между отцом и дочерью.

В ответ на ее вопрос Тайлер невесело засмеялся:

– Практически во всех отношениях.

Я никогда не любил разбираться в хитросплетениях женской психологии – до тех пор, пока мне не пришлось общаться с одиннадцатилетней девочкой.

– Фейт тоже непросто. Обычно девочки в ее возрасте

сильно комплексуют по поводу своей внешности. С одной стороны, ей хочется поскорее стать женщиной, с другой – эта перспектива пугает ее. Ее тело взрослеет быстрее, чем разум.

– Насколько я понимаю, доказательством тому является случай, когда пчела жалит ее в грудь, а она стесняется сказать об этом отцу?

Хейли с нежностью улыбнулась:

– Да. Она крайне чувствительна, но обнажает перед окружающими лишь малую толику своих чувств. Больше всего ей хочется, чтобы вы ею гордились.

Тайлер удивленно поглядел на собеседницу:

– Я и так ею горжусь.

Хейли хотела спросить, говорил ли он об этом дочери, но, пожалуй, это было не ее дело. Вместо этого она сказала:

– Фейт – чудесная девочка и, по-видимому, вырастет в очень красивую женщину.

Скотт засмеялся:

– Она тоже считает тебя красавицей. Со вчерашнего дня я только и слышу: Хейли то, Хейли это...

– А со мной она говорит только о вас, – засмеялась Хейли в ответ.

– Нет, только не это! – застонал Скотт. – Неужели она рассказывала тебе о моих вредных привычках?

– Каких, например?

– Например, о том, как я ругаюсь во время занятий гольфом.

– И сколько раз вы с Фейт играли в гольф?

Тайлер затормозил, и машина остановилась на подъездной дорожке у дома Хейли. Он взглянул на нее и усмехнулся:

– Понимаю, к чему ты клонишь. Нет, об этой моей привычке она ничего не знает. Может, мне удастся скрыть от нее и остальные.

– Какие еще остальные?

– Нет-нет, я раскрываю перед другими только по одной своей вредной привычке за раз.

В машине раздался дружный смех, но он был прерван раскатом грома и ярким сиянием молнии. В следующий момент по кузову стали колотить тяжелые дождевые капли.

– Ого! – присвистнул Тайлер. – Вот чем обернулись сегодняшние жара и духота.

– Да, – выдохнула Хейли. Внезапно атмосфера внутри машины показалась ей такой же наэлектризованной, как и снаружи. Воздух сгустился, и им было трудно дышать от периодически возникавших в небе вспышек. Темень, наступавшая после них, казалась еще более непроглядной, и даже самый тихий звук после громовых раскатов казался оглушительным.

Сердце Хейли гулко билось от близости мужчины, сидевшего в нескольких сантиметрах от нее, и он испытывал то же самое. Их обоих словно укутала какая-то невидимая пелена.

– Спасибо за чудесный вечер, – коротко проговорила Хейли и потянулась к дверной ручке, однако Тайлер сдержал

Хейли, взяв ее за локоть.

– Еще не было такого случая, чтобы я не проводил женщину до дверей ее дома, мисс Эштон. Да еще во время грозы. Оставайтесь, пожалуйста, на месте.

Прежде чем Хейли успела оценить обстановку и выработать план обороны, Скотт уже вышел из машины и, обойдя ее, открыл правую дверцу. Почувствовав мужскую руку на плече, Хейли нырнула в дождь и побежала под спасительный навес над крыльцом.

– Мой ключ... – пробормотала она, копаясь в сумочке дрожащими пальцами и судорожно пытаюсь найти ключ от дома. Когда ей это наконец удалось, она повернулась к Тайлеру и сказала:

– Спокойной ночи.

Однако о том, чтобы скрыться за спасительной дверью, можно было только мечтать. Прежде чем Хейли успела всунуть ключ в замочную скважину, Тайлер прижал ее к стене, взяв в ладони ее лицо, и отрезал все пути к отступлению.

Дыхание ее было прерывистым, однако она попыталась говорить как можно более убедительно:

– Мистер Скотт, мы с вами уже проходили это сегодня, и мне изрядно надоело. Я сказала вам тогда и повторяю сейчас...

– Тихо.

Положив конец всем дальнейшим возражениям, Скотт потянулся к ее губам. В офисе и весь вечер он ограничивал

себя, но сейчас – перестал. Он больше не выказывал ни малейшего колебания и действовал нетерпеливо. Противиться ему было немыслимо.

Его язык раздвинул губы Хейли, и она более не могла оставаться пассивной. Каждая клеточка ее тела возродилась к жизни. Она испытывала странное, незнакомое доселе чувство, ощущая лежащие на ее руках мужские ладони. Они начали ласкать ее плечи, а затем снова поднялись к лицу Хейли.

– Расслабься, Хейли, не будь такой зажатой.

Хейли не умела играть в эту игру, но отчаянно хотела научиться. Уступая натиску Тайлера, она приняла в себя жар, исходивший из его рта. Язык Скотта подобно факелу жег ее десны. Мужчина глухо застонал, словно вторя ворчанию грома над склонами холма. Он отвлекся от губ Хейли только на секунду и только для того, чтобы поцеловать нежную кожу пониже мочки ее уха. Тайлер вынул из прически Хейли гребни, и ее волосы рассыпались по его рукам.

– Хейли, Хейли... – жарко шептал он. – Ты все еще воспринимаешь себя гадким утенком, неуклюжей и тощей девочкой-подростком со скобками на зубах. Неужели ты не понимаешь собственной красоты?

– Тайлер... Мистер Скотт...

– Тайлер.

– Пожалуйста, Тайлер. .. Я не хочу.

– Хочешь.

Да, она этого хотела. Он целовал ее плечи, а Хейли чувствовала, как одновременно с мышцами слабеет ее воля. Чтобы обрести устойчивость, она обняла его за шею. Наконец-то Хейли смогла осуществить то, что ей хотелось. Ее пальцы пробежали по темным волосам, что курчавились на его груди, и серебряным прядям на его висках.

Хейли не помнила, в какой момент он спустил с ее плеч тонкие бретельки, но ей никогда не забыть, как его пальцы стали нежно гладить разгоряченную кожу на ее груди.

– Я был уверен, что почувствую именно это. Теплый бархат. Если бы мечты были явью, я бы любил тебя уже сотни раз, Хейли. Я любил бы тебя всеми способами, какими мужчина может любить женщину, и изобрел бы еще десяток новых.

У Хейли от счастья кружилась голова, и в то же время ей становилось не по себе. А вдруг он говорит то же самое любой женщине, которой желает овладеть? И слова эти уже затерты от частого употребления? А завтра уже забудет, что говорил ей? Сейчас они звучали немного безумно и заставляли ее трепетать. Неужели все это предназначено только для нее, Хейли Эштон, которая до сегодняшнего дня являлась для мужчин приятной собеседницей, знающей сотрудницей, но любовницей – никогда!

Исследовав плечо Хейли, губы Тайлера вернулись к ее губам и нетерпеливо впились в них. Женщина, тосковавшая по мужской ласке, неистово отвечала на его поцелуи. Скотт

снял руки Хейли со своей шеи и опустил их себе на талию, и она без тени смущения обвила его руками, желая ощутить бугристые сплетения мускулов, которые до сего момента имела возможность ощупывать только глазами. Теперь этим с жадностью занялись ее пальцы. От омытого дождем лица Тайлера исходил слабый аромат дорогого одеколона и, смешиваясь с его собственным запахом, пьянил женщину.

– Хейли!

– Да?..

Он поднял ее руку к своему лицу и с любовью поцеловал мягкую ладонь.

– Тайлер... – выдохнула она, ощутив жаркое прикосновение его языка.

– Хейли, я хочу, чтобы мы прикасались друг к другу.

Поначалу до нее не дошел смысл этих слов, но затем Скотт просунул ее ладонь между пуговиц своей рубашки и прижал к своей теплой, поросшей мягкими волосами груди. От этого ощущения она потеряла контроль над собой и уже не помнила, как он расстегнул первые пуговицы ее платья и пробежал пальцами по ложбинке на ее груди. Когда Хейли осознала смысл происходящего, сопротивляться было поздно.

Протест, созревший в ее мозгу, утратил свою силу. Всего лишь глубокий вздох вырвался из груди женщины. Мужчина истолковал этот звук на свой лад. Бретельки платья, уже стянутые с плеч, были спущены еще ниже, и ткань, до сего момента защищавшая ее, уступила под натиском его нетер-

пеливых пальцев.

Упругая плоть ее груди наполнила его ладони. Оценив их щедрую тяжесть, мужчина начал поглаживать большими пальцами ее нежные соски. Они не обманули его ожиданий и набухли, словно розовые бутоны под благодатными лучами солнца.

Хейли ощутила, как ее подбросило на самый пик желания. Раньше она и думать не могла, что нечто подобное возможно. Но сработало какое-то внутреннее реле, заставившее ее нырнуть вперед, прижаться лицом к его груди и тихо воскликнуть:

– О нет!

– Хейли, милая, взгляни на меня.

– Нет! – Зная, что стоит ей взглянуть на него и – она пропала, женщина, не отрываясь от его груди, лишь отрицательно помотала головой. И этот ее собственный жест заставил понять: она проиграла. Он мог... Нет, он уже соблазнил ее!

– Посмотри на меня. Пожалуйста. Хейли подняла на него глаза. Они были полны слез, вызванных неведомыми ей доселе чувствами.

– Никогда больше не смей говорить мне, что ты некрасива. Ты слышишь меня?

Хейли лишь кивнула головой. Она все еще находилась в сладком забытии, поскольку его руки продолжали нежно и осторожно ласкать ее тело. Женщине казалось, что она грезит наяву.

– Поцелуй меня, – сказал Тайлер, и она, не колеблясь ни секунды, потянулась навстречу ему. Действия Скотта напоминали некий эротический танец: его язык ласкал язык женщины одновременно с тем, как его пальцы жадно поглаживали ее соски.

– О Боже! – простонал он, отстраняясь от нее.

Дыхание Скотта было горячим и прерывистым. Некоторое время он смотрел на доски у себя под ногами и лишь затем поднял на нее взгляд, в котором Хейли – впервые за все время, которое они были знакомы, – прочла смущение. С нежностью, которую до этого она замечала в нем лишь во время его общения с дочерью, Тайлер водрузил на место бретельки ее платья и застегнул все пуговицы.

– Если не остановиться сейчас, я не смогу сдержать свое обещание не гнать лошадей. – Он взял ее лицо в ладони и заглянул в глаза. – Но, боже мой, как ты прекрасна! Спокойной ночи. – Скотт в последний раз нежно поцеловал ее, отступил назад и растворился в струях дождя.

Хейли вошла в дом и приготовилась к тому, чтобы ложиться спать. Все это время она была в состоянии эйфории. Он не стремится просто уложить ее в постель. Он любит ее такую, какая она есть, а не за то, что она может сделать для него в сексуальном или каком-либо другом смысле. Если бы он хотел всего лишь овладеть ею, уже этой ночью она принадлежала бы ему.

Он пообещал, что соблазнит ее, но это будет соблазнение

по плану, включающее в себя нежность, ласку, а может быть, даже... любовь. Любовь? От этой мысли по ее коже побежали мурашки. Тайлер уже назвал ее своей любимой, но вкладывал ли он в это слово тот смысл, какой хотелось бы ей? По собственному горькому опыту Хейли знала, что люди нередко употребляют это слово лишь для того, чтобы достичь какой-то своей, эгоистичной цели.

Тайлер – тот самый Тайлер, поцелуи которого были так нежны и страстны, – не может быть жестоким!

Глава 5

– Отдел работы с посетителями. Мисс Эштон слушает, – проговорила Хейли в телефонную трубку.

Прошло полчаса, как она пришла на работу, но ее письменный стол уже был завален почтой и многочисленными посланиями. Через турникеты у входа в парк, как всегда, текла непрерывная река посетителей, однако Хейли обратила внимание на то, что в течение последних двух недель возрастной состав гостей заметно изменился. Школьные каникулы закончились, теперь «Серендипити» посещали в основном люди постарше.

– Доброе утро, мисс Эштон. Угадайте, кто с вами говорит.

Хейли не было нужды угадывать. Она грезила этим голосом на протяжении всей последней ночи. Никогда еще женщине не снились такие чудесные сны, и, проснувшись на заре, она вся светилась при воспоминании о предыдущем вечере.

– Вы объявляете по радио результаты лотереи?

– Нет.

– Черт, ошиблась. Вечно мне не везет! А может, вы тот самый человек, который постоянно досаждаёт мне по телефону, предлагая задешево услуги по химчистке ковров и мебели?

– Снова не угадала.

– Могу точно сказать только одно: вы – не мой братишка, потому что он...

– Какой еще братишка? – Голос говорившего перестал быть насмешливым, в нем зазвучали нетерпеливые требования нотки.

Хейли засмеялась:

– Я только хотела выяснить, насколько вы терпеливы.

– Доброе утро, – повторил собеседник. Тон его вновь изменился и стал интимным. Так говорят любовники, лежа рядом друг с другом.

– Доброе утро, – шепотом ответила Хейли.

– Тайлер откашлялся:

– В парке все в порядке? Сегодня я разговаривал с Хармоном, и он убеждал меня, что дела идут распрекрасно.

– Да, все хорошо. По крайней мере, настолько, насколько хорошо может быть за две недели до окончания сезона. Кое-кто из посетителей, правда, жалуется на то, что закрыты многие буфетные киоски, но я объясняю им, что большинство продавцов – школьники, которые в сентябре вынуждены возвращаться в школу. В конце концов, должны же они хоть на что-нибудь жаловаться.

– Ты, как всегда, с блеском справляешься с любыми проблемами.

– Благодарю вас, сэр.

– Ты будешь скучать по мне, когда я уеду?

Сердце Хейли гулко забилося. Она впилась в трубку по-

мертвевшей рукой.

– Уедете? – потерянно переспросила она.

– Да, боюсь, что так. Я лечу на несколько дней в Атланту. Я уже опаздываю, но решил, что перед отъездом просто обязан позвонить тебе. Мне нужно срочно ехать в Ноксвилл, чтобы успеть на самолет.

– Понятно. – Хейли казалось, что на нее вылили ушат холодной воды. Почему она чувствовала себя опустошенной и потерянной? «Ты должна была это предвидеть, Хейли!» – сказала она себе.

– Я оставляю Фейт на попечение няни, которую нашел по моей просьбе управляющий «Гленстона». Я думаю, что они найдут общий язык, но эта дама не водит машину, вот я и подумал: если ты будешь куда-нибудь выезжать, может, возьмешь с собой Фейт? Ты бы крайне обязала меня этим.

Хейли показалось, что время остановилось, а вместе с ним – и ее сердце. Она долго смотрела на настенный календарь – до тех пор, пока в глазах не стало рябить и цифры не начали сливаться.

– Хейли, ты меня слышишь?

– Да. – Голос ее прозвучал на удивление спокойно. Холодная, уравновешенная Хейли. Ничто не могло вывести ее из равновесия, и сама она могла справиться с любой неожиданностью. – Да, я вас слушаю.

Истолковав это как утвердительный ответ на его просьбу, Скотт стал горячо благодарить ее:

– Спасибо, Хейли, я так и знал, что ты согласишься. Вы с Фейт так хорошо ладите! Ей хорошо с тобой.

Каждое слово вонзалось в душу Хейли подобно кинжалу. Она-то хотела, чтобы хорошо с ней было Тайлеру! Но он не спросил, как ей спалось, не сказал, что ему тяжело уезжать от нее. Нет. Вместо этого он спросил, как идут дела в парке, и попросил ее стать нянькой его дочери. Черт бы его побрал!

– У меня, наверное, будет много дел, но я постараюсь выполнить вашу просьбу. У вас есть для меня еще какие-нибудь поручения? – спросила она сухим, официальным тоном. – Мне бы не хотелось, чтобы вы опоздали на самолет, да и сама я сейчас крайне занята.

– Хейли! – нежно позвал Тайлер. Два раза ему удавался этот прием, но на сей раз она осталась неприступной.

– Извините, мистер Скотт, мне кто-то звонит по другой линии, – сказала она и, швырнув трубку на рычаги, прокричала:

– Чтоб ты сгорел в аду!

Ей показалось, что стены начали сдвигаться и вот-вот раздавят ее. Необходимо срочно выбраться из этого проклятого офиса! Она выскочила в приемную и на бегу бросила Шарлин:

– Мне нужно кое-что проверить. Отвечай на телефонные звонки.

Не выбирая направления, Хейли бездумно брела по дорожкам парка. Для нее было важным лишь одно – двигаться.

Какая же она дура! Как могла не понять все с самого начала? В тот момент, когда Тайлер впервые стал оказывать ей знаки внимания – в присущей ему нахальной манере, – Хейли решила, что он хочет воспользоваться своим служебным положением, чтобы завести себе очередную любовницу. Неужели не понятно: такой человек, как Тайлер Скотт, не станет водить шашни с секретаршами и сотрудницами.

На самом деле ему было нужно совсем другое – постоянная нянька для дочери, на которую у него самого не хватало ни времени, ни душевного тепла. И вот, увидев проявления слабости со стороны Хейли, он сделал первый шаг к своей цели.

– Прошу прощения, – пробормотала она, протискиваясь по краю дорожки мимо парочки, внимательно изучавшей план парка «Серендипити».

– Девушка, вы здесь работаете? – окликнул ее мужчина. – Не подскажите, где тут «Дом с привидениями»? На карте его нет.

«Есть он на карте, болван ты пузатый!» – хотелось крикнуть Хейли, но вместо этого она ответила с кротостью и долготерпением монашенки:

– Вот он, сэр. – И указала место на карте, где этот аттракцион был четко и красочно обозначен. – Пройдете мимо кукольного театра и сразу же наткнетесь на него.

– О'кей, – хрюкнул мужчина и двинулся в указанном направлении. Жена как привязанная потащилась вслед за ним.

– Не за что, – с едва сдерживаемой ненавистью выдавила из себя Хейли. Бестолковость иных посетителей не переставала удивлять ее. Этот эпизод вновь вернул ее мысли к персоне Тайлера Скотта.

Если бы он обратился к Хейли по-человечески, рассказал бы, как его дочь тянется к ней, какие трудности испытывает, не будучи в силах смириться со смертью матери, она, Хейли, восприняла бы все это совершенно по-иному – с сочувствием и пониманием. Она первой предложила бы ему свою помощь и захотела бы видеться с Фейт как можно чаще, чтобы помочь девочке приспособиться к взрослой жизни, в которую та вступала. В конце концов, Хейли сама не знала, чем занять свое свободное время, да и к Фейт ее тянуло.

Однако Тайлер пошел другим – мерзким, циничным – путем. Он стал играть на ее душевных струнах, использовал присущее ей, как и любой другой женщине, стремление чувствовать себя привлекательной и... любимой. Он осыпал ее комплиментами, суть которых ей следовало распознать с самого начала. Ведь Хейли знала, что никогда не была красивой. Почему же она так охотно поверила Тайлеру, когда тот стал убеждать ее в обратном! Если бы ее тело сводило мужчин с ума, неужели она не узнала бы об этом задолго до встречи с ним? Какая же она дура!

Утренний воздух был сухим и холодным, и все же щеки Хейли горели при воспоминании о том, как бесстыдно она отвечала на его ласки, его сладкоречивые слова, его поцелуи.

Он, должно быть, торжествовал по поводу этой стремительной победы! Значит, прошлой ночью он оставил Хейли не из-за того, что испытывал к ней уважение, во что ей страстно хотелось верить, а потому, что решил: она побеждена, она превратилась в податливую глину в его руках, она подвластна его воле и готова принимать его милости!

К черту ваши милости, мистер Скотт! Хейли шла, не разбирая дороги, но внезапно ее ноги словно вросли в асфальт. Она подняла глаза и увидела «Сайдуиндер». Здесь, на этом самом месте, она впервые встретилась со взглядом его серых глаз. Как же им удалось свести ее с ума, заставить ее вести себя настолько нелепо, что она уже не узнает саму себя?

Хейли вспомнила Скотта таким, каким увидела его здесь в самый первый раз, и поняла, что чувства, бурлившие в ее груди, лишь наполовину состояли из гнева. Вторую их половину составляло горькое разочарование. Он уже нравился Хейли. Более того, она была близка к тому, чтобы... полюбить его.

«Ну почему, Тайлер? – обратилась она к его образу, стоявшему перед ее мысленным взором. – Почему ты не смог полюбить меня за то, что я – такая, какая есть? Почему ты решил всего лишь использовать меня?»

Уныние и горечь тяжким жерновом навалились на ее плечи, и, развернувшись, Хейли медленно пошла к своему офису. Она не замечала золота, упавшего на листья деревьев, не замечала, что краски осени так выразительно высвечива-

ли ее огненно-рыжие волосы и зеленые глаза, потемневшие от затопивших их слез. Хейли не замечала ни завистливых взглядов женщин, ни восхищенных взглядов, которые бросали мужчины на ее гордую осанку, широкие бедра, стройные ноги и высокую грудь. Сейчас, как, впрочем, и всегда, она была слепа и не видела обращенного к ней восхищения. В том внутреннем, невидимом для всех остальных, зеркале, которое существовало внутри нее с давних пор, по-прежнему отражалась нескладная девочка-подросток, какой она была много лет назад, – плоская, неуклюжая и... никому не нужная.

Впрочем, Хейли была не единственной жертвой эгоиста по имени Скотт. В тот же день ей позвонила Фейт.

– Папа сказал, что я могу звонить тебе, если у меня возникнут какие-нибудь проблемы, – прощепетала она, – но не велел беспокоить тебя слишком часто. Я тебе не надоела?

Одинокство, звучавшее в этом детском голоске, до глубины души тронуло Хейли. Она просто не могла, не имела права перенести гнев, который испытывала к отцу, на его дочку.

– Конечно же, нет. А что, у тебя какие-то проблемы?

– Ну, типа того. – Фейт явно виляла, и Хейли поняла, что девочка просто ищет предлог, придумывает оправдания своему звонку. – Как ты думаешь, стоит мне сделать перманент? Ну, вроде как у Стиви Никса?

Хейли прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Думаю, нам стоит обсудить этот вопрос за ужином.

– Честно, Хейли? Мы с тобой поужинаем? Вот это класс! –

Унылого тона как не бывало. В голосе девочки уже звучал восторг.

– Может быть, поедem в «Пиджин фордж»? – предложила

Хейли.

– Идет! Что наденем? – спросила Фейт уже совершенно другим тоном, и Хейли подумала, не подражает ли та своей покойной матери.

– Оденемся в застиранные джинсы и футболки, а пойдем туда, где дают кучу закусок и двойную порцию десерта.

Фейт захихикала:

– Налопаемся до отвала, станем толстыми, как бочки, и когда папа придет, то не узнает ни тебя, ни меня.

Хейли подумала, что, когда Тайлер придет, ее-то он точно не узнает. Она больше не будет такой податливой и покорной, какой была прошлым вечером, отвечая если не на его слова, то уж по крайней мере на его действия, млея от его прикосновений и поцелуев.

– Хорошо, заеду за тобой в семь. Сегодня я заканчиваю рано. – Если уж решила взбунтоваться, то нужно идти до конца. – Скажи управляющему...

–..Гарри.

– Скажи Гарри, что я привезу тебя обратно в десять часов вечера.

– Ладно, тогда – до встречи. – Но перед тем как Хейли положила трубку, девочка успела добавить:

– Папа перед отъездом сказал, что ты придумала для меня целую кучу интересных вещей.

Итак, со злостью подумала Хейли, сидя в своей тесной комнате, он не сомневался в том, что она станет исполнять все его желания. Он и мысли не допускал, что Хейли пойдет наперекор его воле.

К тому времени как Хейли подъехала к отелю и забрала Фейт, она уже успела успокоиться. Они провели чудесный вечер: сначала – наелись, а потом играли в мини-гольф. Так или почти так они проводили каждый вечер. Хейли доставляло огромное наслаждение общение с девочкой, которая от встречи к встрече все больше раскрепощалась и начинала говорить о том, что ее мучает. Слушая ее, Хейли понимала, что девочка еще никогда не получала того внимания, в котором так нуждалась. После того как шлюзы между их душами были открыты, Фейт уже не знала удержу.

Только одно сводило Хейли с ума:

Фейт без умолку говорила об отце. Иных тем для разговоров просто не существовало. Для Фейт Тайлер был идеалом мужчины – физически, морально и интеллектуально. Чтобы не расстраивать девочку, Хейли приходилось подыгрывать ей, делая вид, что она тоже восхищается Тайлером.

Она так часто слышала слово «папочка», что, когда в один из вечеров Фейт в очередной раз выкрикнула его, бултыха-

ясь в гостиничном бассейне, Хейли не сразу сообразила, что Тайлер на самом деле здесь. Женщина лежала в шезлонге у бортика бассейна и, только оторвав глаза от книги, которую читала, увидела, что он стоит рядом и рассматривает ее сверху вниз. С обреченностью мотылька, летящего на огонь, Хейли встретилась с Тайлером взглядом. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, а затем он повернул голову к бассейну.

– Что это за очаровательная русалка там плещется?

– Ой, папочка! – завизжала Фейт, покраснев от радости. – Смотри, смотри, как я умею! – С этими словами она исчезла под водой и попыталась встать на руки на дне бассейна. Над поверхностью воды появились ее тоненькие ножки, они покачивались, как две камышинки.

Наконец Фейт вынырнула и принялась вытирать глаза, хватая ртом воздух. Тайлер расплылся в широкой улыбке и похлопал в ладоши.

– Здорово ты натренировалась. – Пока дочь плыла к бортику бассейна, он вновь повернулся к Хейли. – Ну, и долго ты лежишь здесь в этом соблазнительном купальнике, позволяя местной деревенщине ощупывать тебя влюбленными взглядами?

Сейчас ей не нравились его подтрунивания над ней. Ей не нравилось то, что он настолько по-мужски привлекателен, что вслед ему оборачивались все женщины до одной. Когда он смотрел на нее таким взглядом, как сейчас, и говорил та-

ким нежным, низким, таким обольстительным голосом, Хейли утрачивала способность думать. Вот и теперь у нее закружилась голова, и она уже не могла толком вспомнить, за что еще недавно кляла его всеми словами. Однако прежде чем ее в очередной раз выставили полной идиоткой, женщина взяла себя в руки, села в шезлонг и как можно более спокойно спросила:

– Удачной была поездка?

– Скучной. Занудные деловые встречи и больше ничего, – ответил он, ухватив подбежавшую к нему Фейт за хвостики на затылке. Он отжал из них воду и шутливо брызнул в лицо дочери.

Хейли закрыла книжку, сунула ее в свою огромную сумку, которую обычно носила через плечо, и встала, завернувшись в махровый халат.

– Ты куда, Хейли? – спросила Фейт. Пробыв очень долго в воде, она тряслась от холода, ее губы и кожа приобрели синеватый оттенок. Без привычных очков глаза девочки смотрели беспомощно.

– Я, пожалуй, поеду домой.

– Но мы же собирались...

– Что вы собирались делать? – вмешался Тайлер, адресуя свой вопрос не столько Хейли, сколько дочери.

– Хейли захватила из дома свои вещи, чтобы после бассейна переодеться и поехать со мной куда-нибудь поужинать.

– Мне кажется, это прекрасная идея, – горячо проговорил

Тайлер. – Подождете меня? Я тоже хочу разок нырнуть.

– Конечно, – ответила Фейт и нерешительно посмотрела на свою спутницу. – Подождем, Хейли?

Если бы Хейли сейчас отказалась ждать Скотта или ехать в ресторан, ей неизбежно пришлось бы объяснять девочке причину своего отказа, поэтому ей не оставалось ничего иного, как согласиться:

– Конечно, подождем.

Несколько мгновений Тайлер испытующе смотрел на нее, а затем шутливо подцепил Фейт за подбородок и сказал:

– Я быстро.

Он действительно вернулся через, несколько минут и направился к бортику бассейна с величавостью и невозмутимостью языческого бога. На нем были черные плавки. Они так обтягивали его бедра, что Хейли была не в состоянии отвести в сторону глаза, хотя и понимала, что обязана сделать это немедленно. В мускулах, что перекатывались под его кожей, угадывалась неимоверная сила.

Не верилось, что этому человеку около сорока. Зрелость только подчеркивала его мужское обаяние. Широкие плечи и грудь сочетались с узкими бедрами. Он выглядел мощным и в то же время гибким.

Тайлер нырнул с бортика и вошел в воду словно нож – почти без всплеска.

Атриум, в котором находился бассейн, был высотой с трехэтажный дом. У одной стороны был сооружен грот – с

водопадом, камнями, похожими на застывшую лаву, и тропическими растениями, пышно разросшимися вокруг водоема, здесь царила уютная, даже интимная атмосфера.

В углу атриума находился еще один – маленький – бассейн, вода в котором непрестанно бурлила. Хейли забралась туда, легла на спину и закрыла глаза. Тайлер и Фейт весело плескались в большом бассейне, а перед внутренним взором женщины неотступно стоял его образ. Хейли уже знала, какова на ощупь его покрытая темными курчавыми волосами грудь, но вот узкая полоска волос, что спускалась по его животу и пропадала под резинкой плавок...

– Хотел бы я заглянуть в твою душу и узнать, какие мысли стали причиной такого возвышенного выражения на твоём лице.

Хейли вздрогнула, открыла глаза и с изумлением обнаружила рядом с собой Тайлера. Из-за звука бурлящей воды женщина не услышала, как Скотт подошел и забрался в джакузи. Теперь Тайлер сидел на подводной скамеечке и шептал:

– Ас еще большим удовольствием я бы оказался внутри тебя самой.

Хейли попыталась сесть прямо, но потеряла равновесие и едва не упала в бурлящие потоки воды.

– Не смейте говорить мне подобные вещи! – прошипела она.

В ответ он лениво улыбнулся.

– Почему?

– Почему?! Потому что мы находимся в общественном месте – вот почему.

– Мы здесь одни.

Хейли беспомощно оглянулась по сторонам и убедилась в том, что Тайлер прав. Куда же все подевались?

– Но здесь – ваша дочь.

– Она резвится в водопаде и нас не слышит.

– И все равно вы... Ой! Что это такое?

– Моя рука.

Его спокойствие ошеломило Хейли.

– Тайлер...

Хейли хотела произнести его имя укоризненно, но оно прозвучало почти ласково. В отчаянии она схватила под водой его руку и не смогла ни отбросить ее, ни даже просто отвести в сторону. Куда только девалась та холодность, с которой она решила общаться с ним? Куда подевалось ее самообладание и невозмутимость? Он вернулся всего несколько минут назад, и вот, пожалуйста, она снова в полном его распоряжении – задыхающаяся и смущенная.

– Тайлер, пожалуйста... Ты не должен этого делать.

– Почему? – спросил он одними губами.

– Потому что... Потому что... – Хейли судорожно пыталась найти какие-то аргументы в пользу того, почему это делать нельзя, но не могла. Рука Тайлера ласкала ее тело под водой, и это было так приятно! Его пальцы гладили ее нежную кожу с такой же лаской и нежностью, как и волны теп-

лой воды. Глаза Хейли закрылись, а голова бессильно откинулась на плечо. И все же, не желая окончательно признать свое поражение, женщина проговорила слабым голосом:

– Потому что не должен.

– Если хочешь, ты тоже можешь потрогать меня. В любом месте.

Невольно она подумала о той самой узкой дорожке из волос, которая сбегала вниз по его животу. Глаза Хейли широко открылись и встретились с пристальным взглядом его глаз. Одна его бровь была приподнята, на губах плясала хитрая улыбка.

– Судя по всему, ты уже решила – где?

Подобное бесстыдство взбесило Хейли. Вся злость, копившаяся в ее душе на протяжении последних дней, нашла наконец выход.

– Пустите меня! – Хейли отшвырнула от себя его ищущие руки и словно ракета вылетела из воды. Поднявшись по ступенькам бассейна, она обернулась и презрительно бросила:

– С этого момента не советую вам распускать руки!

Подойдя к водопаду, она помахала Фейт и крикнула:

– Вылезай. Мы с тобой еще должны переодеться.

Когда девочка выбралась из воды, она завернула ее в махровое полотенце, и они отправились в номер Скотта. Большая гостиная разделяла две спальни. Меньшая по размеру была отдана в распоряжение Фейт.

Девочка настояла на том, чтобы первой залезть в душ, и

Хейли в ожидании своей очереди полоскала под краном их купальники. Внезапно в дверь постучали. Вполголоса выругавшись, она накинула на обнаженное тело халат и подошла к двери.

– Да? – спросила она.

– Я пришел попросить мыло.

– Мыло?

– Да. Знаешь, такая штука, которая делает пену. Им еще иногда моются. Хейли никак не отреагировала на эту попытку пошутить.

– А где ваше?

– Если бы я знал, то не пришел бы просить у вас.

Хейли вошла в ванную комнату. За шумом льющейся воды можно было слышать «мотив популярной рок-песенки, которую напевала Фейт. Хейли взяла еще не распечатанный кусок мыла, приоткрыла дверь и протянула его Тайлеру.

Его движения были молниеносны. Он схватил ее за руку, вытащил в гостиную, и в следующую секунду Хейли была бесцеремонно брошена на диван. Тайлер прижал ее к подушкам всей тяжестью своего тела. Халат ее распахнулся. Тайлер охватил бедра Хейли ногами. Он крепко держал женщину, широко разведя ее руки.

В тишине их дыхание звучало часто и прерывисто. Из ванной приглушенно доносилось пение Фейт.

– Ну давай же, давай, Хейли!

– Отпустите меня.

– Ни за что! Не отпущу до тех пор, пока не узнаю, какая муха тебя укусила.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Черта с два ты не понимаешь! Когда я звонил тебе перед отлетом в Атланту, я сразу понял: что-то не так, но тогда у меня не было времени разбираться. Я вернулся, а ты снова колючая, как дикобраз, и сжигаешь меня огненным взглядом своих зеленых глаз. Я хочу знать почему.

– Нипочему! – огрызнулась женщина и возобновила свои попытки освободиться, однако хватка Тайлера стала от этого только крепче.

– В таком случае ты хочешь поцеловать меня так же сильно, как я – тебя.

Его губы приблизились к лицу Хейли – твердые и требовательные. Крепко сжав зубы, она яростно сопротивлялась – сопротивлялась желанию, охватившему ее трепещущее тело. Приподняв голову женщины, Тайлер испытующе посмотрел в ее безумные глаза.

– Хорошо, моя ненаглядная строптивица. Ты хочешь, чтобы я действовал убеждением? Постараюсь тебя не разочаровать.

Отпустив голову Хейли, он стал водить языком по ее шее. Бессознательным жестом женщина прижала его голову к ложбинке на груди. Он стал целовать внутреннюю сторону ее руки.

– Я скучал по тебе. Пусть ты упряма, как ослица, но я так

скачал по тебе!

Ощущая прикосновения его языка к своей коже, Хейли то и дело вздрагивала. Она даже не представляла себе, что такое наслаждение возможно. Язык Тайлера обжигал ее кожу, и глубокий стон вырвался из ее горла. Она пыталась опустить руку, чтобы положить конец этой сладкой пытке, но мужчина не позволил ей этого.

– Тебе нравится? А ведь мы только начали, Хейли.

Женщине казалось, что она тонет. Где-то в подсознании вертелся крик ненависти, но сердце ее говорило совсем иное, и с губ Хейли, словно молитва, раз за разом срывалось его имя.

– Да, любовь моя. Взгляни на себя, посмотри, как ты прекрасна! – Мужчина обвел ее взглядом. – Всю неделю я мечтал увидеть тебя обнаженной. Я хотел увидеть эти чудесные груди, которые до этого ласкал лишь в темноте. Ты даже прекраснее, чем я себе представлял.

Его губы прижались к ее груди, и Хейли со стоном подалась вперед. Колено мужчины оказалось между ее бедер. Вторжение это не встретило никакого сопротивления. Сквозь тонкую ткань плавок Тайлера Хейли ощутила, как велико его желание.

– О, как хорошо... – прошептал он. Язык его оставлял влажную дорожку на разгоряченной коже ее груди. Она чувствовала прикосновение его ресниц и жаркое дыхание на своих сосках, которые страстно молили о ласке.

Легко, едва ощутило он прихватил губами ее розовый сок, который от прикосновения его языка набух и затвердел.

– Тайлер... – снова выдохнула женщина.

Теперь ее руки были свободны. Но вместо того, чтобы оттолкнуть от себя мужчину, она гладила его шелковистые волосы, еще крепче прижимала его голову, безмолвно умоляя не останавливаться в этих ласках, от которых все ее тело билась крупная дрожь.

Мужчина благословил такими же ласками ее вторую грудь. Осыпая ее поцелуями, он шептал в мягкую ароматную кожу слова любви. Когда наконец он поднял голову, глаза его были затуманены.

– Ну, – спросил Тайлер, – теперь ты хочешь, чтобы я поцеловал тебя?

– Да, – сорвалось с ее губ, – целуй меня, целуй...

Его губы прижались к ее рту. Они не делали лишних движений, неторопливо смакуя вкус любви, словно наслаждаясь старым терпким вином. Их языки играли и ласкали друг друга подобно двум неутомимым любовникам. Затем язык Тайлера принялся изучать нежную кожу позади ее уха, и он чуть слышно прошептал:

– Теперь ты не жалеешь, что так долго упрячилась и потратила столько времени на препирательства?

Хейли, наверное, не пришла бы в себя так быстро даже в том случае, если бы он ударил ее по лицу. Что случилось? Как могла она до такой степени утратить контроль над со-

бой? Боже мой, неужели она забыла, что стоит за всей этой фальшивой „любовью“? Ведь она поклялась себе не покупать больше на его дешевые фокусы! А теперь – лежит обнаженная, и каждая клеточка ее тела молит, чтобы он овладел ею.

Упершись ладонями ему в плечи, Хейли что было сил толкнула его. Абсолютно не ожидая подобного развития событий, Тайлер скатился на пол. Хейли же, молниеносно вскочив на ноги, рванула на себя халат, чтобы прикрыть разгоряченную плоть.

– Теперь-то я знаю, чем ты платишь нянькам своей дочери!

Глава 6

Ему показалось, что в следующую секунду Хейли была уже у двери. На самом же деле у нее было достаточно времени, чтобы насладиться зрелищем распластавшегося на полу мужчины, какую-нибудь секунду назад уверенного в собственной неотразимости. Ничего не понимающий, он неуклюже сел и недоуменно заморгал глазами. Она добежала до двери, ведущей в другую комнату, как раз в тот момент, когда Фейт завернула краны душа.

В сердцах хлопнув дверью, Хейли бросилась собирать свои вещи. У нее не было никакого желания провести вечер в компании этого типа, несмотря даже на то, что ее бегство могло огорчить девочку. Фейт вышла из ванной в трусиках.

– Ну как, Хейли, заплетешь мне французские косички? Ты, кажется, сама говорила, что плести их нужно, пока волосы до конца не высохли.

Хейли едва не застонала от отчаяния, но, пересилив себя, ответила как только могла жизнерадостно:

– Конечно, заплету.

Усадив Фейт на кровать, она причесала ее. Разделив волосы девочки на длинные пряди, Хейли ловко заплела их в две французские косички, которые, начинаясь от темени, доставали до плеч хвостиками, туго перетянутыми лентами.

– Ого! Красота... Вот бы самой так научиться.

– Сама так не заплетишь. Нужно обязательно тренироваться на ком-то. Вот я научилась этому, заплетая волосы Элен, сестренке.

Все еще любуясь на себя в зеркале туалетного столика, Фейт обронила:

– Ты бы сама собиралась. Поторопись, а то папа не очень-то любит ждать.

Мягко обняв девочку за плечи, Хейли повернула ее к себе.

– Послушай, Фейт, ты не очень расстроишься, если сегодняшний вечер пройдет без меня? Устала я, знаешь ли, да и дома дел накопилось – стирка, то да се... Ведь ты умница, все понимаешь, правда? – Увидев, что Фейт наотрез отказывается понимать ее и собирается громко запротестовать, она тут же многозначительно добавила:

– К тому же твой папа не видел тебя почти неделю. Ему приятно будет провести этот вечер вдвоем со своей дочкой.

Бросив быстрый взгляд на дверь, Фейт пробормотала с сомнением:

– Ты и в самом деле так считаешь?

– Ну конечно! Вам наверняка есть о чем поговорить, ведь вы несколько дней не виделись.

– Не знаю даже. – Не видно было, чтобы ее слова до конца убедили Фейт. – Он и с тобой поговорить любит. Да и по возрасту вы друг другу ближе.

Если бы Хейли не была так потрясена тем, что случилось с ней несколько минут назад, она наверняка от души посме-

ялась бы над наивной репликой девочки.

– И все же, думается, сейчас для меня самым лучшим будет уйти.

Не теряя времени, женщина оделась. Прихватив с собой платье, которое намеревалась ранее надеть к сегодняшнему ужину, и гигантскую спортивную сумку, с которой ходила в бассейн, она направилась к двери.

– Твой отец уже в курсе, что меня не будет. – С ее стороны это была наглая ложь. Но если Тайлер не стесняется пускаться на обман, почему бы и ей не прибегнуть к такой же тактике? Хейли твердо знала: он не выдаст ее Фейт. Это было не в его интересах. – Я тебе завтра позвоню. Хорошо?

– Ладно, – уныло протянула девочка. А потом, внезапно просияв, взглянула на старшую подругу лучистыми глазами. – Как ты думаешь, папе понравится моя прическа?

Почувствовав острый прилив жалости, Хейли склонилась и чмокнула девочку в щеку.

– Я думаю, он просто онемееет от восторга. Ну ладно, держись молодцом. Завтра поговорим.

Хейли дезертировала, обмирая от страха. Только проехав полпути до дома, она наконец с облегчением вздохнула. Вцепившись в руль, женщина чуть ли не каждую секунду смотрела в зеркало заднего вида, ожидая увидеть там знакомый „Линкольн“, однако, судя по всему, побег оказался удачным. Хотя Тайлеру скорее всего было уже все равно, отправится она сегодня с ними ужинать или нет. Его домогательства по-

лучили сокрушительный отпор, а в подобных случаях мужчина, которому отказала женщина, обычно отстает сразу. Недотроги такому не нужны – легче найти какую-нибудь поговорчивее.

Трясущейся рукой Хейли сунула ключ в замок входной двери. Стоило ей лишь на секунду представить Тайлера с другой, как непонятная свинцовая тяжесть навалилась на ее сердце. Невыносимо было думать о том, что он может целовать другую женщину с той же страстью, прикоснуться к ней с той же трогательной нежностью, как и к самой Хейли. Впору было взвыть от отчаяния.

Постаравшись отогнать черные мысли, а также во искупление лжи перед Фейт, Хейли перестирала в доме все, что только возможно было, уложила волосы, отполировала ногти и выписала чеки по всем счетам. Она аккуратно заклеила конверты с чеками, налепила на них марки, а потом сложила их стопкой на краю тумбочки у двери, чтобы не забыть утром прихватить с собой и опустить в ближайший почтовый ящик. Теперь можно и лечь. Жаль только, домашние хлопоты – не слишком хорошее лекарство от депрессии, сказала себе Хейли.

– Наоборот, они только лишний раз подчеркнули бессцельность и скуку ее существования. Хейли поймала себя на том, что думает о Тайлере и Фейт. Любопытно знать, где они ужинали? И какие блюда заказали? Наверняка что-нибудь повкуснее, чем ее тарелка разогретого супа из консервной бан-

ки. А Тайлер – как он отреагировал на известие о том, что его пассия сбежала? Был вне себя от бешенства? Повел ли хоть бровью?

Женщина протянула руку, чтобы выключить ночник, и в этот момент зазвонил телефон. Сердце бешено забилося, едва не выпрыгнув из груди. Неужели... Тайлер?! Неужели ей так не терпится услышать его голос? Нет, ей абсолютно все равно. И все же, снимая трубку, Хейли в душе молилась, чтобы это оказался именно он.

– Хейли? Это Хармон.

Она мгновенно сникла от разочарования.

– Алло, Хармон, слушаю тебя.

– Извини, если разбудил, но мне самому только что позвонили от нашего „громовержца“. Не знаю, где его до сих пор носило, но главное, он вернулся и горит жадной деятельностью: завтра в восемь утра созывает на совещание руководителей отделов. Так что на всякий случай поставь-ка свой будильник на час раньше. Я сейчас всех обзваниваю, чтобы не опоздали. Потому что настроение у нашего босса, кажется, не очень.

Хейли перевела дыхание.

– А т-ты случаем не знаешь, с чего это он так разозлился?

– Разозлился – это еще мягко сказано. Остается только надеяться, что не на меня. Все, завтра увидимся.

Хармон положил трубку, но Хейли еще несколько секунд слушала короткие гудки, обеспокоенно закусив нижнюю гу-

бу. В отличие от главного управляющего „Серендипити“ она отлично знала, на кого так разгневался Тайлер Скотт. Оставалось только надеяться, что этого никогда не узнают ее коллеги.

Люди, сидевшие за широким и длинным столом в зале совещаний, заметно нервничали. Всеобщее молчание делало атмосферу еще более гнетущей – эта тишина была явно не к добру. Нэнси сварила кофе, но мало кто притронулся к нему. Каждый из присутствовавших занимал в фирме немалый пост, не ниже менеджера, однако вряд ли среди них можно было найти хоть одного, у кого не тряслись бы сейчас поджилки. Самым жутким в этой ситуации было то, что хозяин, многие годы остававшийся невидимым и загадочным, внезапно материализовался из пустоты и, более того, выражает намерение активно вмешаться в повседневную деятельность „Серендипити“. Он что, больше им не доверяет? Считает недостойными управлять парком?

Так кто же из них допустил ошибку? Или именно в это прекрасное утро Тайлер Скотт надумал выгнать к чертовой матери всех до единого?

Войдя в зал, Тайлер устремился напрямиком к креслу во главе стола. Вокруг него было пусто – все подчиненные предпочли устроиться подальше от начальства. Хейли старательно разглядывала стоявший в углу звездно-полосатый флаг и все же, бросив вороватый взгляд на босса, не могла не изу-

миться. Одет он был явно не по форме: вместо делового костюма, приличествующего обстановке, на нем были джинсы и легкая спортивная рубашка. Бледно-желтая ткань подчеркивала загар его кожи и рельеф мышц, силу которых кое-кому уже удалось изведать на себе. С трудом проглотив шершавый комок, вставший поперек горла, она еще решительнее, чем прежде, уставилась на американский флаг.

– Доброе утро, – произнес начальник приподнято-торжественным тоном, каким судья обычно провозглашает: „Вы признаетесь виновным“.

В ответ раздался нестройный галдеж. Голоса подчиненных прозвучали неуверенно.

– Есть у нас одна проблема, – объявил босс, хлопнув по полированной поверхности стола внушительной папкой бумаг. Никто не шелохнулся. – „Серендипити“ приносит мне слишком много денег.

Двенадцать пар глаз одновременно забегали, словно ища, за что бы зацепиться. На всех без исключения лицах было написано глубокое недоверие. Однако, когда каждый из присутствующих наконец понял, что не ослышался, все головы как по команде повернулись к человеку, сидевшему во главе стола. И человек этот улыбался. В зале несмело прошелестел нервный смешок.

– Благодаря всем вам „Серендипити“ завершил сезон с отличными результатами. Я получил солидную прибыль, на которую Служба внутренних доходов быстренько наложит ла-

пу, если только я не успею вложить эти деньги снова в дело. Вот я и думаю, куда бы именно их вложить, – добавил он, бросив на стол карандаш, который до этого вертел в пальцах, и откинулся на спинку кресла. – Так что предлагаю всем поразмыслить.

– Вы имеете в виду дополнительные затраты, помимо тех, что пойдут на новые аттракционы? Ну те самые, о которых мы говорили, помните, мистер Скотт? – вкрадчиво осведомился директор отдела эксплуатации.

– Везет же Дэвису – его часть работы, можно сказать, уже сделана, – улыбнулся Тайлер. – А вот другим спешу сообщить,¹ что мы закупаем у немцев три новых аттракциона. Они будут установлены, отлажены и готовы к пуску в начале нового сезона. Мы с Дэвисом об этом уже позаботились. Гаррисон, – обратился он к директору отдела техобслуживания, – оборудование должно поступить в январе. Как только все будет на месте, следует приступить к установке. Советую тебе уже сейчас тщательно осмотреть парк с тем, чтобы подобрать подходящие места, ознакомиться с техническими проектами, а там можешь и собственный проект представить. Все, что тебе нужно, заказывай не мешкая. И главное, не стесняйся.

– Слушаюсь, сэр.

. – А заодно, может, и другие аттракционы разместишь

¹ Организация в структуре Министерства финансов США, которая ведает сбором налогов.

получше. Но это – на твое усмотрение.

– Слушаюсь, сэр.

– Вот и ладно. А теперь послушаем, что скажут другие.

Тут же подал голос начальник отдела кадров, известный хохмач:

– Думаю, все мы стоически перенесем любые тяготы, даже прибавку к жалованью.

Все засмеялись, включая самого Тайлера.

– Что ж, по рукам! Пятнадцать процентов – задним числом, считая с начала минувшего сезона. – Гул удивления быстро перерос в шквал аплодисментов. Тайлер смиренно потупился, олицетворяя собой скромность, а затем обратился к начальнику отдела кадров:

– И минимальную зарплату тоже повышаем. Нашему предприятию нужны по-настоящему талантливые молодые ребята. И я готов платить больше, чтобы привлечь именно таких. Так что приглядывайтесь к людям повнимательнее, когда начнете набирать новые кадры на следующий год.

– Разумеется, сэр.

С начала рабочего совещания Тайлер напрочь игнорировал Хейли, и это отсутствие внимания с его стороны не могло ее не порадовать. Почти уверившись, что разговора с ним можно уже не опасаться, она с облегчением вздохнула. И тут пристальный взгляд его серых глаз остановился на ней:

– По-моему, из всех присутствующих только вы еще не высказались, мисс Эштон. У вас есть какие-нибудь свежие

идеи?

Однако если он полагал, что этот въедливый тон заставит ее дрогнуть, то явно ошибался. Ответ был готов заранее:

– Да, мистер Скотт, кое-какие идеи у меня имеются. – Плавным взмахом руки шеф дал понять, что его подчиненная вольна высказать все, что у нее имеется. – Все исследования, которые проводит мой отдел, все анкеты, опросы посетителей неизменно обнаруживают одно и то же: люди жалуются на то, что им приходится слишком долго ждать в очередях к самым популярным аттракционам.

– А разве мы можем с этим что-нибудь поделать? С очередями бороться бесполезно – чем популярнее аттракцион, тем длиннее к нему очередь. Что тут непонятного?

– Согласна, мы не можем сократить очереди, но помочь нашим клиентам избавиться от скуки однообразного ожидания – вполне в наших силах. – Теперь уже все пристально смотрели на нее. – Я предлагаю нанять профессиональную музыкальную группу, исполняющую музыку кантри, или, к примеру, диксиленд. Музыканты, перемещаясь от аттракциона к аттракциону, развлекали бы посетителей. Думаю, оркестра из десяти-двенадцати красочно одетых людей вполне хватило бы. Они могли бы ездить по парку на электрокаре или ходить пешком. Можно завести и хорошего фокусника, умеющего привлекать к себе зевак, а то и гадалку. Короче говоря, специалиста, обладающего способностью быть с публикой на короткой ноге и полностью занимать ее внимание,

не давая скучать в очередях.

– Где же их взять, таких странствующих трубадуров, в наши-то дни? – с сомнением спросил Тайлер, поставив локти на край стола. Пока Хейли говорила, босс не спускал с нее глаз. Интересно, что он думает о ее вчерашнем бегстве?

– Но у нас есть отдел развлекательных мероприятий. Очевидно, и оркестр, и фокусник, и все прочее в том же роде – в его компетенции.

Начальник этого отдела смущенно заерзал на стуле, когда все взгляды, в том числе и Тайлера, переместились на его скромную персону.

– Что скажешь, Ньюэлл? По силам нам осуществить все эти задумки?

– Да, сэр. Задумки и в самом деле просто замечательные.

– Прежде чем что-нибудь предпринять, посоветуйся с мисс Эштон. Я хочу, чтобы она непосредственно участвовала в этом проекте.

Еще примерно полчаса разговор шел в том же духе. От каждого отдела – костюмерного, общетехнического, рекламы и по контактам с общественностью, питания и прохладительных напитков, сувенирного – требовался ответ на поставленный ребром вопрос: что собираетесь делать, чтобы улучшить, расширить, углубить и т. д.?

Завершая совещание, Тайлер не обошелся без напутствия:

– Хочу, чтобы финальные дни у нас прошли с блеском.

Как вы видите, настроение у меня рабочее. – С этими словами он показал на свою простецкую одежду. – Перед закрытием сезона я намерен изучить наш парк вдоль и поперек – каждый дюйм территории. Последняя рабочая неделя будет весьма напряженной, особенно суббота и воскресенье. Я хочу, чтобы для каждого нашего гостя посещение „Серендипити“ стало праздником. А в целом сезон получился удачным – благодарю вас за работу.

Хейли надеялась незаметно улизнуть из зала, однако возле самой двери ей пришлось остановиться.

– Мисс Эштон, прошу прощения, но нам нужно поговорить, – сказал Тайлер, пробравшись к ней сквозь поток сотрудников, спешивших к выходу. Цепко взяв женщину за руку выше локтя, он вывел ее в коридор. – Я прогуляюсь с вами до вашего офиса, по пути все и обговорим, – произнес он достаточно громко, чтобы его слова могли слышать другие.

До открытия луна-парка оставалось еще добрых полчаса, а потому на асфальтовых дорожках было пустынно – навстречу попадались лишь редкие служащие, спешащие занять рабочее место. Асфальт еще не просох – уборщики только-только завершили работу. Летние цветы на ухоженных клумбах уже теряли свою буйную красу, зато хризантемы сияли вовсю, точно были отлиты из золота или меди.

Хейли семенила сбоку от Тайлера, еле поспевая за его широким шагом. После совещания она не проронила ни слова. Сейчас ей приходилось изо всех сил сдерживать себя и не

смотреть на его обтянутые тесными джинсами длинные мускулистые ноги. И не замечать, как свежий ветерок – предвестник осени – шаловливо треплет его темный чуб.

– Вот это надо бы проверить, – деловито пробормотал начальник, снова взяв свою подчиненную под локоть, чтобы ввести ее в ворота одного из аттракционов, представляющего собой наблюдательную вышку в ограждении частоккола. Попадающие сюда посетители должны были чувствовать себя первооткрывателями Америки. Нет, скорее переселенцами, осваивающими новые земли и вынужденными обороняться от индейцев. Те, кто хоть немного интересовался историей штата Теннесси, не могли пройти мимо этого сооружения, таившего в себе дух старины. Конечно, это была искусно выполненная модель вышки, в которой предусмотрели все, что нужно современному человеку, вплоть до лифта.

– Мне пора на работу, – решила Хейли проявить характер. И даже попыталась выдернуть локоть из пальцев Тайлера, но тщетно.

– Ты и так на работе, – рыкнул на нее хозяин. – Доброе утро, – тут же поздоровался он с пареньком-смотрителем, окончательно отняв у своей спутницы возможность продолжить пререкания. Молодой человек был призван олицетворять собой первопроходца-покорителя западных земель, во всяком случае на это намекала его грубая кожаная куртка с длинной бахромой.

– Доброе утро, мисс Эштон, – почтительно произнес он,

признав прежде непосредственную начальницу, а потом уж кивнул и Тайлеру.

– Доброе утро, Рэнди, – приветливо ответила она, быстро прочитав имя парня на нагрудной табличке.

– Нам бы хотелось подняться на площадку, Рэнди, – продолжил Тайлер.

Молодой человек вопросительно взглянул на Хейли.

– Все в порядке, Рэнди. Это мистер Тайлер Скотт. Владелец „Серендипити“. Лицо паренька залила густая краска.

– О да, конечно, – начал заикаться он. – Я... Естественно! То есть нам вообще-то не положено впускать посторонних. Но тут... Как бы это сказать...

– Ты все правильно делаешь, – успокоил его Тайлер. – Так мы, с твоего разрешения, поднимемся? Только, пожалуйста, не впускай сюда больше никого, пока мы не спустимся вниз. Просто нам надо прикинуть, какое оборудование нуждается в ремонте, а что к следующему сезону следует заменить.

– Не извольте беспокоиться, мистер Скотт.

Хейли понимала, что становится жертвой грубой манипуляции, но никак не могла противостоять этому без того, чтобы поставить в идиотское положение саму себя, не говоря уже о бедном Рэнди. А потому ей не оставалось ничего, кроме как покорно войти в кабину лифта в сопровождении босса, потерявшего всякий стыд.

– Высоты не боишься? – поинтересовался Тайлер, когда лифт взмыл ввысь. – Когда с небоскреба вниз смотришь, не

тошнит?

– Меня тошнит только от назойливых типов.

– Ну, значит, мне беспокоиться не о чем. Ведь я по сравнению с некоторыми просто воплощение кротости, – ослепил он ее белозубой улыбкой. Двери лифта открылись. – Прошу, – согнулся в шутовском поклоне хозяин парка.

Она решительно двинулась вперед, не глядя на него, но не успела сделать и трех шагов, как он схватил ее за плечи и резко повернул к себе лицом.

– Ну хватит, Хейли! Это зашло уже слишком далеко. И вообще, что означает все то, что ты выложила мне насчет няnek вчера вечером, перед тем как трусливо слинять из моего номера?

– Никуда я не слиняла! – с жаром возразила женщина, у которой лицо пылало от негодования. – И никакая я не трусиха.

– Неужто? А вот мне почему-то кажется, что выпутываться из затруднений, прикрываясь ребенком, и есть трусость самая настоящая.

– Только не надо попрекать меня тем, что я использую других людей в угоду себе, мистер Скотт! На себя бы прежде посмотрели.

– Да что же это все, черт возьми, значит?!

– А то вы не знаете! Complimentики, поцелуйчики – и вот вам, пожалуйста, бесплатная нянька. – Весь ее вид словно говорил: „Ну что, съел? То-то же!“ Явно гордясь собой,

Хейли вздернула подбородок.

Однако триумф оказался недолговечным. Запрокинув голову, Тайлер просто покатился от хохота.

Насмеявшись досыта, он проговорил все еще подрагивающим голосом:

– Низко же ты себя ценишь. Бесплатная нянька, говоришь? Так ты всерьез думала, что именно для этого мне нужна?

– А разве нет? – заносчиво спросила она.

Покачав головой, Тайлер еще сильнее сжал пальцами ее плечи.

– Нет, Хейли. Неужели ты думаешь, что у меня нет денег, чтобы заплатить няньке?

– Не в деньгах дело. Дело в том, что я нравлюсь Фейт. И тебе спокойнее оставлять ее именно со мной, потому что ты знаешь, что, когда тебя нет дома, я вполне могу тебя заменить.

– Я действительно очень рад, что вы так чудесно ладите. И когда я говорил, что ты хорошо влияешь на нее, в моих словах не было ни капли лжи – я говорил это совершенно искренне. Если бы она на дух не переносила тебя или, наоборот, – ты ее, то это сильно затруднило бы наши с тобой отношения.

– Наши с тобой?.. Но между нами ничего нет. И никогда не будет!

– Ну зачем ты так, Хейли? – взволнованно спросил Тай-

лер. – Может, я и разозлю тебя вконец своей откровенностью, но признаюсь: я расспросил о тебе Хармона. Так, конечно, чтобы не пробудить в нем излишнего любопытства, – торопливо добавил он, почувствовав, как немедленно напряглись ее плечи. – Мне просто нужно было знать о других мужчинах в твоей жизни. И что, по-твоему, он мне поведал? Среди служащих парка нашлось немало удальцов, которые пытались растопить лед неприступности мисс Эштон, однако, насколько ему известно, никому не удалось этого сделать. Вот такая история. И даже на лице Хармона, примерного семьянина, лежала печать глубокой скорби, когда он рассказывал мне об этом.

– Чушь...

– Вот видишь? И я о том же! Так скажи мне, почему столь ценные сведения ты называешь чушью?

– Потому что мужчины смотрят на меня совсем не так, как того мне хочется. Я, видите ли, не подхожу им.

На его губах появилась снисходительная улыбка.

– Да нет же, подходишь, и еще как! Ну почему ты не хочешь поверить, что нужна мне такая, как есть? Почему во всех моих поступках видишь какой-то злой умысел? То это были сексуальные домогательства, грозившие тебе потерей работы. Теперь тебя якобы беззастенчиво эксплуатируют в качестве няньки моей дочери. Вдумайся только, какой вздор ты несешь, Хейли!

Обняв ее за плечи, Тайлер придвинулся ближе, и, таким

образом, она оказалась зажатой между ним и бревенчатой стеной.

– Если я и пытаюсь использовать тебя, то только с единственной целью – чтобы утолить ту страсть, которую ты разожгла во мне. И мне бы очень хотелось, чтобы и ты использовала меня точно так же.

Несколько секунд она не могла пошевелиться, зачарованная гипнотическим взглядом его серых глаз. Ей хотелось верить этому человеку. Одиночество прошлой ночи показалось ей невыносимым.

Когда Тайлера не было рядом, она жутко скучала. Хотя редкая их встреча обходилась без стычек, ей все равно бывало очень тяжело не видеть его, не слышать его голоса. Ей уже хотелось, чтобы он стал частью ее жизни, но... Гордо выпрямившись, Хейли произнесла:

– Но я прежде всего твоя служащая.

– Согласен. Однако из всех моих служащих ты единственная, у кого такая красивая грудь.

– Что?..

– Да-да, именно это я разглядывал сегодня утром, делая вид, что изучаю документы на рабочем столе, когда кто-то там болтал о какой-то ерунде – кажется, из костюмерного. Я пытался представить себе, как она выглядит в те минуты, когда мы...

– Тайлер...

–..целуемся. Твоя грудь высока, ее форма просто изуми-

тельна...

– Тайлер!

– Она белая, матовая...

– Ну пожалуйста, – умоляюще простонала Хейли.

– Я не остановлюсь, пока ты не поцелуешь меня. И пока я не почувствую ее прикосновение...

Встав на цыпочки, Хейли прильнула к его губам. Приоткрыв рот, он раздвинул языком ее губы и изо всех сил прижал обольстительную женщину к себе. Он поцеловал ее с дикой страстью, которую она столь жестоко отказалась удовлетворить минувшим днем. Во всяком случае в его глазах вчерашний поступок Хейли был верхом бессердечия.

А теперь „мисс Неприступность“ даже не пыталась сдерживать в себе желание ответить на его поцелуй. Какие-нибудь несколько недель назад она наверняка сочла бы себя сумасшедшей при одной только мысли о том, что сможет так нежно ластиться к этому мужчине. Его пальцы, осторожно проникнув за отворот ее блейзера, нежно погладили тонкий шелк блузки, и Хейли, не контролируя себя, подалась вперед, чтобы еще явственнее ощутить эти волшебные прикосновения.

– Продолжим разговор вечером, после ужина у тебя дома, – пробормотал Тайлер в перерыве между поцелуями, которыми осыпал ее лицо. – Бифштексы и вино я принесу, все остальное – за тобой. Восемь вечера тебя устраивает?

– Да, – обессиленно выдохнула она, потому что в эту се-

кунду не могла отказать ему ни в чем.

Будто в тумане Хейли спустилась вместе с ним на лифте. Едва он успел заправить ей за ухо выбившийся локон, как двери кабины распахнулись. Рэнди в нетерпении дожидался их появления.

– Ну как там, наверху, – все в порядке?

– Просто блеск, – ответил Тайлер, искоса бросив лукавый взгляд на Хейли.

– Благодарю вас, – польщенно произнес Рэнди, когда они уже шли к выходу.

– А сейчас я отправляюсь в кабинет Сандерса. Так что, мисс Эштон, вы знаете, где меня искать в случае, если я вам вдруг понадобится. – Тайлер намеренно проговорил это громким голосом, чтобы Рэнди как следует расслышал его.

– Хорошо, мистер Скотт.

Хозяин луна-парка уже было вышел наружу, но вдруг остановился в воротах и, щелкнув пальцами, снова обратился к ней:

– Кстати, мисс Эштон, чуть не забыл...

Приблизившись к Хейли, он еле слышно прошептал ей на ухо:

– О вашей груди я говорил не в шутку, а совершенно серьезно.

Именно на эту часть своего тела она невольно обратила внимание, выйдя вечером того же дня из-под душа. Придир-

чиво рассмотрев собственное изображение в высоком зеркале, занимавшем всю внутреннюю сторону двери ванной комнаты, Хейли пришла к выводу, что фигура у нее не так уж и плоха. Природная худоба, которую она не уставала проклипать в юности, теперь оказалась поистине даром божьим. Хейли выглядела на несколько лет моложе своего возраста.

Весь день она провела в предвкушении ужина с Тайлером. Все сказанное им о том, что, его стремление покорить собственную подчиненную никак не связано с ее служебным положением или проблемами его дочери, не слишком убедило Хейли. Одеваясь в ванной, она задумчиво улыбнулась: неужели ей не терпится получить от него более убедительное подтверждение страстного желания обладать ею?

Как бы то ни было, наряд, избранный Хейли для ужина, делал ее на редкость соблазнительной. Она вполне сознавала это, натягивая на себя слаксы из черного шелка и надевая хлопковую кофточку крупной вязки. Да, эта женщина прекрасно знала, как идет ей все черное. Черное отлично гармонировало с ее пышными волосами и светлой кожей. Сегодня вечером, отринув все опасения, она решила пуститься во все тяжкие. А-а, будь что будет... Высушив волосы без помощи фена, она вдела в уши большие золотые кольца. Ее духи были тонкими, но их призывный запах невозможно было не почувствовать. Под кофточку, весьма смелую и открытую, Хейли надела черную сорочку с кружевной отделкой.

„Что ж, очень даже неплохо“, – подвела она итог собствен-

ным усилиям, еще раз поглядевшись в зеркало. Ее новый образ разительно отличался от привычного облика застегнутой на все пуговицы мисс Эштон, зануды и всезнайки, не терпящей даже намека на легкомыслие.

Но что подумает о ней Тайлер? Совершая заключительный обход, чтобы проверить, не забыла ли она в суматохе о чем-нибудь важном, Хейли, к собственному удивлению, обнаружила, что стоит ей подумать о предстоящем вечере, как у нее начинается сердцебиение и перехватывает от волнения горло. Она и в самом деле не могла похвалиться богатым опытом общения с мужчинами. Так можно ли всерьез верить тому, что сказал ей этот человек? Правда ли то, что он в самом деле находит ее красивой? Желанной? Сексуальной?

Зеленый салат, маслины, маленькие, размером с вишню, помидоры и артишоки ожидали своего часа в холодильнике. В духовке пекся завернутый в фольгу картофель. Сметана, зеленый лук и кусочки бекона были уже на столе. Шоколадному муссу осталось застыть в фужерах для десерта.

Все было готово. Не готова была только Хейли – она словно на иголках сидела в ожидании гостя. Наконец одна из иголок больно кольнула ее: Хейли вздрогнула, услышав, как хлопнула дверца машины Тайлера, вслед за чем с улицы донесся звук его торопливых шагов.

Трижды глубоко вздохнув и всей душой надеясь, что ее пышная прическа еще не успела растрепаться, женщина пошла встречать визитера. Впрочем, бояться ей было нечего,

подтверждением тому было выражение лица Тайлера, когда он предстал перед нею на пороге дома. Раскрыв рот, гость несколько раз оглядел хозяйку с головы до ног, прежде чем глаза его остановились на ее лице. Он не вымолвил ни слова, пока не окинул внимательным взглядом каждую черточку ее прекрасного лица.

– С ума сойти можно! Уж в чем-чем, а в изобретательности тебе положительно не откажешь. К черту ужин и прочие предисловия! Я готов прямо сейчас перейти к главному пункту повестки дня.

Пытаясь сдержать нервный смех, Хейли прижала ладонь к своему рту. Ее сердце по-прежнему гулко и быстро ухало в груди.

– У тебя что-то капает... Он посмотрел вниз, на глубокую алюминиевую форму в собственных руках.

– Ох ты, дьявол... Прости ради бога. Тайлер опрометью кинулся мимо нее напрямиком на кухню.

– Сам шеф-повар отеля целый день мариновал эти бифштексы, выполняя мой заказ. – Поставив форму, прикрытую фольгой, на кухонный стол, он обернулся.

– А Фейт? – вкрадчиво осведомилась она.

– Ее не будет. На сегодняшний вечер дети до шестнадцати не допускаются.

– А-а... – неопределенно протянула Хейли. В душе она была искренне рада тому, что они проведут этот вечер только вдвоем, и в то же время сильно стыдилась своей радости.

Сдвинув брови над своими горящими глазами, Тайлер позвал ее:

– Подойди ко мне, Хейли.

Его голос звучал вкрадчиво и в то же время властно.

Словно загипнотизированная, Хейли шагнула ему навстречу. Его руки коснулись обнаженных локтей женщины, потом скользнули выше, под широкие рукава кофточки, и принялись ласкать ее плечи.

– Мне нравится твоя новая прическа.

– Подожди полчасика, и увидишь, что волосы будут торчать во все стороны. С ними нет никакого сладу – не волосы, а дикие заросли.

– Обожаю дикое, – шутливо произнес он. – Я и сам чувствую себя дикарем, а это довольно опасно. – Тайлер говорил с хрипотцой, привлекая Хейли к себе. Он провел ладонями по ее спине. Чуткие, как у музыканта, пальцы Тайлера дарили ей неизъяснимую сладость. Этих легких прикосновений было достаточно, чтобы Хейли совершенно потеряла голову и теснее прижалась к нему. Хейли еле слышно охнула, почувствовав сквозь одежду напор его возбужденной плоти.

– Вот видишь, что ты со мной сделала? – Склонив голову, он пленил ее губы.

Его язык методично и с упоением исследовал теплый рот Хейли: сперва он коснулся неба, потом зубов, заскользил по внутренней стороне ее губ. Так продолжалось до тех пор, пока она не начала задыхаться от страсти. Тайлер был неумо-

лим. Его ладони подхватили ее под бедра и слегка приподняли.

В глубине ее тела вспыхнула и начала усиливаться пульсирующая боль. Хейли была не в силах оторваться от Тайлера, инстинктивно понимая, что только он может дать ей исцеление от этого волшебного недуга. И прильнув к нему, она с восхищением ощутила, как идеально гармонируют его сильное мускулистое тело и ее мягкая податливая плоть.

Он хрипло застонал, оторвавшись от губ Хейли и уткнувшись лицом в ложбинку на ее плече. Дыхание его было прерывистым и шумным.

– Хейли, – прошептал Тайлер, – если так и дальше пойдет, то мы напрочь забудем о наших бифштексах, вине, обо всем, что ты тут наготовила. – Поиграв языком с золотым кольцом ее серьги, он легонько сжал зубами мочку ее уха. Его ладони теперь ползли вверх – от талии, подбираясь к груди. – Что ты на это скажешь?

Ей нечего было сказать. Потому что его язык буквально творил чудеса, продолжая любовную игру с мочкой ее уха. Ее тело пламенело, соприкасаясь с его телом.

– Я думаю... – начала она срывающимся голосом, потом прокашлялась и продолжила:

– Я думаю, нам следует держать себя в руках. И если уж мы условились поужинать вместе, значит, надо заняться ужином.

Со вздохом отстранившись от Хейли, Тайлер быстро по-

целовал ее в губы.

– Ты, как всегда, права. Скажи, а готовишь ты так же хорошо, как и целуешься?

Озорно поглядев на него, она рассмеялась:

– Ты будешь первым, кто сможет сравнить оба эти таланта, которыми я, надеюсь, не обделена.

Легонько проведя ладонями по ее бедрам сзади, он мечтательно произнес:

– Ну если твои кулинарные способности хотя бы отдаленно сопоставимы с другими... э-э-э... задатками, то меня ожидает поистине волшебное пиршество. Надеюсь, ты не стала готовить десерт. Я уже знаю, что мне нужно на сладкое. – Его глаза снова плотоядно ощупали изящную женскую фигуру. – Вот только вино я оставил в машине, в ведерке со льдом. Ну ничего, я за ним быстро сбегаяю, а ты тем временем позаботишься о жаровне.

Тайлер оставил ее одну, дрожащую, потерявшую над собой контроль. Когда Хейли попыталась сделать шаг, ватные ноги отказались повиноваться ей – таков был эффект головокружительных поцелуев и пьянящих прикосновений мужских рук. Она была не в силах согнать с лица блаженную улыбку; счастье поднималось откуда-то изнутри, бурля у нее в груди. Сладостная песня без слов звучала в душе женщины, раскладывающей сочные куски мяса на решетке жаровни.

Должно быть, тот же мотив звучал и в душе Тайлера – об этом можно было догадаться по его раскатистому смеху, до-

несшемся из прихожей. Этот смех был настолько счастливо-самозабвенным, что она не удержалась и выглянула из-за двери.

Улыбка на ее устах в ту же секунду погасла, пузырьки счастья в груди лопнули все до одного, сменившись ноющей болью. Мелодия радости умерла.

Рыжеволосая женщина, прильнувшая к руке Тайлера, шарила по комнате глазами, которые в конце концов застыли на Хейли.

– Привет, сестричка! – весело воскликнула она.

– Здравствуй, Элен.

Глава 7

– Хейли, дорогая, ну разве можно быть такой неосмотрительной? Такого красавчика ни на секунду нельзя оставлять без присмотра, даже если он обещает принести тебе бутылку лучшего в мире вина. – Прижавшись к Тайлеру еще теснее, Элен бросила на него хитрый взгляд из-под роскошной завесы длинных ресниц.

– А может, она вовсе не считает меня красавчиком, – сухоато заметил Тайлер. Вместе с тем, насколько могла заметить Хейли, его вовсе не коробило от манер Элен. Во всяком случае, ее роскошная грудь, прижатая к его руке, судя по всему, не вызывала у него ни малейшей неприязни.

Элен заразительно рассмеялась – ее смех рассыпался по комнате серебряными колокольчиками:

– В таком случае ей не мешало бы показаться психиатру.

Рыжеволосая красавица нехотя оторвалась от Тайлера, мягко проведя по его руке пальцами с наманикюренными ногтями, и заговорила с хозяйкой дома:

– Ну и долго ты будешь прятаться там, за дверью? Иди же сюда, Хейли, обними свою младшую сестренку!

Толкнув дверь, Хейли шагнула навстречу сестре и тут же попала в ее жаркие объятия. Она стояла, не глядя на Тайлера. Зачем? Ей было и так известно, какими глазами он смотрит сейчас на Элен – оценивающе, жадно, похотливо, как

и все мужчины при встрече с этой красоткой. Теперь лишь остается убедиться, что Тайлер точно такой же, как и все остальные мужики? Нет, это было выше ее сил.

Она потратила целый вечер на то, чтобы выглядеть обольстительной. А вот Элен этого абсолютно не требовалось – умение соблазнять было у нее в крови. Тесные дорогие джинсы и рубашка а-ля вестерн, расстегнутая чуть ли не до пупа, словно высмеивали лоснящиеся черные шмотки, которые нацепила на себя старшая сестрица. Хейли специально несколько часов сушила волосы, не притронувшись к фену, чтобы они лежали на плечах естественно. Словно зная это, Элен соорудила на затылке потрясающую прическу. И вот вам результат: рядом с этой элегантно мерзавкой Хейли выглядит просто растрепой, не умеющей за собой следить. Сейчас она чувствовала то же, что чувствует, должно быть, свеча, которую внезапно загасили одним плевком.

– Рада видеть тебя, Элен, – солгала Хейли. – Вот уж никак не ожидала, что ты наведишь меня.

– Уж об этом-то я догадываюсь, – выразительно протянула младшая сестра, едва заметно мигнув в сторону Тайлера. – Но обещаю: через минуту меня здесь уже не будет. Что-то соскучилась вдруг, села за руль, да и махнула к тебе из самого Нэшвилла. А теперь – обратно. Задерживаться не могу.

– Путь неблизкий. А как же работа? – встревожилась Хейли.

– Отпросилась после обеда, сказала, что чувствую себя

неважно. Потому-то и надо успеть вернуться домой сегодня. Завтра утром мне на работу раньше обычного – отработать то, что я прогуляла.

Тайлер тем временем перебрался к Хейли и мягко обнял ее за плечи. Она словно очнулась от дурного сна:

– Ох, простите. Вы еще не знакомы?

– Нет. Рад познакомиться, мисс Эштон, меня зовут Тайлер Скотт.

– Элен, – просто представилась младшая сестра и со смехом протянула ему изящную руку. – Надеюсь, еще увидимся, и не раз.

Тайлер украдкой взглянул на Хейли.

Однако та стояла потупившись. А потому не видела, какой невыразимой нежностью светились его глаза. Она лишь слышала его ответ-обещание:

– Несомненно...

– Хейли, – неуверенно произнесла Элен. – Я и в самом деле только на минутку. Не могли бы мы...

– Пойду посмотрю, как там бифштексы, – сразу же понял намек Тайлер. Потрепав Хейли по плечу, он удалился на кухню.

– Пойдем в спальню, – заговорщически прошептала Элен и решительно потянула за собой сестру.

Закрыв дверь, она тут же привалилась к ней спиной. Ее широко открытые глаза сияли от возбуждения.

– Ну ты, Хейли, даешь! И где ты его все это время прятал?

ла? Давно это между вами? Кто он, а? И встретились где? А пука, выкладывай все как на духу!

Хейли задумчиво прошлась по комнате, остановилась у туалетного столика, машинально взяла щетку для волос и принялась расчесывать свои медно-красные волосы.

– Да в общем-то, и рассказывать нечего. Познакомились несколько недель назад. Его дочь ужалила пчела, когда они развлекались в луна-парке.

– А он, гляжу, прилично упакован. Одна машина чего стоит! И шмотки – что надо!

Хейли испытала непреодолимое желание сразить сестру наповал, так, чтобы язык у нее отнялся.

– Он владеет нашей фирмой – „Серендипити“, – бесстрастно поведала она. – И еще много чем.

– Ма-амочки мои, сестренка! Вот уж повезло, так повезло! Он, наверное, и в постели – просто террорист. – Щетка на мгновение застыла над головой Хейли, но в следующий момент с удвоенной яростью начала снова терзать спутанные локоны. – Так или нет? – настырно допытывалась Элен.

– О чем ты?

– Какой он, спрашиваю, в постели? Хейли увидела в зеркале лицо сестры. Ее глаза лихорадочно горели – изображение, должно быть, рисовало ей картины одну заманчивее другой. Хейли снова потянуло на похвальбу – как-никак, а такой мужчина, как Тайлер, захочет провести романтический вечер далеко не с каждой!

– Точно, как ты говоришь, – услышала она себя будто со стороны. – Террорист.

Щетка выпала из ее руки и грохнулась на туалетный столик, словно протестуя против беззастенчивой лжи. Ну зачем ей делать вид, что она спит со своим шефом? Зачем врать собственной сестре? Стянув волосы в пучок, она со злобой вогнала в него несколько шпилек.

– Ах, сестренка, до чего же я за тебя рада, – театрально вздохнула Элен. Хейли сделала вид, что не замечает в этом вздохе зависти. На сей раз она постаралась остаться невозмутимой. – Слава богу, хоть одна из нас счастлива.

подавив вздох, старшая сестра сдалась:

– А ты разве не счастлива? Мне казалось, тебе по душе твоя новая работа, новые друзья.

– Друзья... Скажешь тоже! – фыркнула младшенькая. – Помнишь ту девчонку, о которой я тебе рассказывала? Ну ту самую, которая хорошо ко мне относилась? – Не дожидаясь ответа, Элен продолжила:

– Так вот, настоящей сволочью оказалась эта девочка. Я ей малость задолжала. И главное ведь, она чуть ли не силком заставила меня взять эти деньги, а теперь требует их назад – все сразу! Ну прямо совсем перестали люди доверять друг другу.

Хейли обернулась, чтобы заглянуть в лицо младшей сестре, которая уже успела усесться по-турецки посередине широкой кровати. Сейчас она выглядела поразительно юной –

чуть ли не моложе Фейт. В ее зеленых глазах стояли слезы.

– И сколько же это – „малость“? – холодно поинтересовалась Хейли.

– Пятьсот долларов, – еле слышно промямлила сестрица.

– Сколько?! – искренне ужаснулась Хейли. – Элен, как ты могла? Пятьсот долларов! Зачем тебе столько?

– Не кричи на меня, Хейли, – захныкала Элен. – Говорю же тебе, она насильно заставила меня взять их.

– Врешь.

– Да точно тебе говорю! А ты вредная – ну совсем как она.

– И на что же ты эти деньги потратила? – В голове Хейли тошнотворным хороводом закружились мысли о наркотиках, карточных долгах и жульничестве. – Куда их дела?!

– Ну шмоток прикупила. Побрякушек немножко. Только не смотри на меня так, Хейли, – разревелась Элен, наконец отважившись посмотреть старшей сестре в глаза. – Ты же знаешь, я не выношу, когда ты злишься на меня. Я тебя так люблю...

– Особенно когда тебе позарез нужны деньги.

– О господи, да как у тебя язык поворачивается говорить такое!

– Ведь ты именно за этим приехала – так или нет? За деньгами?

– Но я же в долг прошу. А потом все верну. Ей-богу, верну! Ну пожалуйста, Хейли. А то она на работе уже всем уши прожужжала, какая я дрянь.

Хейли поразила. Ну почему так получается? Стоит ей расплакаться самой, и она становится страшна как черт: нос – красный, щеки – пятнами. А вот Элен, даже когда плачет, – красotka хоть куда. Ее глаза блестели от слез, слипшиеся ресницы казались еще гуще, дрожащие губы придавали лицу выражение незащитности, перед которой не мог устоять даже человек с камнем вместо сердца.

Да, Хейли даст ей денег. Но вовсе не из сострадания. Ей совершенно не было жалко сестру. Единственным чувством, для которого в ее душе нашелся уголок, была горечь, граничащая с брезгливостью. Только дав этой девице денег, можно было избавиться от нее хотя бы на время. Хейли категорически не хотела впускать Элен в свою жизнь.

Эгоистка до мозга костей, та была готова тут же подобрать все, что выпустит из рук Хейли, – деньги, положение в обществе, а если повезет, то и мужчину. Угрызения совести никогда не мучили ее, когда речь заходила о таком важном деле, как удовлетворение собственных желаний.

– Как зовут ту девушку? – спросила Хейли. – Я выпишу чек на ее имя.

– Можешь выписать и на меня...

– Девушку, спрашиваю, как зовут? – твердо повторила Хейли, доставая из сумочки чековую книжку.

Не вступая в пререкания, Элен хмуро назвала имя. Через пару секунд Хейли молча протянула ей чек. Это молчание было выразительнее любых слов. Почти извиняющимся то-

ном Элен протянула:

– Спасибо, Хейли. Ты самая лучшая сестра...

– Просто у тебя нет другой, Элен. Только по этой причине ты приехала. И не надо притворяться, что тебя привело сюда что-то другое.

– Ну с чего ты вдруг на меня взъелась? – с обидой спросила Элен.

Однако Хейли не сочла нужным ей ответить. Она уже отворяла дверь, давая понять, что не задерживает свою сестру теперь, когда та получила все, за чем приехала. Тайлер сидел в гостиной, забросив ногу на ногу, и листал какой-то журнал.

– Вы хоть понимаете, какое сокровище моя сестра? Тот, кому она достанется, может считать себя настоящим счастливым, – проговорила Элен, беззастенчиво фальшивя, и крепко обняла Хейли.

– Боюсь, она сама не вполне понимает это, – тихо ответил Тайлер. Поднявшись с дивана, он внимательно всматривался в расстроенное лицо женщины, которая каких-нибудь несколько минут назад казалась счастливой и беззаботной.

Хейли не услышала этих слов. Все ее внимание было направлено на Элен. Та не торопясь, аккуратно сложила чек четверо и убрала его в нагрудный карман рубашки, который соблазнительно оттопыривался у нее на груди. Это был не просто жест, а настоящее, тщательно разыгранное действие, напоминающее кадры замедленной киносъемки.

– Была безумно рада познакомиться с вами, Тайлер, –

прошебетала Элен. Подойдя к нему, она за шею притянула его к себе и запечатлела на его щеке целомудренный сестринский поцелуй. Однако Хейли не могла не заметить, как роскошный бюст сестры на пару секунд припечатался к груди Тайлера. – Пока, Хейли. Спасибо тебе за все.

Не сказав больше ни слова, Элен шмыгнула за дверь. С улицы долетел стук ее каблучков, который прозвучал в ушах Хейли звоном погребальных колоколов.

Несколько долгих мгновений она отрешенно смотрела на захлопнувшуюся дверь, пока не почувствовала на своих плечах сильные руки мужчины.

– Ну как, есть еще не расхотела? Только сейчас ее ноздри защекотал дразнящий запах жареного мяса, однако при мысли о еде ей стало дурно.

– Нет, кажется, не расхотела, – тем не менее пробормотала Хейли.

– Отлично! Что до меня, то я просто умираю с голоду. – Тайлер поцеловал ее сзади в шею, а потом потащил за собой. – Стол накрыт и выглядит, кстати, великолепно. А я сейчас налью вина. Оно уже открыто – боюсь, как бы не выдохлось.

Он изо всех сил пытался казаться беспечным и оживленным, словно ничего не произошло. Однако Хейли отлично знала, что с гораздо большей радостью этот кобель кинулся бы сейчас вслед за Элен. В самом деле, кому нужен кусок стекла, когда в руки сам просится сверкающий бриллиант?

На протяжении всего ужина Тайлер прилагал немалые усилия, чтобы разговорить ее. Он без устали излагал свои грандиозные планы развития „Серендипити“, хвалил ее за плодотворные идеи, высказанные утром на совещании, расточал комплименты по поводу угощения, которое поглощал с видимым удовольствием. Что же касается Хейли, то она лишь вяло ковыряла вилкой в своей тарелке. Столь же вялыми были и ее ответы. Ну зачем весь этот театр? Почему бы ему прямо сейчас не подняться, чтобы уйти и оставить ее одну? Он что, жалеет ее?

Это подозрение превратилось в навязчивую идею и сделало ее злой и агрессивной. Ей вовсе ни к чему были его жалость и сочувствие. С каждой минутой ее ответы на настойчивые вопросы Тайлера становились все более краткими и резкими. И как только он съел последнюю ложку шоколадного мусса, Хейли объявила, что намерена заняться делами на кухне.

Тайлер безропотно встал из-за стола, но все-таки добился от нее разрешения перенести к мойке всю грязную посуду. Наверное, только благодаря вмешательству сверхъестественных сил весь ее фарфор остался цел. Видя, в каком расположении духа находится хозяйка дома, гость счел за благо переждать в гостиной, пока та отведет душу на кухне. И тут уж Хейли дала волю гневу. Оглушительно хлопали дверцы буфета, гремело столовое серебро, отчаянно звякали чашки и блюдца. Что еще надо было сделать, чтобы мужчина, при-

таившийся в гостиной, понял, что женщина желает только одного – провести остаток вечера в полном одиночестве?

Однако продолжать злиться оказалось не таким уж простым делом. Выключив свет на кухне, Хейли появилась в гостиной темнее тучи. Пока она бесилась у кухонной мойки, гость тут неплохо похозяйничал. Уютом и спокойствием повеяло от камина, в котором полыхал огонь, кофейного столика перед диваном – там стояла запотевшая бутылка шампанского и два хрустальных бокала. Лампы были погашены все до одной. Раздвинутые тяжелые гардины на широких окнах открывали ночную панораму Гетлинберга, огоньки города мерцали как россыпь бриллиантов на черном бархате. Тайлер сидел на корточках перед стеклянной тумбочкой с пластинками, выбирая, что бы поставить на стереопроектор.

– Справилась? – осведомился он через плечо, заслышав ее шаги.

– Зачем ты развел огонь?

– Подумал, что неплохо будет согреться у камина в прохладный вечер.

– Нет, меня интересует, ради чего такие хлопоты?

– Хлопоты?

– Черт возьми, Тайлер, скажи, ну зачем, почему все это, если... Если...

– Если мне все равно пора уходить? С опущенной головой она выдавила из себя:

– Да...

– Я хочу, чтобы ты поняла: никакие твои манеры, никакая твоя резкость или грубость ровным счетом ничего для меня не значат. Меня не так легко запугать – запомни это, Хейли. И от меня не так-то легко избавиться.

Она вся встрепенулась, удивленно вскинув голову:

– Резкость?..

– Вот именно. Весь вечер я пытаюсь втянуть тебя в разговор, но ты упорно не хочешь сделать хотя бы шаг мне навстречу. Ты наотрез отказываешься воспринимать меня. Или, убираясь на кухне, ты всегда устраиваешь погром, как вандал в Риме?

– Мне просто показалось...

– Слишком многое тебе кажется. Кстати, очень неплохо это у тебя получается – строить чудовищные домыслы, весьма далекие от истины. И последнее твоё достижение на этом поприще – гениальная догадка о том, что я намереваюсь предпочесть тебе твою глазастую, грудастую сестрицу.

Однако то, что он попал в точку, лишь подлило масла в огонь её ярости:

– Ах ты... Самодовольный эгоист! Ну и предпочел бы её. Вперед! Беги за ней! Думаешь, я расстроюсь?

– Да, – спокойно ответил Тайлер, – думаю, что расстроишься. И очень сильно. Хотя ни за что не признаешься в этом. Стоило Элен появиться здесь» и ты превратилась в глыбу льда.

– Для меня было неожиданностью увидеть ее – вот и все, – беззаботно произнесла Хейли, плюхнувшись на диван, с наигранным равнодушием.

– Как же, так я тебе и поверил... Да ты от ревности чуть умом не тронулась, когда она вошла сюда со мной под ручку. К тому же мы с ней смеялись. Да только не предлагал я ей руку – она сама вцепилась в меня. А я, к сожалению, слишком хорошо воспитан, чтобы грубо отталкивать женщину. И хохотала она во всю т лотку потому, что не придумала ничего умнее, чтобы досадить тебе. А мне было весело оттого, что она всерьез рассчитывала завести со мной роман и ожидала, что я начну увиваться за ней.

– И здесь тебе, скажешь, тоже навредило твое хорошее воспитание.

С улыбкой Тайлер мягко опустился на диван рядом с ней.

– Нет. Просто у меня не было к этому ни малейшего желания. Потому что я уже нашел ту, которая мне нужна. – Он нежно взял Хейли за руку. В теплых и крепких пальцах мужчины женской ладонке было на редкость уютно. Большой палец Тайлера совершал медленные круги по узкому запястью. – Скажи, Хейли, зачем ты дала ей деньги?

– Но откуда... Неужели ты подслушал?!

– Все до последнего слова. Так ответь же, почему ты ей сразу не указала на порог? Насколько я могу судить, она уже не в первый раз вытрясает из тебя деньги или что-то еще – в зависимости от ситуации.

Выдернув пальцы из его руки, Хейли стремительно вскочила с дивана и подошла к камину.

– Но это непорядочно! Нельзя вот так вторгаться в частную жизнь человека? Какое право ты имел подслушивать меня? – Она обернулась к нему, прекрасная в своей ярости.

Однако ее гневная тирада ни в малейшей степени не смущала его.

– Мне нужно было знать, почему тебя словно подменили, когда здесь появилась твоя сестра. Понятно, ее визит был совсем не ко времени. Но все же... Кстати, часто ей удается разжалобить тебя своими слезами и при этом получить все, чего только не пожелает?

– Не в слезах дело... – Хейли замолчала на полуслове, поняв, что может невольно выболтать лишнее.

– Ну-ну, продолжай же, – подбодрил ее Тайлер.

– Ее слезы на меня совершенно не действуют, – снова заговорила Хейли после непродолжительной паузы. – Скорее всего я просто уступаю ей по привычке. Других причин здесь нет.

– Значит, пора избавляться от этой привычки. Это пойдет на пользу и тебе, и ей. Неужели ты не понимаешь, что оказываешь ей плохую услугу.

– Не так уж легко избавиться от того, что было заложено в раннем детстве.

– Получается, она всю жизнь тобою крутит?

Хейли хотела сказать «нет», но вместо этого лишь кивнула

головой.

– Дело ясное – она ревнует, – рассудительно произнес Тайлер.

Она посмотрела на него с глубочайшим недоверием.

– Элен ревнует? Кого? К кому? – переспросила высоким голосом Хейли и в следующее мгновение горько рассмеялась. – Вот уж рассмешил так рассмешил. Элен, яркую и живую красавицу Элен, которую все просто обожают, мучает ревность!

Подавшись вперед, Тайлер поймал ее за руку и усадил обратно на диван, на сей раз поближе к себе. Обняв Хейли за плечи, он крепко прижал ее к себе.

– А вот представь себе! Она давно уже поняла, что ты слишком умна и тебе не так легко заморочить голову. С тобой не проходят те приемчики, которые безотказно действуют на других. Ты видишь ее насквозь. Она перед тобой такая, какая и есть на самом деле: глупое, себялюбивое создание. Для твоей сестры просто невыносимо то, что ты знаешь о ней правду, вот она и изводит тебя, как может.

– Где вы получили свой диплом, господин психоаналитик? – с издевкой в голосе спросила Хейли.

Тайлер лишь усмехнулся.

– Лучше подумай как следует над тем, что я тебе сказал. Рано или поздно ты избавишься от своего комплекса неполноценности, вот тогда и поймешь, прав я был или нет.

Несомненно, кончики пальцев Тайлера, ласкавшие ее

шею, несли заряд силы убеждения. Ей вдруг захотелось безоговорочно поверить ему. А что, если он говорит правду? Что, если ему и в самом деле хочется быть именно с ней и никто другой ему не нужен – ни Элен, ни другая красотка?!

– Зачем ты пошла в спальню и зачесала волосы вверх? – недовольно спросил Тайлер, когда его пальцы нащупали шпильки. – Я же говорил, что ты мне больше нравишься с распущенными волосами.

– Но Элен была такая хорошенькая, нарядная, а я...

– Совершенно верно. Она напялила на себя тесные джинсы и рубашку, которая того и гляди затрещит на ней по швам. Ну а ты, естественно, тут же впала в депрессию. Ведь это тебе раз плюнуть, не правда ли? Уж кому-кому, а нам с тобой твои комплексы хорошо известны.

– Да... Вернее, нет... Не правда, – стала отнекиваться Хейли.

– Как же «нет», когда ты прямо на глазах увяла? И куда только вся живость подевалась! Стоило мне дотронуться до тебя, как ты прямо-таки окостенела, а ведь каких-нибудь несколько минут назад вся так и льнула ко мне.

– Ну что ты несешь! – выкрикнула Хейли, отшатнувшись от него.

– То, что тебе хочется услышать. – Он без тени смущения притянул ее к себе. – В этом, мисс Эштон, и заключается ваша беда – в том, что слишком мало мужчин осмеливались беседовать с вами в таком тоне. Их всех отпугивала ледяная

стена, которой вы, милая, себя окружили. Ну ничего, уж моя-то кровь достаточно горяча – от твоих зеленых глаз она не стынет в жилах. Такие, как я, легко не сдаются. Я захотел тебя, как только увидел. И я получу тебя!

С каждым словом его лицо приближалось к ней, и последнюю фразу он буквально выдохнул в ее губы. Его ладони крепко обхватили спину Хейли, ее груди расплющились о его мускулистое тело, и от этого соприкосновения соски женщины словно воспламенились, наполнившись жизнью.

Тайлер осторожно опустился вместе с ней на подушки дивана.

– Хочешь вина? – спросил он, щекоча ее губы своими.

– Вина? – удивленно переспросила она, будто впервые слышала это слово. – Нет.

– Уверяю, тебе понравится. – Он немного приподнялся, чтобы наполнить бокал до половины красным вином, а потом, поднеся его ко рту женщины, наклонил так, чтобы всего одна рубиновая капля упала на ее губы. В следующую секунду, прежде чем она успела облизнуть губы, он сам слизал эту капельку. Потом упали еще несколько капель вина, и бархатистый язык Тайлера снова слизнул их с ее губ и подбородка.

Оба опьянели – нет, не от вина, а друг от друга, от поцелуев, имевших вкус вина. Тайлер поторопился и наклонил бокал слишком резко, рубиновая жидкость стекла с губ женщины на щеку. Он быстро вытер струйку пальцем и хотел уже облизнуть его, но Хейли, перехватив его руку, поднесла

ее ко рту. Глядя на него расширившимися от страха глазами, она сомкнула вокруг его пальца красное кольцо своих губ, при этом кончик ее языка ритмично тыкался в подушечку его пальца.

– Хейли, – выдохнул Тайлер, ткнувшись лбом в ароматную ложбинку на ее груди. – Понимаешь ли ты, что сейчас делаешь? Сознаешь ли, какая страсть скрывается за твоей холодной маской? – Он положил ладонь на грудь женщины, чтобы ощутить, как бьется ее сердце, и сосок под его ладонью расцвел, как тюльпан, однако в следующую секунду затвердел, став похожим на нераспустившийся бутон.

– Расстегни на мне рубашку, – попросил шепотом Тайлер. Мышцы его рук вздулись буграми, когда он приподнялся над Хейли, чтобы облегчить ей эту задачу. И когда она расстегнула все пуговицы, он лег рядом. Мужчина и женщина оказались на узком диване лицом к лицу.

– Я хочу, чтобы ты узнала меня. Ведь ты вряд ли станешь заниматься любовью с незнакомцем.

Хейли все еще стеснялась его, и Тайлер поцеловал ее. Его поцелуй отобрал у нее остатки стыдливости. Этот сильный мужчина настолько был уверен в себе., что Хейли окончательно отбросила застенчивость и отдалась на волю чувств.

Она начала с того, что робко прикоснулась к завиткам его волос над расстегнутым воротом рубашки. Потом осторожно, едва дотрагиваясь кончиками пальцев, ощупала его уши. Увернувшись от губ, тянувшихся к ней с поцелуем, разгла-

дила казавшиеся вечно взъерошенными брови. Он зажмурился от блаженства, ощущая, как ее палец скользит по прямому аристократическому носу вниз, к губам. И поцеловал этот палец, едва тот достиг его губ.

Хейли целовала шею Тайлера, храбро исследуя при этом языком глубокую ложбинку между ключицами. Продолжив занимательное путешествие, женские пальцы ощупали жесткие волосы на мужской груди, таинственные холмы и борозды теплого тела.

Пальцы Хейли случайно натолкнулись на его сосок – Тайлер сквозь зубы резко втянул в себя воздух, напрягшись всем телом. Хейли испуганно отдернула от него руку. Теперь он лежал тихо, затаив дыхание в предвкушении новых усад.

Грудь Тайлера словно магнит притягивала пальцы женщины, и она вернула ладонь на прежнее место. С опаской Хейли очертила небольшой круг средним пальцем. Потом безмянным. Потом указательным. Тонкие пальцы по очереди вступали в эту игру. Распаленная плоть под ними стала еще более упругой. Хейли провела еще один кружок.

– О, милая, – застонал он, притянув ее к себе, чтобы поцеловать с необузданной страстью. Его руки нетерпеливо искали край ее кофточки и, отыскав, потянули вверх. Тайлер жадно припал ртом к груди Хейли. Черная атласная бретелька кружевной сорочки упала с ее плеча, и оно тут же было осыпано градом восхитительных влажных поцелуев. Его губы спускались все ниже.

И в тот момент, когда ей казалось, что Тайлер вслед за кофточкой вот-вот снимет с нее и сорочку, он неожиданно деликатным движением рук аккуратно расправил кружево на ее груди. Однако в глазах его по-прежнему горел обжигающий огонь, когда он разглядывая соблазнительно-розовые соски, выступающие из-под темной пелены кружев. Таким бывает напряженный взгляд фотографа, который собирается запечатлеть сцену, обещающую стать коронным кадром.

Но Тайлер, казалось, хотел только одного – целовать ее, целовать без остановки. Его язык ласкал нежный женский сосок, и кружева, щекочущие при этом возбужденное тело, только усиливали наслаждение. Губы Тайлера взяли затвердевший комочек плоти в сладкую осаду, и Хейли непроизвольно уперлась бедрами в твердое тело мужчины, явственно ощущая растущее в нем желание.

– Так, Хейли, так, любовь моя... Некоторое время он прижимал ее к себе, крепко подхватив под бедра. Их тела ритмично пульсировали, вместе содрогаясь от желания. Затем медленно, с опаской он позволил своей руке проникнуть к застежке на слаксах Хейли и расстегнуть их.

Тайлер начал массировать ее живот вокруг пупка. Его ладонь совершала круговые движения в такт с пульсом вождения. Пальцы, поглаживая нежную кожу, передвигались по животу женщины вниз, пока не наткнулись на кружевную паутинку трусиков... Замерев на мгновение перед этой преградой, пальцы двинулись дальше.

Эти прикосновения, легкие, как дуновение ветерка, все больше завораживали Хейли. Одновременно ее тело словно плавилось от невыносимой жары. Сердце мощными толчками гнало кровь по венам. Эти толчки сладкой болью отдавались между бедер, и Хейли, не в силах больше ждать, изогнулась всем телом, подавшись навстречу руке, которая дарила ей блаженное безумие.

– Ты так прекрасна, – прошептал Тайлер, когда его пальцы ощутили влагу. Следующее прикосновение было в высшей мере эротичным, запретным, и Хейли, испугавшись, замерла.

– Тайлер! – панически вскричала она и оттолкнула его обеими руками. Столь резкой реакцией с ее стороны он был ошеломлен не меньше, чем Хейли его прикосновением. Ошеломлен потому, что сразу же все понял.

Приподнявшись, Тайлер испытующим взглядом своих серых глаз впился в ее зеленые глаза, широко распахнутые от ужаса. В его взгляде был заключен немой вопрос: правда ли то, во что любой другой на его месте попросту отказался бы поверить?

– Хейли... – Он нежно убрал с ее щеки непослушный завиток волос, разметавшихся во все стороны подобно вееру. – Я твой первый мужчина?

Не в силах вынести этого пронзительного взгляда, она крепко зажмурилась и отвернулась, прижавшись щекой к диванной подушке.

– Я уродка. Я пыталась сказать тебе, что не создана для этого. Но ты отказывался понимать меня.

Глубоко тронутый этим жалобным всхлипом, он провел указательным пальцем по ее щеке. Так обычно прикасаются к ребенку – ласково и осторожно, боясь повредить его нежную кожу.

– Нет, ты необыкновенная. Необыкновенная настолько, что я благоговейно склоняюсь перед тобой.

Хейли открыла глаза, но не отважилась взглянуть ему в лицо. Она не верила своим ушам. Высокомерие, издевательство, быть может, даже злой смех – в подобной ситуации от мужчины можно было ожидать чего угодно. Но только не взволнованных слов, исполненных нежности и искреннего уважения.

– Только не придавай этому мистического значения, – мужественно проговорила Хейли. – Все гораздо проще: до сих пор ни один мужчина не захотел меня.

Вот тогда-то он и рассмеялся глубоким грудным смехом, сотрясаясь всем телом и почти не открывая рта.

– Ах, Хейли, Хейли... Ты и в самом деле девственница, причем не только физически. Надо же быть такой наивной! Ты даже не представляешь, какими глазами смотрят на тебя мужчины. Хотя я, пожалуй, даже рад этому: во всяком случае не придется постоянно отбиваться от соперников – ты сама мне в этом будешь помогать.

Наконец-то у нее достало смелости поднять на него

взгляд. Уголки его губ изогнулись вверх в нежной улыбке, а глаза, внимательно рассматривающие ее лицо, были наполнены теплом.

– И ты по-прежнему хочешь меня? – Хейли не вполне со знавала, насколько несуразно прозвучал ее вопрос. До сих пор она только и делала, что твердила о том, что они никогда не станут любовниками. А сейчас ей казалось, что от ответа Тайлера зависит вся ее жизнь.

Он оставил на ее губах легкий поцелуй.

– Больше, чем когда-либо. До боли сердечной. – В его словах теперь звучала печаль. – Но я никогда не сделаю тебе больно. Я не сделаю ничего, что могло бы огорчить мою Хейли. Сегодня вечером тебе и так досталось, а это не слишком способствует занятию любовью. Мы сами почувствуем, когда придет время любви. Когда я чего-то хочу по-настоящему, то всегда добиваюсь своего. К тому же мой жизненный опыт показывает: чем больше усилий я прилагаю, тем больше ценю достигнутое.

Тайлер помог ей сесть и привести себя в порядок. Застегивая собственную рубашку, он обронил словно невзначай:

– Парк закрывается в воскресенье вечером. А в понедельник утром ты, Фейт и я отправляемся в отпуск.

– Что?..

– Уедем отсюда, отдохнем, развеемся...

– Но я не могу уехать на следующий день после закрытия! У меня миллион дел. Столько всего надо успеть.

– Ты у нас менеджер по контактам с посетителями, верно? А раз посетителей нет, то на работе тебе делать нечего.

Хейли не смогла сразу же ответить ему. Широкая улыбка Тайлера снова заморозила ее. И все же ей, хотя и не без труда, удалось возразить:

– Мне нужно оформить групповые туры на следующий сезон, наметить основные направления рекламной кампании, написать текст и подобрать слайды для буклетов, билеты...

–..И все прочее вполне может подождать. Мы едем, и точка! У меня есть уютная хижина на озере Фонтана. В общем, в понедельник рано утром чтобы ты была готова как штык!

– Нет, Тайлер, я никуда не поеду.

Глава 8

– Я никуда не поеду.

– Мы заедем за тобой в восемь. И если ты в это время все еще будешь в постели, я тебя из нее вытащу силой.

– Я никуда не еду, Тайлер.

– Да что ты заладила одно и то же, как испорченная пластинка!

Она и в самом деле незаметно для себя самой стала похожа на патефон со сломанной пластинкой: неделю подряд говорит одно и то же, а он даже слушать не хочет. С того самого дня, когда Тайлер впервые заговорил с ней насчет поездки на озеро в Северной Каролине, она неустанно твердит ему, что никуда не поедет. Ей приходится выдвигать все новые и новые доводы, однако Тайлер отмечает их один за другим с удивительной легкостью и каким-то даже весельем, которыми в последнее время были отмечены все его дела.

Последние дни в парке аттракционов «Серендипити?»; выдались жаркими для всех служащих. Тайлер наконец был представлен персоналу, но это только усилило общую сумятицу. Он умудрялся появляться в самый неподходящий момент в самых неожиданных местах, отчего операторы нервничали, как школьники на экзамене. Иные готовы были на себе волосы рвать от отчаяния. Правда, хозяин казался вполне удовлетворенным тем, что видел. Однажды вечером за

ужином он поведал Хейли, что и раньше вместе с Фейт частенько навещался в собственный парк.

– Пока мы не повстречались с этой дрянной пчелкой, со мной обращались, как с любым другим посетителем. А поскольку ничто не вызывало нареканий, я предпочитал не мешать Сандерсу вести дело. И все же, – блеснул в его глазах чертовский огонек, – боссу никогда не вредит, если подчиненные знают, что он рядом.

Хейли без устали проводила анкетирование посетителей, а потом день напролет обрабатывала результаты на компьютере. В это время года отзывы, как и следовало ожидать, были в основном положительными. Толпы отдыхающих значительно поредели, и теперь каждый приезжающий мог наслаждаться пребыванием в парке без толкотни и суеты.

Зимой по итогам летних опросов предстояло составить подробнейший доклад, который ляжет на стол Хармону Сандерсу. На основе этого документа каждый отдел сможет проанализировать собственную работу и, сделав выводы, сосредоточиться на устранении недочетов.

Хейли была даже рада тому, что в последнюю неделю перед закрытием парка на нее навалилась гора работы. Если бы не служебные заботы, она бы копалась в собственных чувствах, которые испытывала к Тайлеру Скотту, причем весьма противоречивых.

Он звонил ей по несколько раз в день, и Хейли с тревогой обнаружила, что с нетерпением ждет его звонков. Босс

то и дело заходил в ее кабинет по тому или иному поводу. Хейли в душе лелеяла надежду на то, что его частые посещения не будут замечены окружающими. Но, надо полагать, ошибалась.

Ее буквально забрасывали вопросами:

„А за счет чего мистер Скотт собирается расширять автостоянку? А что мистер Скотт разместит на участке, который сейчас расчищают?“

На каждый вопрос у нее находился вполне аргументированный ответ, и это само по себе нравилось Тайлеру. Владелец парка частенько использовал Хейли для того, чтобы озвучивать свои идеи. Дело в том, что к ее мнению всегда прислушивались. А Тайлер, со своей стороны, постоянно советовался с ней и, узнав мнение столь компетентного сотрудника по тому или иному вопросу, тщательно его взвешивал.

Каждый вечер она ужинала с ним и его дочерью. Это превратилось в своего рода ритуал. Как-то раз после особенно тяжелого дня они, поужинав, долго купались в бассейне в „Гленстоне“. Другой вечер провели на свежем воздухе – жарили гамбургеры на гриле перед домом Хейли. А однажды задержались в парке дотемна, пока не разошлись все посетители, и она, поддавшись настойчивым уговорам, впервые в жизни прокатилась на аттракционе „Сайдуиндер“, всегда пугавшем ее своей головокружительностью.

К ее немалому облегчению, Тайлер уже не ухаживал за ней так откровенно, как прежде. Хотя принесло ли это ей

подлинное облегчение? Каждый раз, когда Хейли ловила на себе его взгляд, то читала в нем такую страсть, что сама не могла оставаться холодной.

Как бы то ни было, внешне Тайлер относился к ней чисто по-дружески. Он часто и не таясь дотрагивался до нее, однако в этих прикосновениях не было даже намека на чувственность. Хейли смутно ощущала, что в ней зарождается некое разочарование, когда каждый вечер Тайлер Скотт, прощаясь, награждал ее братским поцелуем и желал спокойной ночи.

За всю неделю только раз он дал ей знать, что жажда любить, это острое неутолимое чувство, в его душе не только не улеглась, но кипит с такой силой, что того и гляди выплеснется через край.

Однажды утром он позвонил ей в кабинет и попросил о встрече в „Пещере“.

– Поторопись. Давай встретимся до открытия парка. Я хочу поделиться с тобой одной идеей.

Опрометью пробежав коридоры административного здания, она уже через несколько минут была у ограждения популярного аттракциона. Круглые деревянные ялики ждали пассажиров, чтобы унести их по водному пути в глубь рукотворной пещеры, туда, где фантастические персонажи пугали, разыгрывали и смешили тех, кто отважился явиться к ним в гости. От желающих попасть в „Пещеру“ отбоя не было, особенно в разгар лета, поскольку только в ней можно

было спастись от невыносимого зноя. И еще ее прохладный полумрак очень ценили подростки, которым трудно было подобрать более подходящее место, где можно всласть поворковать о любви.

Тайлер стоял у входа, что-то оживленно обсуждая с молодой женщиной – заведующей аттракционом „Пещера“.

– Доброе утро, мисс Эштон, – поздоровался он с еле уловимой лукавинкой, когда Хейли приблизилась к ним.

– Доброе утро, мистер Скотт, – ответила она. – Вызывали?

– Есть у меня одна идея, которая требует вашей трезвой оценки. Я попросил Линду не пускать никого внутрь до тех пор, пока мы не выберемся оттуда.

Вместо того чтобы сесть в один из яликов, которые передвигались по неглубокому каналу с помощью хитроумно устроенного привода, расположенного под водой, Тайлер открыл замаскированную под каменную глыбу дверь, оказавшуюся входом в технический отсек. Втащив за собой Хейли, он вынул карманный фонарик.

– Ты хоть знаешь, куда идешь и что собираешься делать? – обеспокоенно осведомилась она, увлекаемая в кромешную тьму.

– Ясное дело. Я тут еще вчера все проверил. Ты, главное, иди прямо, никуда не сворачивай. И, кстати, поглядывай, как бы на тебя не свалился паук или еще какая-нибудь дрянь.

– Паук! – выдохнула она. Тайлер засмеялся и покрепче взял ее за руку.

– Шуток не понимаешь. Ребята, которые здесь работают, шастают туда-сюда как ни в чем не бывало. Ни один еще не заблудился. Но все равно советую быть повнимательнее и почаще нагибаться, а то тут некоторые балки очень низкие – недолго и лоб расшибить. – Они осторожно обошли механическую куклу, изображающую доисторическое чудовище, оно сейчас казалось особенно зловещим в своей неподвижности. – В административном здании говорят, что во время перерыва здесь даже лучше, чем за чашкой кофе в баре.

– Опять шутишь, – надулась Хейли. – Кому придет в голову соваться сюда, если только этого не требует работа? Зачем?

– Как – зачем? За влюбленными наблюдать. Ты даже представить себе не можешь, какие фокусы способны выделывать в таком ялике два человека, которых природа не обделила воображением и горячим темпераментом. Поездка длится семь минут, а этого вполне достаточно для хорошей эмоциональной разрядки.

Хейли невольно рассмеялась:

– Что за ерунда, не верю! Кто тебе все это рассказал?

– Ну не то чтобы именно мне. Просто позавчера случайно услышал разговор двух ребят в костюмерной. А вчера пришел сюда, чтобы самому убедиться. Смотрю, не вдали ребята: да это же просто аттракцион в аттракционе!

Он остановился и повернулся к ней лицом. Луч карманного фонарика, направленный вниз, выхватывал из темноты

тусклый круг.

– Знаешь, а я, кажется, догадываюсь, в чем состоит твоя блестящая идея, – едко произнесла Хейли. – Ты хочешь по специальным билетам пускать сюда сладострастных старикашек, чтобы те подглядывали, как целуются подростки. Тайлер громко прищелкнул пальцами:

– Bravo! Ты переплюнула меня. Это, пожалуй, даже лучше того, что я придумал. – Рассмеявшись, он стиснул ее в медвежьих объятиях. – Вообще-то я пытался найти способ, как немножко остудить наших клиентов, а не подогревать их.

– Здесь и так прохладно.

– А мне хочется, чтобы стало еще прохладнее.

– Каким образом?

– В прошлом году на Рождество я побывал в одном торговом центре в Далласе. Можешь вообразить, что каждый час в течение пяти минут там... шел настоящий снег!

– Снег? Ты хочешь сказать...

– Вот именно! Независимо от того, какая на улице погода, через определенные промежутки времени великолепные огромные снежинки кружат сразу во всех закоулках торгового комплекса. У них там есть специальная машина, которая делает снег и разбрасывает его повсюду. Вот мне и пришла в голову идея переоборудовать этот аттракцион. Выбросим отсюда всю рухлядь, которая уже отслужила свое, и установим вместо нее декорации, изображающие зимний ландшафт. Пусть уж лучше наши затейники снеговиков лепят да

на лыжах катаются, чем...

– Так, значит, пока они плывут в яликах, специальное устройство будет посыпать их снегом!

– Ты меня с полуслова понимаешь, – одобрительно произнес Тайлер. – Ну и как тебе идея? Оцени!

– Просто замечательно.

– В самом деле? Надеюсь, ты так говоришь не только потому, что хочешь сделать мне приятное?

– Нет. На мой взгляд, это действительно нечто новенькое. Везде только и разговору будет, что об этой диковинке, каждому захочется приехать увидеть ее собственными глазами. Вы просто гений, мистер Скотт.

– Абсолютно с вами согласен, однако природная скромность не дает мне слишком возгордиться. Ой! – вскрикнул он, получив от Хейли локтем в бок, когда они уже направлялись обратно. – С другой стороны, кому, как не мне, продолжать семейную традицию? Мой отец был на редкость разворотливым бизнесменом.

– Был? Он умер?

– Нет, жив. Настолько жив, что позавидуешь. Я сказал „был“, имея в виду, что он уже на заслуженном отдыхе. Когда мне исполнилось тридцать, папа преподнес мне в подарок на день рождения весь свой бизнес с потрохами и довесками. Вот так и получилось: мои родители перевесили хомут мне на шею, а сами живут в Атланте.

– Значит, ты вундеркинд от бизнеса, или я ошибаюсь?

Тайлер ответил не сразу. Хейли не увидела, а скорее почувствовала, как он в темноте пожал плечами.

– Мне просто повезло: сделал несколько ставок – и выиграл. – Хейли показалось, что он не расположен распространяться о своих финансовых успехах, и она предпочла не продолжать разговор на эту тему.

– Ты бы понравилась моим старикам. Уверен в этом. Мне бы хотелось, чтобы ты поскорее познакомилась с ними... Я уже успел сказать тебе, что завожусь всякий раз, стоит мне только взглянуть на твои ноги?

Она споткнулась в темноте.

– Но ты же не видишь их сейчас.

– Вижу. Я свечу на них фонариком.

– Лучше бы смотрел, куда идешь. Едва она успела проговорить это, как раздался глухой стук. Громко выругавшись, Тайлер выронил фонарик, который покатился по полу и, описав полукруг, остановился у его ботинка.

– Боже, Тайлер, – сочувственно простонала Хейли, прикрыв ладошкой рот. – Что с тобой?

В ответ он заскрежетал зубами:

– Одна из этих треклятых низких балок, о которых я тебя предупреждал. Ах, чтоб ее! Больно-то как...

– Дай-ка я посмотрю, – вызвалась она и, встав на цыпочки, отвела в сторону его руку, которой он схватился за лоб. В темноте почти ничего не было видно, и Хейли, несмело проведя пальцами по его брови, нащупала шишку, вздуваю-

щуюся около виска.

– Как мне жаль тебя, – сокрушенно проговорила Хейли. Ее пальцы продолжали осторожно исследовать травму. – Но ничего, думаю, обойдется. Место ушиба распухло, а это хороший признак. Вот когда шишки нет, это бывает действительно опасно.

– Да бог с ней, с этой шишкой, – проговорил Тайлер низким голосом, привлекая ее к себе. Губы его в темноте искали ее рот.

– Тайлер, но твоя голова...

– Болит как сволочь. Поцелуй меня – тогда все пройдет.

И он первый принялся целовать ее с такой жадностью, что Хейли, поначалу растерявшись, не ответила ему. Язык Тайлера был подобен благородному разбойнику – вторгаясь в ее рот, он больше дарил, чем отбирал. Его руки были руками скульптора – он словно лепил ее податливое тело, приспособивая под себя. Она ощутила нетерпеливое трение его бедер.

Неизвестно, что так подействовало на нее – их разговор о тайной любви в „Пещере“, обволакивающая темнота или прикосновения Тайлера, по которым она успела соскучиться, – но что-то побудило ее ответить на его нетерпеливые движения.

– О боже, Хейли! – вздрогнул он, с немалым усилием сдержав рвавшуюся наружу страсть. Его губы скользнули по щеке Хейли к ее уху. – Ты – лучшее лекарство на свете. Плохо только, что одна боль сменилась другой. А уж эта наверняка

добьет меня.

– Бедняжка, мне очень жаль тебя, – повторила она. Ей хотелось, чтобы в ее словах прозвучало сострадание, но Тайлер почему-то уловил в них усмешку.

– Жаль... Как бы не так. У меня есть подозрение, что ты получаешь какое-то извращенное удовольствие, истязая меня. Примерно таким образом. – Он поймал зубами и слегка потрепал мочку ее уха. – Ну ничего, мисс Эштон, будет и на моей улице праздник. Скоро ты станешь, задыхаясь, умолять „бедняжку“ подарить тебе свою любовь. И когда я соизволю это сделать, ты будешь стонать и умирать от счастья.

Смущенная, поскольку догадывалась о том, что он скорее всего прав, Хейли наклонилась, чтобы поднять фонарик. И тут туннель внезапно озарился ярким светом.

– Как?.. – в изумлении уставилась она на руку Тайлера, лежащую на стенном выключателе. Ее зеленые глаза сначала подозрительно сощурились, а потом расширились, запыхав от негодования. На губах Тайлера между тем играла хитрая улыбка. – Так, значит, ты прекрасно знал, где располагается выключатель? Почему же ты сразу не зажег свет?

Его ухмылка приобрела хищный оттенок.

– А сама не догадываешься? Время от времени надо учиться полезным вещам и у юного поколения.

– Ах так! – вспыхнула Хейли и, воспользовавшись ярким освещением, ринулась к потайной двери, выводившей на улицу. Тайлер только посмеивался, следуя за ней по пятам.

У самого выхода он пробормотал едва слышно:

– У тебя в запасе не так уж много времени, Хейли. Ты окажешься в моей постели еще до того, как мы вернемся из поездки на озеро Фонтана.

– Я никуда не еду, Тайлер, – пробубнила она в тысячный раз. Однако мужчина только рассмеялся в ответ.

И вот теперь, три дня спустя, Тайлер снова смеялся, небрежно облокотившись на стойку рядом с ее рабочим столом.

– Поедешь, милая, тут уж деваться некуда. Там уже все подмели, вычистили, вымыли. Холодильник и буфет забиты доверху. Домик специально подготовили к твоему приезду – сияет как новенький. Так что едешь вместе с нами, и никаких разговоров.

– Хорошо, сегодня мы закрыли парк для публики, но» дела-то остаются. Мне предстоит еще многое сделать.

– Так что же ты мне прикажешь – уволить тебя, чтобы оторвать от дел раз и навсегда?

– Ты не посмеешь.

– Правильно, не посмею. Но ты тоже сделаешь мне уступку, поехав завтра в отпуск со мной и Фейт. А потому я настаиваю на том, чтобы сегодня ты отправилась домой пораньше. Собери вещички, выпишись как следует, а в восемь мы заскочим за тобой. – Он сочно чмокнул ее и ушел в полной уверенности, что она поедет.

Естественно, поедет. А что ей еще остается делать?

Собирая вещи, Хейли мысленно подбирала аргументы против этой поездки. Ведь Тайлер откровенно говорил, что соблазнит ее еще до того, как они вернутся. Так зачем же ей ехать? Перебрав добрый десяток вариантов ответа на этот вопрос, она остановилась на одном: ей хотелось, чтобы ее соблазнили. Увы, это было правдой, которую невозможно было дольше отрицать.

Подобная любовная связь таила в себе тысячи опасностей. Ни один мужчина не стоил того, чтобы хоть чем-нибудь рисковать из-за него. Так она считала, пока не встретила Тайлера. Этот человек словно приворожил ее к себе, едва она его увидела. Он полностью изменил ее. После встречи с ним Хейли стала совершенно другой. Другой стала ее жизнь. И какие бы угрозы ни поджидали ее, она желала в полной мере вкусить той магии, которую он привнес в ее узкий мир, вне зависимости от того, как долго это будет длиться.

Какие радости были у нее до этой волшебной встречи? Никаких. А он ворвался в ее жизнь с неудержимостью парового катка и продолжал двигаться вперед, не останавливаясь ни на секунду. Она же, инстинктивно обороняясь от этого вторжения, в душе наслаждалась сумбуром и суматохой, появившимися в ее сером, однообразном существовании вместе с этим удивительным мужчиной.

С одной стороны, ей претили его не в меру вольные манеры, но, с другой, Хейли была рада живому общению, в котором теперь у нее не было недостатка. Компетентность и

добропорядочность – это прекрасно, однако, постоянно демонстрируя их, недолго и с ума сойти. Тайлер же показал ей, что и в незащитности есть своя прелесть. В глубине души Хейли готова была признать, что ей очень нравится то, как он целует ее, прикасается к ней. Его рот и руки позволяли ей почувствовать себя женщиной, только женщиной и никем больше. Да, если честно, то она хотела быть женщиной Тайлера Скотта!

Никогда еще в жизни Хейли не видела столько любви и ласки. Он пробудил в ее душе такую страсть, о существовании которой в себе она даже не подозревала. И сейчас она была готова покорно лечь в постель Тайлера, чтобы изведать, чем же все-таки завершатся его соблазнительные посулы.

Перед тем как сомкнуть глаза и погрузиться в сон, Хейли испытала последний укол тревоги. Правильно ли она поступает?.. А, пропади все пропадом, если даже и не правильно, – так ли уж это важно? Вся ее жизнь до этого момента была выстроена по тщательно составленному плану. Никаких неожиданностей, главное – оправдать возложенное на тебя доверие. Подумать только, всю свою жизнь она выполняла только то, что велели ей другие! А что получила в награду за свое терпение, за умеренность и аккуратность?

Ее родители умерли в слезах, потому что рядом с ними не было их обожаемой Элен. Да и сестра испытывала к ней нежные чувства только в тех случаях, когда позарез в чем-то нуждалась. Можно получить хоть дюжину медалей за при-

мерное поведение, но все они со временем потускнеют и превратятся в ненужные побрякушки. Наконец-то Хейли Эштон поступит так, как ей самой того хочется. Правильно, не правильно – какая разница? К черту все предрассудки! К черту надоевшую осторожность!

– Не ожидала, что пикник на реке – это так романтично, – призналась Хейли, с хрустом откусывая кусочек жареной куриной грудки с золотистой корочкой. Ранее, на выезде из Гетлинберга, они закупили готовую провизию в одном из ресторанчиков быстрого обслуживания.

– Думаю, мы можем считать себя истинными первопроходцами, – изрек Тайлер. Откинувшись назад, он полулежал, опершись на локти.

Прямо перед их глазами неслась, бурля, белая вода реки Литл-Пиджин. Для того чтобы добраться до границы штата Северная Каролина, они выбрали заброшенное двухполосное шоссе, петлявшее по национальному парку Великих Туманных гор. Проголодавшись после долгой езды, путешественники начали искать место для отдыха, и Тайлер вскоре свернул на одну из живописных площадок, которых было множество вдоль дороги.

Не довольствуясь старыми казенными столиками и лавочками, водитель настоял на том, чтобы обед накрыли на одном из громадных плоских валунов, которыми был сплошь усеян речной берег. Отринув все робкие возражения спут-

ниц, он решительно потащил за собой Хейли и Фейт к реке. Они бродили до тех пор, пока не отыскали самый большой и самый плоский камень. Как всегда, Тайлер добился своего. И, как всегда, оказался прав. Местечко оказалось просто великолепным.

– А я вообще никогда не выезжала на пикник, – произнесла Фейт, грызя куриную ножку.

Хейли и Тайлер одновременно недоверчиво посмотрели на девочку, потом переглянулись и снова уставились на Фейт.

– Ну как же, наверняка когда-нибудь выезжала, – осторожно возразил ей Тайлер.

– Вряд ли, – равнодушно откликнулась та. – Может, конечно, и было как-то раз, только я уже не помню. Мама никогда никуда меня не вывозила. Она и в собственном-то дворике почти никогда не ела – говорила, возни много, да и мошки надоедают. Однажды наш отряд скаутов отправился в поход на целый день, а я заболела. У меня была ветрянка. Ну и осталась торчать дома. Думаю, все-таки это мой первый пикник. – Казалось, отсутствие элементарных радостей детства ни в малейшей степени не удручает ее. И это только усиливало жалость к ней.

– Хорошо, будем считать, что первый. Но за то, что не последний, я ручаюсь, – весело проговорил Тайлер и шутливо дернул дочь за косичку. – Отныне нас ждут сплошные пикники – пока это не надоест нам до смерти.

– А можно, чтобы с нами всегда была Хейли? – спросила Фейт.

Остановив лукавый взгляд на Хейли, Тайлер изобразил на лице глубокую задумчивость.

– Не знаю даже, – протянул он, скребя подбородок. – Как ты думаешь, имеет смысл спросить ее, хочет ли она этого сама?

Втянувшись в розыгрыш, Фейт хихикнула:

– Наверное, стоит поинтересоваться ее мнением, а то вдруг еще обидится.

– Что ж, значит, поинтересуемся, – согласился Тайлер. И, приподнявшись, притянул смущенную спутницу к себе. Хейли оказалась между его колен. Ее спина была крепко прижата к груди Тайлера, его нос щекотал ухо женщины. Столь открыто показывать свои чувства на глазах Фейт было для Хейли непривычно. Однако она не испытывала стыда. Наоборот, ей было очень хорошо и уютно.

– Фу, папа, грубый какой, – неодобрительно фыркнула девочка.

– И это, по-твоему, грубость? А ну-ка, смотри! – Он запрокинул голову Хейли назад и поцеловал ее с комичной страстью, словно хотел проглотить. Фейт, не выдержав, опять захихикала:

– Так только в телесериалах целуются.

Тайлер засмеялся вместе с дочерью:

Хейли сдержанно улыбалась, привалившись к нему спи-

ной.

– Кстати, любопытно знать, что смотрит эта юная леди по телевизору? Отныне мы берем это дело под контроль, – обратился Тайлер к Хейли. Надо же, «мы»! В этом слове звучала какая-то основательность, надежность, постоянство. Она еще теснее прижалась к широкой мужской груди.

– Никогда не позволю, чтобы меня так целовали! – с горячностью заявила девочка. – Вообще-то, наверное, никто и не захочет. Но все равно не позволю.

– Еще как позволишь! Но обещаю тебе: я собственноручно пристрелю того парня, который попробует это сделать, – заверил ее Тайлер.

– Почему? – поинтересовалась Фейт.

– Почему? Потому что ты моя девочка. Только моя! Вот почему.

Зардевшись, она принялась рассматривать носки своих кроссовок:

– Ну-у, не знаю. Да вряд ли и сыщется такой мальчик, который захочет меня поцеловать. Так что тебе беспокоиться не о чем.

– Захочет, и не один. Ведь ты самая красивая девчонка в здешних местах.

Резко вскинув голову, Фейт пристально посмотрела в глаза отцу:

– Ты и в самом деле так думаешь?

– Конечно! Ты самая красивая девочка из всех, кого я

только видел. Я всегда так считал и сейчас считаю – не зря же я тебя так долго выбирал в больнице.

– Перестань, папа! Никого ты в больнице не выбирал. Я не маленькая и прекрасно знаю, откуда берутся дети. – Она говорила раздраженно, но наблюдательная Хейли заметила, что девчонка вся просто расцвела от отцовской лести.

Внутренне согретая этой сценкой беседы отца и дочери, женщина в приливе чувств захотела обернуться и обнять этого необыкновенного мужчину. За последние несколько недель Фейт в чем-то немного изменилась. Во всяком случае, стала держаться гораздо увереннее. Не исключено, что и Хейли внесла в это свою лепту, но главная заслуга, несомненно, принадлежала Тайлеру. Он общался с девочкой совсем не так, как другие. Отец не отмахивался от нее как от ребенка, а разговаривал с ней как со взрослым человеком, считая личностью. И результаты такого подхода были уже налицо. Фейт раскрывалась, будто цветок, дождавшийся наконец весны.

– Послушай, а не возьмешься ли ты прибраться после нашего пикника? – предложил Тайлер дочери. – Обещаю щедрое вознаграждение: доллар, а то и два.

– Хорошо, – с готовностью согласилась она.

Фейт начала деловито собирать мусор, а Хейли, положив затылок на плечо Тайлеру, взгляделась в его глаза. Тайлер склонился над ней так низко, что она чувствовала на своей щеке тепло его дыхания. Хейли могла различить каждую

крапинку в радужной оболочке его глаза. В черных зрачках она увидела свое отражение. Лицо было зовущим. И, откликнувшись на этот зов, он припал к ее губам.

Этот поцелуй не был фривольной шуткой. На этот раз Тайлер не хотел кого-то позабавить – поцелуй принадлежал только им двоим. Нельзя сказать, что он получился страстным. Меньше всего им хотелось выставлять свои истинные чувства напоказ, тем более сейчас, перед впечатлительной Фейт.

Они наполнили этот поцелуй силой, желанием, неутоленной страстью, спокойным пониманием друг друга. Кончики их языков осторожно встретились, и это тихое соприкосновение оказало на Хейли такое воздействие, какого можно было ожидать от действий гораздо более интимного свойства. Словно неведомый тайник открылся где-то глубоко в ее душе, и из него ослепительным фейерверком посыпались искры экстаза. За вполне пристойным фасадом сдержанного поцелуя скрывались самые необузданные чувства.

Тайлер поднял голову, и Хейли увидела в его глазах огонь желания, с которым мог сравниться только жар, испепелявший ее изнутри. Он помог ей встать.

Ослабев от разбуженной страсти, она прильнула к нему и тут же оказалась в крепком кольце его рук. Тайлер прекрасно понимал, что сейчас с ней творится. Несколько долгих мгновений они стояли, прижавшись друг к другу. Эти секунды были поистине бесценны.

Разжав наконец объятия, Тайлер и Хейли почувствовали на себе любопытный взгляд Фейт. Широкая улыбка обнажила тонкие металлические скобки на ее зубах. А в серых глазах, так похожих на отцовские, плясали искорки обретенного счастья.

Они прибыли к озеру Фонтана во второй половине того же дня. Поездка к озеру заняла довольно много времени, поскольку путешественники ехали не торопясь, чтобы вволю полюбоваться удивительными красотами национального парка. Осень уже окрасила в яркие цвета лесистые склоны и вершины, подернутые серо-голубой дымкой, которая и дала название этим горам.

Фейт не переставала хныкать, жалуясь на то, что ей почти ничего не видно, пока Тайлер не сжалился над ней и не разрешил пересесть на переднее сиденье. Она тут же пристроилась слева от отца. К счастью, такой порядок рассадки как нельзя лучше устраивал всех: Фейт – потому что теперь лучшего обзора и желать было нельзя, а Тайлера и Хейли – потому что им пришлось тесно прижаться друг к другу плечами и бедрами.

При этом Тайлер стал вдруг демонстрировать необычную активность за рулем: его правая рука то и дело шевелилась, даже когда в этом не было особой необходимости. Хейли заметила, что всякий раз, поднимая или опуская руку, он словно невзначай слегка задевает ее левую грудь. Немедленно

возбуждись, она повернулась к водителю, чтобы бросить на него осуждающий взгляд, но тот лишь озорно улыбнулся, а затем, не выдержав, тихо рассмеялся. Его лучистые глаза словно спрашивали: «Ну что, здорово я придумал?» Однако Хейли тоже была не промах: чтобы заставить Тайлера оцепенеть, ей достаточно было положить ладонь ему на бедро. Теперь они были квиты.

«Хижина» на деле оказалась особняком с несколькими спальнями и ванными комнатами. Размерами она затмевала почти все соседние дома, столь же роскошные. Из гостиной открывался великолепный вид на озеро, а из окон спален – на горы. Дом был обставлен богато и рационально – здесь было предусмотрено все, что нужно избалованному горожанину.

Приняв душ и переодевшись, все трое отправились поужинать в близлежащий ресторан. По возвращении домой Фейт вслух зачитала информацию из журнала «Ти-Ви Гайд» о том, что сегодня вечером по телевизору будет показан «самый потрясающий фильм ужасов из снятых за всю историю кинематографа».

– Вот беда-то будет, если не удастся посмотреть этот «шедевр»! – шутливо поддел дочку Тайлер.

Однако Фейт и в самом деле была настроена решительно. Натянув ночную рубашку, украшенную портретами персонажей мультфильмов, девочка включила телевизор и, улеглась перед ним на полу, чтобы не пропустить интересное ки-

но. Вскоре она полностью отрешилась от всего земного: перед фильмом гнали специальную передачу об одной из ее самых любимых рок-звезд.

– Давай-ка и мы чуть-чуть расслабимся, – предложил Тайлер Хейли, стягивая через голову свитер на пути в спальню.

Зайдя в свою комнату и плотно прикрыв за собой дверь, Хейли огляделась. Все в этой-спаленке переливалось мириадами оттенков золотого. Она сняла с себя блузку и юбку, в которых ходила на ужин, и прилежно повесила их в шкаф. Раздевшись до трусиков, Хейли облачилась затем в длинный атласный халат, который Элен в порыве щедрости подарила ей на день рождения. Роскошная вещь уже долгое время лежала без применения – все никак не подворачивался подходящий случай щегольнуть в ней. Гладкая ткань Насыщенно-го темно-зеленого цвета отлично гармонировала с красной медью волос Хейли и придавала особый изумрудный оттенок ее глазам. Халат имел глухую, сверху донизу, застежку. Рукава волнами спускались чуть ниже локтя.

Она рылась в чемодане в поисках шлепанцев, когда в дверь тихонько постучали.

– Кто там? – спросила Хейли, обмирая от страха, но вместе с тем успев капнуть духами на шею и руки у запястья.

– Голый дикарь, засыхающий от неутоленной жажды.

Рассмеявшись, Хейли настежь распахнула дверь.

– И вовсе не голый. Опять соврал!

– Ну это дело поправимо. Дай только пять секунд, – про-

говорил Тайлер, оттесняя ее с порога в глубь комнаты. На нем был мягкий спортивный костюм серого цвета с эмблемой баскетбольной команды «Атланта фальконс».

– Что ты задумал? Ты с ума сошел...

– Еще не до конца, – пробормотал он, лоя ее губы своими. – Но скоро рехнусь окончательно. А все из-за тебя – это ты лишаешь меня остатков разума. – Наконец ему удалось пленить ее губы. И в самом деле, только дикарь мог так целовать женщину. Его язык, в мгновение ока раздвинув губы Хейли, погрузился в ее рот, инстинктивно и безошибочно отыскивая самые чувствительные и нежные места. Словно бешеный ураган закружил ее беспомощную душу, поднимая все выше над землей.

– Тайлер...

– Желание стало потребностью – ты по-настоящему нужна мне, Хейли.

Оттолкнув его, она едва не прорыдала:

– Нам нельзя. – Уронив голову, женщина сокрушенно устала на собственные босые ноги. – Я не могу так.

– Знаю.

Ей казалось, он разразится проклятиями, мольбами, криками. Но ничего этого не случилось. Его кроткое согласие поразило ее больше, чем любая из самых диких выходок, которых в подобной ситуации можно было от него ожидать. – Ты... ты знаешь? – только и могла вымолвить Хейли.

– Потому что с нами Фейт. Лицо ее смягчилось. Неизвест-

но как, но этому человеку практически всегда удавалось угадывать состояние ее души. Она кивнула, взяв в ладони его лицо. И он прочел в ее глазах благодарность.

– Да, Хейли, нам обоим давно уже не шестнадцать лет, – продолжил он. – Слава Богу, мы уже научились разбираться в подобных вещах, а она – еще нет. В самом деле, как я смогу читать ей мораль, когда...

– Да, Тайлер, да. Ты даже представить себе не можешь, до какой степени мне все это понятно. Я надеялась, я знала, что мы пойдем друг друга.

Указательным пальцем он провел вдоль ее нижней губы.

– Ты понятливая. – Тайлер говорил очень тихо и неразборчиво, однако она слышала каждое его слово. – Но понимаешь ли ты, каково приходится мужчине, который сгорает от страсти, как я? Да и найдется ли на всем свете мужчина, который тянулся бы к женщине так, как я к тебе? В каких только видах ты не представляла в моих сновидениях! Я умираю от желания, Хейли.

– Я тоже.

Ее последние слова поразили его как удар молнии. В немом изумлении он уставился на ее пальцы, крепко сжавшие замок застежки халата. Застежка, раскрываясь, тихо зажужжала, мягко зашелестела ткань. В мертвой тишине эти звуки были подобны грозовому раскату. Тайлер остолбенел, боясь вздохнуть. Взгляд его был неподвижен, Хейли тоже смотрела прямо перед собой не мигая.

Расстегнув халат, она взяла его ладонь и, поднеся к губам, поцеловала. Храбрость в любой момент могла покинуть ее, а потому, не теряя времени, Хейли положила руку Тайлера себе на грудь и с силой прижала к мягкой плоти. Тонкие женские пальцы бережно гладили тыльную часть мужской ладони, сильной и чуткой одновременно.

– Хейли... – просипел Тайлер. Оторвав взгляд от ее лица, он перевел его на собственную руку. Его пальцы медленно кружили по округлой женской груди, постепенно подбираясь к центру – набухающему темному диску. Тайлер с благоговейным трепетом наблюдал чудесные перемены, происходившие под его пальцами. На секунду подняв взгляд, он тут же снова уронил голову, чтобы припасть ртом к этому чуду, которое только что для себя сотворил.

Его язык долгими, ленивыми движениями ласкал темные соски. Твердые и влажные губы кольцом смыкались вокруг них. Тайлер, словно материнским молоком, захлебывался наслаждением. А та, которая это наслаждение ему дарила, тихо шептала его имя и, запустив ладони под теплую рубашку, нежно гладила покрытую волосами мужскую грудь.

Сдерживаться становилось все труднее, желание причиняло боль, лишь благодаря незаурядной воле Тайлеру удалось контролировать себя. Его руки наливались жадной силой собственника, щека, горячая и жесткая, исступленно прижималась к упругой и трепетной груди.

– Нам будет хорошо, Хейли, – хрипло зашептал он. – Гос-

поди, до чего же хорошо нам будет...

Он поцеловал ее, намеренно отстранившись, чтобы соприкасались только их губы. И они сомкнулись в жарком порыве, словно намеревались стать единым целым. А потому разъединиться оказалось не таким простым делом. Мужчина и женщина улыбаясь смотрели друг на друга. Их улыбки таили в себе что-то новое, какую-то особую теплоту и нежность. Едва Тайлер и Хейли успели привести себя в порядок, как из гостиной раздался звонкий голосок Фейт:

– Папа, Хейли, скорей! Кино начинается!

Фильм прервался опять – настало время рекламной паузы. Фейт, сидевшая на мягком диване, поджав под себя ноги, боязливо, одним глазом, покосилась на телеэкран. Во время душераздирающих сцен, которыми был напичкан «шедевр», она испуганно утыкалась лицом в отцовское плечо. Свободной рукой Тайлер обнимал Хейли, и всякий раз, когда он глядел на нее, она читала в его глазах обещание.

Глава 9

За завтраком все были в прекрасном настроении. Тайлер взял на себя роль повара, а Хейли и Фейт делали ему заказы. Несмотря на всю суету и неразбериху, на столе каким-то чудесным образом в конце концов появились блинчики и поджаренный бекон.

Хейли не уставала восхищаться обстановкой дома. Кухня, словно лаборатория, была оснащена самой современной техникой. В просторных и уютных комнатах не было того нежилого стерильного духа, характерного для помещений, которые большую часть времени остаются закрытыми и не проветриваются. Интересно, как часто Тайлер навещает свою «хижину»? Приезжал ли он сюда вместе с Моникой? Вряд ли. Дом наверняка выстроен недавно, а потому они не могли бывать здесь в период супружества, которое разбилось десять лет назад.

«Хижина»... Скорее всего это убежище, где можно время от времени скрываться в тишине и покое от сумасшедших будней мира бизнеса? Привозил ли он сюда других женщин? Сколько их здесь перебивало?

– О чем задумалась, рыжик?

Вопросом Тайлер отвлек ее от неприятных размышлений. Она уже несколько минут смотрела отсутствующим взглядом в пустую чашку из-под кофе, не замечая даже, что Фейт

давно улизнула из кухни, где царил кавардак, к телевизору.

– Ни о чем, – ответила Хейли тоном, который без промаха мог вывести из себя даже самого покладистого мужчину.

Однако Тайлер не обратил на ее тон ни малейшего внимания.

– Тогда позволь рассказать тебе, о чем думал я, – хитро взглянул он на нее и перегнулся через стол, хранивший следы трапезы, чтобы взять Хейли за руку.

– Я это прекрасно знаю, – попыталась она сохранить холодность и неприступность.

– Что ж, могу только покаяться. Стоит мне увидеть привлекательную высокую рыжеволосую леди, и мой разум немедленно опускается ниже пояса. Так что признаю себя виновным – полностью и безоговорочно. Свяжи мне руки, надень на ноги кандалы, бей хлыстом без пощады. Ибо виновный заслуживает самого жестокого и необычного наказания.

– Перестань! – выкрикнула она со смехом. – Можно подумать, что ты увлекаешься садомазохизмом.

– Пока что нет, но я никогда ни от чего не отказываюсь, прежде чем сам это не изведу. – Тайлер улыбнулся, показывая ровный ряд крепких зубов – тех, которые способны причинить женщине утонченную, сладкую муку.

Хейли не могла не вспомнить об этой восхитительной пытке. Однако, пока она смотрела на него, улыбка постепенно сошла с его лица. Задумчиво и сосредоточенно Тайлер

водил большим пальцем по ее запястью, словно это занятие имело для него сейчас наибольшее значение.

– Я не безгрешен, Хейли, но в чем меня никак нельзя обвинить, так это в том, что через мою жизнь идет нескончаемая вереница женщин.

Хейли была потрясена. Каждая черточка ее лица выражала ужас – ужас перед непостижимым. Эта чуткость, эта способность безошибочно угадывать ее тайные мысли – вот что заворожило ее.

– Ведь ты над этим размышляла, не так ли? – спросил Тайлер. – О том, как много женщин я привозил сюда, как много бурных романов было здесь закручено?

Она стыдливо потупилась:

– Это меня не касается. Тайлер потянул ее за руку.

– Посмотри на меня, Хейли, – приказал он ей, и она безропотно повиновалась. Ей вовсе не хотелось смотреть ему в глаза, но деваться было некуда. – Со времени развода мои встречи с женщинами были немногочисленными, скоротечными и безрадостными. Ни за одной женщиной я еще не ухаживал с таким терпением и усердием, как за тобой.

– Неужели? – Ей всей душой хотелось верить ему.

– Я говорю правду. Никогда в жизни я не допускал, чтобы женщина встала между мной и бизнесом. Дело всегда было для меня превыше всего. А во время недавней поездки в Атланту я ухитрился управиться с двухнедельным объемом работы за неделю, потому что не мог без тебя. Мне обязательно

но нужно было тебя видеть.

В ее висках застучала кровь – не только от его слов, но и от того, как он произносил их. Тайлер говорил взволнованно, убежденно. Чтобы скрыть овладевшее ею возбуждение, Хейли встала и дрожащими, неловкими руками принялась собирать со стола грязную посуду.

– На важных деловых встречах я не думаю ни о чем, кроме предмета обсуждения, – продолжал Тайлер. – В нормальных условиях я в состоянии сосредоточиться. Но знаешь ли ты, что я делаю на совещаниях в последнее время, после того как повстречал тебя? На всех без исключения совещаниях?

– Ох, до чего же намусорено. Надо быстренько прибраться. Прибраться...

Поймав ее за руку, он привлек ее к себе. Теперь обе руки Хейли были зажаты между ним и ею.

– Я думаю о тебе. О том, что нам обязательно нужно поехать к морю, чтобы заниматься любовью на берегу. Я хочу идти вместе с тобой навстречу прибою, наблюдая, как волны, поднимаясь все выше, лижут твою грудь.

– Тайлер...

– И еще. Я, наверное, уже тысячу раз стоял вместе с тобой под душем – мысленно. Я намыливал тебя всю, целиком, а потом ты делала это со мной. Я точно знаю, какова ты на ощупь – в мыльной пене, под моими ладонями.

Ее руки отчаянно упирались в плечи Тайлера. Потом, уткнувшись ему в грудь лбом, она в отчаянии покачала го-

ловой:

– Ты смущаешь меня, Тайлер. Мне неловко... Нельзя, нельзя так говорить со мной.

Он зарылся лицом в ее волосы:

– Может, я и в самом деле заболтался?

Предлагаешь от слов перейти к делу? – В ответ из ее груди вырвался странный звук – не то резкий вздох, не то нервный смешок. Тайлер заставил ее поднять голову. – Можешь подозревать меня в чем угодно, Хейли; только не волнуйся насчет других женщин в моей жизни. Пустое это дело, уверяю тебя.

И тогда он поцеловал ее. Его рука легла на пояс джинсов Хейли, потом спустилась ниже, следуя изгибам ее тела. Его губы были пылкими и настойчивыми – они убеждали лучше всяких слов. Остаток дня прошел безмятежно – черные мысли окончательно покинули Хейли.

Тайлер взял напрокат моторную лодку, и они втроем все утро катались по озеру. А в полдень, возбужденные, обветренные и голодные как волки, за обе щеки уплетали в местной закусочной чизбургеры, картофель фри и жареные пирожки с луком.

– А теперь что делать будем? – живо поинтересовалась Фейт, обмакнув последний ломтик хрустящего картофеля в остатки кетчупа.

Тайлер и Хейли, не сговариваясь, тяжело вздохнули.

– Может, поспать хочешь? – с надеждой спросил дочку

Тайлер.

– Еще чего не хватало! Уж лучше верхом на лошади покататься. Или на мотоцикле. Надеюсь, их здесь где-нибудь дают напрокат? А то и просто погулять, подышать воздухом.

В конце концов выбрали прогулку. А потом была игра в настольный теннис, благо к услугам собственников домов в поселке на берегу озера был неплохой спортзал. Пока Хейли и Тайлер приходили в себя после пяти напряженных матчей, Фейт развлекалась электронными играми. У автомата она познакомилась со сверстницей, такой же фанатичной поклонницей компьютерных забав. В конце концов ее пришлось чуть ли не тягачом оттаскивать от игровых машин и новой знакомой.

Вернувшись домой, все трое с ног валились от усталости.

– Предлагаю всей компанией перед ужином отдохнуть, – авторитетно изрек Тайлер. – Вечером я приглашаю вас в ресторанчик, где оркестр играет кантри. Будем есть жаренное на углях мясо.

Дам на сей раз долго уговаривать не пришлось, и все разошлись по своим комнатам, чтобы немного восстановить силы после дневных развлечений. С удовольствием принял горячую душистую ванну, Хейли заново наложила на лицо косметику. Распушенные волосы, высохнув, кольцами завились вокруг посвежевшего лица.

Она надела, хлопковую юбку в клетку – образчик на тему «жизнь в прериях». Другим предметом вечернего наря-

да была блузка в викторианском стиле с круглой кокеткой, охватывающей грудь и плечи. Воротник-стойка с кружевом по краю доходил до подбородка. Довершением туалета явились сапожки из мягкой кожи.

Единственное неудобство нарядной блузки заключалось в том, что пуговицы на спине застегнуть самой было почти невозможно. Пришлось звать на помощь Фейт.

– Хейли, ты выглядишь сногшибательно – ну просто отпад! – высказала оценку девочка, восхищенно оглядев своего кумира со всех сторон.

– Спасибо за лестный отзыв. Кстати, хотела сказать тебе то же самое. У тебя, кажется, обнова?

– Ага, – кивнула Фейт, с гордым видом красуясь в новой рубашке и ярко-синем комбинезоне с манжетами над щиколотками. – Тебе в самом деле нравится? Папа купил. Правда, перед этим пришлось с ним как следует поработать. Он все твердил, что таких дурацких штанов еще никогда в жизни не видел.

– Что ж, в таком случае пора ему начать регулярно просматривать журналы мод для девочек. Правильно я говорю?

– Точно! – восторженно хихикнула Фейт. Они обе уже подошли к Тайлеру.

– Над чем смеемся? – поинтересовался он.

– Мужчина это вряд ли поймет, – беззаботно прошептала Хейли. – А в общем, ничего серьезного – так, тайны наши, девичьи.

Фейт захихикала еще громче, увидев, как озадаченно нахмурился отец.

В ресторане былолюдно и шумно, однако это никому не мешало развлекаться от всей души. Пары на тесной танцплощадке оживленно топтались в такт музыке, время от времени наскакивая друг на друга, как боксеры на ринге. Музыканты явно хромали по части техники, впрочем, с лихвой компенсируя этот недостаток рвением и азартом.

Ужин уже подходил к концу, когда Фейт как ужаленная подскочила со стула и завопила:

– Привет, Ким!!! Размахивая обеими руками, она изо всех сил пыталась привлечь внимание девочки, которая сидела за столиком чуть ли не на противоположном конце зала.

– Это моя подруга, – торопливо объяснила Фейт отцу и Хейли, прежде чем со всех ног броситься, петляя между столиками, к своей новой знакомой. Со стороны могло показаться, что девочкам предстоит обсудить вопрос жизни и смерти.

Не успели Тайлер и Хейли сказать друг другу и пары фраз, как Фейт вернулась, ведя за собой Ким и ее маму.

– Здравствуйте, – громко произнесла женщина, стараясь перекричать ресторанный гвалт. – Меня зовут Фрэнсис Харпер. Моя дочь Ким познакомилась с вашей девочкой сегодня в игровом зале. Им так понравилось быть вместе, что я набралась смелости спросить вас, не разрешили бы вы Фейт переночевать сегодня у нас.

Фейт и Ким, которая была поменьше ростом, зато значительно полнее, взявшись за руки, подпрыгивали на месте от нетерпения. Обеим страшно было подумать, что на эту просьбу может последовать отказ.

В отчаянной попытке склонить колеблющуюся стрелку в свою сторону, Фейт вступила в разговор, протянув как можно более жалобно:

– Ну пожа-а-алуйста... У нее телевизор с приставкой «Атари» и еще новый альбом записей – как раз такой, о котором я давно уже мечтаю. Честное слово, я хорошо себя вести буду. Ну пожа-а-алуйста!

Столь искренняя мольба вызвала у взрослых невольный смех.

– Буду вам очень признательна, если вы позволите Фейт побывать у нас, – подкрепила просьбу девочки миссис Харпер. – Каждый раз, приезжая сюда, мы с мужем будто впадаем в спячку – тишина и покой для нас главное. Вот только наша Ким скучать начинает, особенно когда мы забираем ее из школы, как сейчас. Только ведь это не от нас зависело: в нынешнем году эта неделя – единственная, когда мой супруг мог взять отпуск. Мы живем на той же улице, что и вы, – в красном кирпичном особняке, выстроенном в колониальном стиле. Ваша дочь не доставит нам ни малейшего беспокойства, Я за ними, обеими присмотрю.

Миссис Харпер обращалась преимущественно к Хейли, словно именно от нее зависело окончательное решение. И до

нее внезапно дошло, что эта женщина вполне серьезно принимает ее за мать Фейт.

– Не сомневаюсь, что у вас... – начала Хейли и тут же осеклась. Что еще она могла сказать?

– В самом деле, почему бы и нет? – пришел ей на помощь Тайлер. – Не вижу никакой причины для отказа. А как ты считаешь, Хейли? – По его тону и той фамильярности, с которой он положил руку на плечо своей спутницы, вполне можно было заключить, что эта-женщина – его жена и соответственно мать Фейт.

– Так же, как и ты. Думаю, что все будет в порядке.

– О, спасибо, – облегченно выдохнули обе девочки одновременно. – Спасибо! Спасибо! – затараторила Фейт, целуя поочередно в щеку Тайлера и Хейли. А затем девчонки радостно побежали к столику, за которым восседал отец Ким – мистер Харпер.

– У Ким есть лишняя пижама. Так что мы заберем Фейт с собой прямо отсюда.

– А мы приедем за ней... где-нибудь утром, – сказал Тайлер. – Спасибо вам за гостеприимство.

– Ах, что вы! Это вам спасибо за то, что отпустили Фейт. Очень рада была познакомиться с вами. До встречи завтра утром. – И миссис Харпер тоже отправилась к своему столику.

Тем не менее у Хейли после этого разговора остался на душе осадок – ее самолюбию был нанесен чувствительный

удар. Несомненно, миссис Харпер приняла ее и Тайлера за супружескую пару. Но она не была его женой. Вовсе нет! Тогда кто же она ему? Девушка на выходные? Партнерша в постели – до тех пор, пока не надоест? «Немногочисленные, скоротечные и безрадостные» – именно так он охарактеризовал свои прежние любовные связи. Но относится ли это определение только к прошлому? Не услышит ли те же самые слова после нее какая-нибудь другая женщина, которой наступит черед стать неповторимой, единственной? И соблазненной...

– Хейли?

– А... Извини. – Голос Тайлера вывел ее из задумчивости. – Что ты сказал?

– Я спрашиваю: ты закончила? Не хочешь ли чего-нибудь еще?

– Нет-нет, спасибо. Вполне достаточно.

– Тогда пойдем.

Они стали пробираться между столиками к двери. Сияющая Фейт помахала им рукой и послала воздушный поцелуй. Она довольно смиренно сидела за столиком Харперов, терпеливо дожидаясь, когда семейство закончит трапезу.

– Тебе холодно? – осведомился Тайлер по пути к парковке. От прикосновения его руки Хейли вздрогнула.

– Немножко.

– Ничего, дома я разожгу камин.

Дома?

Оцепенев от напряжения, она сидела рядом с ним в машине. Дорога домой была недолгой, и за это время ими не было сказано ни слова. Уже возле самой двери Тайлер взял Хейли за руку:

– Луна-то какая! Ты только посмотри на отражение в озере.

Лунная дорожка, лежавшая на поверхности озера, и в самом деле была прелестна, однако Хейли запретила себе любоваться этой ночной красотой. Ей не хотелось, чтобы эта колдовская ночь, освещенная таинственным лунным светом, стала прологом любовного романа. Прошлой ночью их удержало друг от друга присутствие Фейт. Сегодня Фейт рядом не было. Кто теперь защитит Хейли от искуса любви? Судя по всему, ей придется полагаться только на саму себя. Что ж, бог в помощь.

Захлопнув дверь, Тайлер повесил свою замшевую куртку на вешалку в прихожей.

– Я уже положил в камин дрова, пока вы с Фейт собирались. Так что остается только чиркнуть спичкой.

– Хорошо.

– Может, выпьешь кофе? Или вина? Или еще чего-нибудь?

– Нет.

– Ты уверена, что не хочешь? Кстати, у меня еще осталось немного вкуснейшего шабли. Ну хотя бы один бокал...

– Нет.

Сидя на корточках перед камином, он обернулся:

– У тебя что, язык свело?

– Нет.

Рассмеявшись, Тайлер поднялся. Огонь уже лизал растопку, подбираясь к поленьям.

– Слов, сказанных тобой после того, как мы вышли из ресторана, едва ли хватит даже для того, чтобы составить простейшее предложение. – Он подошел к ней и осторожно взял за плечи. – Ты же знаешь, что тебе незачем об этом беспокоиться. Отчего же такая тревога?

Темные ресницы поднялись, и из-под них на Тайлера вопросительно поглядели зеленые глаза:

– О чем я не должна беспокоиться?

– О том, что миссис Харпер ошибочно приняла тебя за мою жену. Ведь это заблуждение так естественно. Разве ты не согласна, Хейли?

– Согласна. И еще я согласна с тем закономерным выводом, который она сделает обо мне, когда выяснит, что никакая я тебе не жена.

– Ну когда ты перестанешь оглядываться на других, постоянно бояться того, что о тебе подумают люди? Не лучше ли довериться самой себе, своим чувствам?

Отстранившись от него, Хейли подошла к широкому окну. Сквозь слезы серебристая полоска на воде показалась ей еще более призрачной. Прохладный октябрьский ветер гнул деревья. Они словно кланялись звездам, которые сверкали

сейчас, как настоящие бриллианты: их не затмевали огни большого города. Да, это была волшебная ночь – проявление самой природы во всей ее великой простоте и бесхитростности. Хейли захотелось раствориться в ней.

Тайлер задал ей тот вопрос, на который она сама не раз уже пыталась ответить.

Какое ей дело до того, что другие могут подумать о ее связи с ним? Что ей терять? Одиночество? Скуку жизни? Существование без цвета, смысла и любви? Ведь в ее жизни до сих пор не было любви. Вообще никакой любви!

Хейли медленно повернулась к нему. Слезы так и не успели пролиться, и глаза ее влажно сияли. Лунный свет падал на волосы женщины, а лицо ее освещалось сполохами пламени в камине.

Он был именно тем мужчиной, которого так недоставало в ее жизни. Высокий, крепкий, волевой, умный, с чувством юмора... Его волосы лежали мягкими темными волнами. Из-под густых бровей на оробевшую женщину напряженно глядели серые глаза. Тайлер стоял, прислонившись плечом к камину. Однако Хейли знала, что за этой расслабленной позой скрывается неумная сила.

– Думаю, что я все-таки выпью немного вина, – проговорила она.

– Тогда и я заодно. Может, сама нальешь? А то мне нужно принести кое-что из спальни.

Когда Хейли вошла в гостиную, неся на подносе два бо-

кала и хрустальный кувшин с вином, Тайлер расстилал на ковре перед камином снятое с постели покрывало. Затем он обошел комнату, деловито щелкая выключателями. Все лампы погасли. Только лунный свет, лившийся из окон, да всполохи пламени в камине едва освещали комнату.

Тайлер взял поднос из рук Хейли, поставил его на кофейный столик и наполнил вином бокалы. Один бокал он подал Хейли. Тонкий хрусталь едва не выскользнул из ее дрожащих пальцев. Тайлер чокнулся с ней и отпил немного вина, глядя на свою визави поверх края бокала. – Послушай, могу я попросить тебя об одолжении? – тихо спросил он, взяв бокал из ее пальцев и поставив обратно на поднос.

– Одолжении? – непонимающе переспросила она.

– Есть у меня одна противная спинная мышца, которая время от времени ноет и не дает мне покоя. Сегодня, заводя лодочный мотор, я, кажется, слегка потянул ее.

– Тайлер, – забеспокоилась она, – это не опасно?

– Хороший массаж все поправит. – Он взял ее за руку и легонько потянул к себе. – А для начала помоги мне снять рубашку.

Ей стало неловко. Но, справившись с приступом стыдливости, Хейли не отняла руки. Сквозь расстегнутый ворот рубашки ее пальцы ощупывали верхнюю часть его груди. Помогая ей избавиться от остатков опасений, Тайлер сам расстегнул все пуговицы. Хейли, набравшись решимости, вытащила полы рубашки из его брюк, а затем высвободила из

рукавов его руки. Рубаха, небрежно отброшенная в сторону, повисла на подлокотнике дивана. Рубашка, жалкий кусок материи, – ничто по сравнению со зрелищем, открывшимся перед женскими глазами. Эти глаза жадно разглядывали каждый сантиметр бугристых мышц груди Тайлера.

– А теперь брюки. Только не забудь расстегнуть сперва ремень.

Опустив глаза, она едва удержалась от вздоха облегчения. Пряжка ремня была самая что ни на есть простая. С чуть более сложным устройством ее дрожащие пальцы сейчас вряд ли справились бы. Расстегнуть ремень оказалось и в самом деле не таким уж мудреным делом. А вот расстегивать мужские брюки... До такого бесстыдства Хейли не доходила еще ни разу в жизни. Да, она считала это бесстыдством, во всяком случае ей так казалось, когда она бралась за «молнию».

– Я не сделаю тебе ничего плохого. Никогда. Слышишь, Хейли? – Эти волнующие слова прозвучали откуда-то сверху.

Ее пальцы словно сами по себе потянули замок брючной «молнии» вниз. Сердце тяжело ухало в груди. В голове вертелась единственная мысль: «Что же теперь будет? Что же будет?» Тайлер, как всегда, удивил ее. Сделав шаг назад, он всего лишь сбросил с ног ботинки.

– Спасибо, – обыденным тоном поблагодарил он помощницу. И следом за ботинками снял носки. Без тени смущения Тайлер стянул с себя брюки и швырнул их на спинку стула.

В неярком свете контуры его тела выступали особенно рельефно. Он выглядел сильнее, стройнее, мужественнее, чем недавно в плавательном бассейне. По правде говоря, вряд ли сейчас Хейли увидела больше, чем тогда. И все же она почувствовала разницу. Очевидно, это можно было объяснить причиной чисто психологической. Ведь шорты для плавания действительно заметно отличаются от нескромных трусиков в виде узкого лоскутка хлопковой материи.

Она испуганно отскочила, когда Тайлер опустился перед ней на одно колено.

– Может, ты не будешь возражать, если я тебя разую? – поднял он на нее глаза, в которых плясали красные отсветы огня.

– Н-не буду, – пробормотала Хейли, заикаясь. Слегка наклонившись, она, чтобы сохранить равновесие, оперлась обеими руками на голые плечи мужчины. Он же помог ей снять сапожки, не забыв при этом погладить ее икры.

– Ну вот, скоро мне будет еще лучше, – объявил Тайлер, улегшись животом на расстеленное покрывало и сладко потянувшись всем телом. – Итак, Хейли, теперь моя жизнь в твоих руках.

Остро ощущая то, как она неуклюжа, Хейли опустилась рядом с ним на колени. Она испуганно отдернула ладони в нескольких сантиметрах от спины Тайлера, когда неожиданно раздался его голос:

– Если хочешь, можешь устроиться и поудобнее. Ты, глав-

ное, не стесняйся.

– Мне и так удобно, – торопливо заверила она его.

Он пожал плечами. От этого жеста все мышцы на его спине пришли в движение.

– Нам с тобой торопиться некуда. – Тайлер лег щекой на сложенные ладони. – Болит где-то под правой лопаткой. Лосьон для растирания – вон там, рядом с диваном, – добавил он, кивнув в сторону пластмассового пузырька на полу. Затем его глаза блаженно закрылись.

Где-то Хейли вычитала, что перед массажем лучше налить лосьон себе в ладонь, чем пациенту на спину. В таком случае жидкость успеет согреться и не вызовет неприятных ощущений. Она выдавила немного густого лосьона себе на ладонь и растерла руки. Сделав глубокий вдох, «массажистка» прикоснулась к загорелой коже широких мужских плеч.

Ее движения были поначалу робкими, однако уже через несколько секунд стали уверенными и решительными. «Пациент» продолжал лежать неподвижно, не издав ни звука по поводу недостаточного профессионализма «целительницы». Сперва она прошлась по всей его спине и только потом уже сосредоточилась на точке, которая доставляла ему беспокойство. Ее пальцы мягко разминали мышцы, помогая ладоням, которые достаточно твердо надавливали на мускулистую спину.

– Ты просто прирожденная массажистка, – промямлил Тайлер не слишком внятно.

– Правда? – оживленно спросила она, не сознавая, что ее теплое дыхание овеивает его кожу.

– Так прикасаться к мужчине умеет только волшебница.

– Значит, я массирую именно то, что нужно? – шутливо спросила Хейли.

С усилием повернув голову, он посмотрел на нее, насмешливо задрал бровь:

– Ты даже представления не имеешь, какая великая карьера тебя ожидает.

Массажистка и мастер-острослов в одном лице – такого в мире еще не бывало.

– Боюсь, что с такой профессией финансовый крах станет для меня неизбежностью.

– А ты учись получше. – Внезапно Тайлер перекатился на спину. – Если уж ты всерьез решила заняться массажным бизнесом, то должна до конца постигнуть тайны мастерства. Урок со спиной мы уже прошли – пора бы теперь разобраться и с фасадом.

Встретившись с ним глазами, Хейли уловила в его взгляде вызов. Он предлагал ей помериться силами – речь шла о поединке характеров. Дыхание его было размеренным – широкая грудь тихо поднималась и опускалась. Впалый живот, покрытый шелковистой растительностью, словно приглашал прикоснуться к себе. Тайлер согнул одну ногу в колене. Теперь всей своей позой он выражал спокойствие и уверенность в себе. Перчатка была брошена, и Хейли не могла не

поднять ее.

По-прежнему глядя ему прямо в глаза, она налила себе на ладонь еще лосьона. Нарочито размеренными, чувственными движениями снова растерла руки, размяв каждый палец. А потом, наклонившись, положила ладони на его шею с обеих сторон. Все теми же размеренными движениями Хейли растерла ему плечи, перейдя затем к рукам. Надменно подняв голову, она из-под полуопущенных век наблюдала, как ее пальцы делают его тело мягким и податливым. Постепенно ловкие пальцы женщины достигли локтей Тайлера, и тут длинные ногти слегка оцарапали нежную кожу на внутреннем сгибе его руки.

– Это была роковая ошибка, Хейли.

Теперь тебе нет прощения! – грозно прорычал Тайлер и, сграбастав ее, притянул к себе. Его поцелуй был жгучим, как огонь. Чтобы не упасть окончательно, Хейли уперлась ладонями в пол по обе стороны от его головы. Он же по-прежнему целовал ее с неистовством странника, который, истомленный жаждой, никак не может напиться. Его язык бесновался внутри ее рта до тех пор, пока она сама не задрожала от нарастающего желания.

Локти ее дрогнули, и, не в силах больше сопротивляться, Хейли всем телом рухнула на Тайлера. Его губы заскользили вдоль шеи женщины. Блузка не была для него помехой – он целовал свою возлюбленную сквозь ткань, зарываясь лицом в ложбинку у нее на груди, наслаждаясь мягкостью и запахом

женского тела.

Неожиданно Тайлер привстал, заставив подняться следом и ее. Его ладонь переместилась с затылка Хейли на щеку. Он провел большим пальцем по ее нижней губе.

– Теперь твоя очередь, – прозвучал еле слышно в полутьме сипловатый мужской голос. Глаза Тайлера загипнотизировали ее. Она не мигая смотрела в них, а его проворные пальцы в это время расстегивали пуговицы на ее спине. Справившись с этим нелегким делом, он осторожно стащил блузку с ее плеч и рук.

– Ты так красива, Хейли, – проговорил Тайлер. Его рука двигалась неспешно. Кончики пальцев повторяли пленительные очертания ее груди, выступавшей из-под нейлона и кружев нижней рубашки. Заставив Хейли встать на колени, он расстегнул на ней юбку. Не говоря больше ни слова, он ясно давал понять, чего от нее хочет.

Она встала на ноги и переступила через упавшую на пол юбку. Этот жест, исполненный чисто женской грации, вызвал на лице Тайлера довольную улыбку. С непонятно откуда взявшейся решительностью Хейли разделась до нижней рубашки. Потом на ней остались только лифчик и трусики. У нее не хватало храбрости взглянуть Тайлеру в глаза – она видела только его руку, тянущуюся к ее руке.

– Ложись, – скомандовал мужчина тихо и властно. Она легла на живот, как и он до этого, и положила пылающую щеку на соединенные ладони. Хейли не видела, но безошибоч-

но чувствовала, что делает сейчас Тайлер, – вот он наливает в руку лосьон, растирает ладони, кладет их на ее спину...

Каждое его движение было тщательно рассчитано. Его чуткие и нежные пальцы то дарили ласку, то причиняли боль. Темп их движений все время менялся. Эти пальцы, эти ладони были на редкость опытные. Хейли пришлось напрячь всю свою волю, чтобы оставаться под ними неподвижной, хотя сейчас ей было впору корчиться и извиваться от желания, становившегося нестерпимым.

Одно движение ловкой руки – и застежка лифчика, шелкнув, разъединилась. Дыхание Хейли стало прерывистым – пальцы, забравшись ей под мышки, побежали затем вниз, к ее талии. Их прикосновение было мучительным и чарующим одновременно. И когда они достигли трусиков, то разделались с этим предметом туалета так же быстро и ловко, как и с лифчиком. Ее бедра начали раздвигаться сами собой.

Самообладание окончательно покинуло Хейли, когда его ладони оказались на ее ягодицах. Она задышалась от вожделения, в то время как руки Тайлера методично втирали густой лосьон в ее кожу. Ее бедра, внутренние сгибы колен, икры и даже стопы в полной мере изведали сладость этих прикосновений.

Уткнувшись лбом в покрывало, Хейли с трудом подавила стон животной страсти, ощутив, как мужские бедра сжали ее ноги. Его руки забралась под лежащую на животе женщину, дрожа от желания ласкать ее груди. В тот же момент она

осознала, что за это время он успел полностью обнажиться. Он был тяжел, но это была восхитительная тяжесть. Хейли вскричала от наслаждения, когда ее спину наконец защекотали волосы, росшие на его груди.

Прильнув ртом к ее уху, Тайлер пробормотал голосом, севшим от страсти:

– Позволь мне любить тебя, Хейли. Прямо сейчас, пока я не умер от жажды.

Он приподнялся, позволив Хейли перевернуться на спину. Несколько долгих секунд Тайлер пожирал глазами ее тело. Там, где останавливался его взгляд, она отчетливо ощущала легкое покалывание, точно от слабого электрического тока. Затем медленно, будто усталый победитель, получающий заслуженную награду, он всем телом опустился на нее.

Этот поцелуй оказался пьянящим для них обоих. Язык Тайлера лишь слегка раздвинул губы Хейли и медленно обследовал их с внутренней стороны, а потом осторожно встретился с ее языком. Однако теперь, когда все условности были отброшены, язык женщины сам порывался проникнуть сквозь преграду мужских губ.

Такая реакция на поцелуй с ее стороны была в высшей мере необычной, а потому Тайлер сам потерял голову. Словно человек, обезумевший от голода, он припал губами к женской плоти. Рот его истязал груди Хейли, язык неистово ласкал затвердевшие соски. Покрывая поцелуями тело женщины, Тайлер наконец достиг ее плоского живота, и тут уж его

язык в полной мере проявил свои эротические способности. Пальцы Хейли впились в волосы Тайлера, и его имя сорвалось с ее губ, когда она почувствовала обжигающие поцелуи на внутренней стороне своих бедер.

– Хейли... – Он произнес ее имя благоговейно, как слова молитвы, снова ложась на нее. Нетерпеливыми движениями тела она сама помогла ему занять прежнее место. Следующий пламенный поцелуй выполнял роль разведки перед решительным боем. Как и можно было ожидать, ее тело оказалось податливым – она была готова принять его.

– Хейли, милая моя Хейли, – бормотал Тайлер, овладевая ею тем вечным способом, который не претерпел никаких изменений за многие тысячелетия взаимоотношений мужчины и женщины.

Вспышка боли и страха озарила ее сознание, когда он преодолел последний барьер. А потом наступило чудо – совершенно новое, неведомое до сих пор чувство постепенно, волна за волной, начало накатывать на нее.

– Тайлер, Тайлер... – Хейли не сознавала, что монотонно повторяет его имя, пока он не застыл в напряженной позе. Приподняв голову, мужчина пристально вглядывался в ее лицо, сияющее от счастья.

– Я сделал тебе больно, Хейли? Только скажи, и я...

– Нет-нет, – поспешила ответить она, притягивая его голову к себе для поцелуя. – Вовсе нет. Просто я никогда не знала... Даже представить себе не могла... – Запнувшись,

Хейли в новом порыве сладострастия запрокинула голову и подняла бедра еще выше, чтобы сильнее почувствовать волшебное упоение любовью.

– Так прими же меня, Хейли, – простонал он, прижимаясь щекой к ее лицу. – Всего, целиком... Вот так. Только так, любовь моя. Двигайся, двигайся вместе со мной... О боже, до чего же это прекрасно.

Целая Вселенная вместе со всем, что Хейли знала, чем она дорожила, внезапно сжалась до размеров крохотного мячика. То, что она только что извела, было подобно ослепительному свету, который вполне мог заменить ей солнце. Это было неизбежно – такова была воля судьбы. Однако главное заключалось не в акте любви, как бы великолепен он ни был сам по себе. Источник высокого экстаза заключался в мужчине, который был сейчас рядом. Никто другой не мог дать ей и десятой доли подобного счастья. Она любила Тайлера Скотта. Их движения были на редкость слаженными; слияние душ было столь же полным, как и слияние тел. Она отдала ему свою плоть, свою любовь. А он, наполнив ее собою, подарил ей такую полноту ощущений, которую не могла вместить обычная человеческая душа. И две души, слившиеся вместе, одновременно взорвались в пароксизме острого наслаждения. Это наслаждение было подобно музыке, вполне заслуживающей звания гимна жизни.

Долгое время они лежали, не в силах ослабить объятий. Их лица были обращены друг к другу, жаркое дыхание сме-

шивалось, опьяняя обоих любовников. И когда биение сердца Тайлера, отзывавшееся в груди Хейли, стало чуть тише и размереннее, он поцеловал ее в лоб, чуть выше брови.

– Не я соблазнил тебя, любовь моя.

Это ты соблазнила меня.

Глава 10

– Напоить меня хочешь? – спросила она, когда Тайлер подал ей второй бокал охлажденного белого вина.

– Естественно. Разве не так поступают все растлители девственниц? Сперва напоят, потом разденут...

– Но я уже раздета.

– Уже раздета... – усмехнувшись, Тайлер окинул ее взглядом сластолюбца. И внезапно нырнул лицом в ее медно-красную гриву, разметавшуюся в поэтическом беспорядке. – А я уже пьян. Пьян тобою.

Последовал новый страстный поцелуй, вино полилось на ковер. Оторвавшись от губ Тайлера, Хейли удовлетворенно вздохнула.

– Неужели тебе так хорошо? – тихонько хмыкнул он.

Ее глаза – зеленая акварель на розовом – подернулись туманной дымкой.

– Да, мне очень хорошо, – прошептала она. В ее голосе не было и тени сомнения.

Мужская рука в порыве нежности потянулась к покрасневшей щеке женщины.

– И мне хорошо, Хейли.

Увлекая ее за собой, Тайлер откинулся на подушки, которые они успели стащить на пол с дивана. Любовники нежились перед камином. Хейли оперлась на локти и, вытянув-

шись во весь рост, склонилась над Тайлером. Он задумчиво гладил ее руки и плечи.

– Я так боялась, что окажусь – как бы это сказать? – неумехой... В общем, окажусь ни на что не годной...

Тайлер заставил ее замолчать, положив на губы Хейли указательный палец.

– Ты была бесподобна. – Вглядевшись в ее недоверчивые глаза, он тихо добавил:

– Для тебя крайне важна оценка со стороны. Но почему? Ведь у тебя все прекрасно получается. К тому же ты очень красива.

– Я никогда не была красавицей. Во всяком случае, пока не встретила тебя, – тихо вздохнула она. Однако в ее голосе прозвучали нотки благодарности.

Его палец медленно путешествовал по лбу Хейли, от виска до виска, ведя невидимую черту вдоль линии волос.

– Ты всегда была красивой, только не догадывалась об этом. И какой идиот вбил тебе в голову, что ты некрасива? Какой-нибудь мужчина?

– Нет, – произнесла Хейли медленно и застенчиво. – Не то чтобы мне сказал об этом какой-то конкретный мужчина. Просто я никогда не ощущала...

– Ты хочешь сказать, что виноват весь род человеческий? Что все вокруг заставляли тебя чувствовать себя отверженной? Ну уж нет, Хейли, такими байками ты меня не заморочишь. Согласен, в твоей ранней юности был, наверное, год-

другой, когда тебя вряд ли можно было назвать знойной красоткой. Но разве не все мы бываем в какой-то период гадкими утятами? Нет, этот комплекс определенно зародился в твоей душе задолго до юношеских лет.

– Должно быть, ты прав, – нерешительно согласилась она, окидывая мысленным взором свое отрочество. – С меня никогда не сдували пылинки, меня никогда не баловали, как Элен. Я всегда была большой. Старшей. Моей извечной задачей было подавать сестре хороший пример. Элен было легче – ей быстро прощали все проступки, ее почти никогда не наказывали, потому что она совершенно не переносила наказаний. Она продолжала дуться и дичиться до тех пор, пока папа с мамой не начинали чувствовать себя преступниками за то, что в минуту раздражения позволили себе легонько шлепнуть ее. А я все наказания переносила стойко, ни разу не показав, как мне тяжело. Вероятно, в этом и заключалась моя ошибка.

Так уж у нас в семье сложилось, что Элен всегда была всеобщей любимицей, – продолжила Хейли со вздохом. – Шаловливость только играла ей на руку – эдакий очаровательный чертенок. А я была всего лишь послушной девочкой. Тихой, незаметной. Иной раз говорят:

«Чем сильнее колесо скрипит, тем лучше его смазывают». Очень меткая пословица. Во всяком случае точно по ней наши родители строили отношения со мной и моей сестрой. Я никогда никому не создавала хлопот, вот на меня и не обра-

щали внимания.

– Не понимаю, как можно было тебя не замечать, – удивился Тайлер. Взгляд влюбленного остановился на груди Хейли, которая обольстительно подрагивала прямо перед его глазами. – И куда только смотрели мужчины?

Хейли невесело усмехнулась:

– Когда в старших классах школы ты чуть ли не на десять сантиметров выше всех мальчишек-сверстников, нелегко завоевать их внимание. Во всяком случае, в качестве секс-символа. Потом я поступила в колледж, но в то время мне пришлось много ухаживать за родителями. Учеба, домашние заботы... Тут уж было не до знакомств и вечеринок. А когда я получила диплом и устроилась на работу...

–..То сразу же воздвигла вокруг себя высокую стену, непроницаемую для стрел Амура. И держалась с мужчинами так, что ни один джентльмен, даже в самом романтическом настроении, не смел приблизиться к этой стене на пушечный выстрел.

С чарующей улыбкой она посмотрела на него из-под полуопущенных ресниц и стыдливо пробормотала:

– Но ты-то преодолел эту преграду. Тайлер искренне расхохотался – это признание явно польстило ему. Понизив голос, он проворковал тоном заправского обольстителя:

– Мне так нравится, когда ты говоришь скабрёзности.

И Хейли, небрежно откинув волосы назад, беззаботно засмеялась вместе с ним. Вряд ли она отдавала себе отчет в

том, насколько возбуждающе выглядит в эту секунду.

Насмеявшись вдоволь, Хейли отвела глаза в сторону и несмело попросила:

– Научи меня, Тайлер... Научи, как... Я хочу доставить тебе настоящее удовольствие.

Он молча глядел на нее, думая, что уже изведаль то, о чем многие мужчины могут только мечтать. Ее растрепанные волосы, блестящие глаза, кожа, окрашенная сполохами пламени, бьющегося в очаге, в нежно-золотистые тона, – все это соединилось в гармоничном образе женщины, настолько утонченной и привлекательной, что Тайлеру оставалось только жалеть об отсутствии таланта поэта или художника, который позволил бы ему запечатлеть этот образ на века для грядущих поколений.

Но нет! Из этого все равно ничего не получилось бы. Дикая ревность помешала бы ему написать ее портрет или посвятить ей поэму. Он не хотел делить ее ни с кем. Наоборот, после сегодняшней ночи ему наверняка захочется спрятать ее в укромном месте, запереть на ключ, скрыть от посторонних глаз. Он всегда был жаден, эгоистичен, зорко охранял все, что ему принадлежало, трясся над накопленным. И все же с радостью отдал бы все в обмен на эту женщину. За ее душу, ее ум, ее тело...

Ее губы были припухшими и влажными от любви. Теперь Тайлер хорошо знал, на что они способны. Когда он впервые поцеловал Хейли, то натолкнулся на девичью неприступ-

ность. А сейчас ее рот сам открывался навстречу поцелуям Тайлера, с готовностью принимая их и отдавая назад невыразимое наслаждение. Удивительно, но ее губы дарили ему не только поцелуи. Из этих уст он не раз слышал меткие и острые замечания, компетентные и глубокомысленные суждения хорошо образованного человека. Эта женщина стимулировала не только его тело, но и разум, ни на минуту не давая ему расслабиться. Однако сейчас Хейли была настроена совсем на другое. Ей нужны были откровения иного рода.

Но как ей объяснить, что в ее сексуальности нет ни малейшего изъяна? Ему достаточно было всего одного взгляда на эту женщину, и он уже сгорал от желания. Ее груди были словно сочные плоды, созревшие для любви. Темно-абрикосовые соски манили своей нежностью. Ощущать их своими губами, ласкать языком – разве одно это не делало его счастливейшим мужчиной на свете? «Хейли, милая, неужели до сих пор ты не видишь, не осознаешь, какую гигантскую силу обрела над мужчиной?» – хотелось ему спросить возлюбленную.

– Считаю, что урок состоялся, – вымолвил Тайлер. – Ты уже доставила мне удовольствие.

– Но я хочу знать больше.

Он привлек Хейли к себе, чтобы поцелуем заглушить ее слова. Лицо Тайлера окунулось в волну ее волос. Казалось, ароматное облако целиком окутало его. Медленно шевеля губами, Тайлер словно откусывал маленькие кусочки сочно-

го персика. Его язык опять неторопливо исследовал рот Хейли, открывая все новые тайны, запоминая каждый укромный уголок.

Оторвавшись от нее, чтобы перевести дух, Тайлер не мог не поздравить себя. Он и в самом деле оказался неплохим учителем. Хейли быстро усваивала его уроки, более того, с выдумкой применяла усвоенный материал. Тело Тайлера сковала мучительная судорога – ему изо всех сил приходилось сдерживать себя.

Его губы неистово терзали ее шею, щеки, мочки ушей, и она повторяла все это за ним, демонстрируя при этом прекрасные способности. Проворный язык Хейли оказался поистине смертоносным оружием – он истязал Тайлера до тех пор, пока из его груди не вырвалось с хрипом ее имя. Только прижав изо всех сил эту неугомонную женщину к себе, ему удалось ее утихомирить. А заодно и передохнуть немного самому. Сейчас ему в первую очередь требовалось самообладание.

Однако каким-то необъяснимым образом его ладони оказались на упругих холмах ее груди. И, не в силах сдержаться, он начал ласкать их, ощущая, как наливаются горячей силой ее соски, трепещущие от желания. Лишь прикоснувшись к ним языком, Тайлер смог чуть-чуть умерить этот жар.

Он откинул голову на подушку, однако пальцы его будто по инерции продолжали совершать круговые движения. Хейли с любопытством смотрела на него.

– Я и это должна уметь? – спросила она.

– Да.

Оглядев его широкую грудь, она осторожно провела ладонью по курчавой растительности.

– Ты мне очень нравишься, Тайлер. Именно таким...

– Ты мне тоже... Ах, Хейли... Твердыми ногтями она слегка зацепила его сосок, и тот мгновенно словно окаменел. Затем Хейли начала осыпать его грудь поцелуями, пока ее губы не достигли возбужденного соска.

– Так, милая, так, – бормотал Тайлер в полузабытьи, в то время как нежный язык любимой ласкал его плоть.

Не дожидаясь более подробных инструкций, руководствуясь только собственным инстинктом и реакцией Тайлера на ее поцелуи, Хейли прильнула губами к полоске волос, сбегавшей с его груди на живот. Его руки погрузились в разметавшиеся густые пряди женщины. Как молитву он повторял ее имя после каждого нового поцелуя.

Не владея больше собой, Тайлер одной рукой притянул Хейли за бедро, а другой нащупал темно-каштановый треугольник внизу ее живота. Его ладони начали действовать – их мягкое давление Хейли чувствовала словно изнутри. Сейчас он в буквальном смысле слова любил ее кончиками пальцев.

– Прошу тебя, Хейли, пожалуйста... Она прекрасно понимала, чего хочет от нее Тайлер. Любовь делала возможным все, даже то, что совсем еще недавно казалось невысказанным.

Хейли благоговейно дотронулась до его тела. Для нее этот человек по-прежнему олицетворял собой чудо, и она преклонялась перед ним. Он дарил ей жизненную силу, и ей захотелось вновь ощутить, как эта сила неистово бурлит внутри нее. Женщина легла на спину, давая понять партнеру о своем желании.

– Нет, – прошептал Тайлер, а она все теснее прижималась к нему:

– Да, любимый, да...

Он уже не был для нее учителем – теперь ему приходилось исполнять роль ученика. Тайлер честно пытался унять в себе желание, но она не позволила ему этого сделать. Безраздельно отдавшись во власть сжигавшей их обоих страсти, мужчина и женщина упивались друг другом, содрогаясь в любовных конвульсиях. Обессиленный, Тайлер упал на спину рядом с Хейли. На лице его было написано горькое раскаяние.

– Прости меня, любимая. Я знал, что сегодня уже сделал тебе больно. Честное слово, я не хотел делать этого во второй раз. Во всяком случае, не так скоро. Но не сдержался. Простишь ли ты меня теперь?

Хейли положила голову ему на грудь – туда, где гулко билось сердце, и обвила его руками.

– Я никогда в жизни не простила бы тебя, если бы ты сдержался.

– А тебе идет, – игриво усмехнулась она, выходя из-под

душа. Обмотав бедра махровым полотенцем, Тайлер пристально вглядывался в зеркало над раковиной. Его подбородок был намазлен кремом для бритья.

– Ты и сама неплохо смотришься, – заметил он, оглядев ее отражение в зеркале. В ответ Хейли с непередаваемым озорством сделала реверанс. – Только хулиганские выходки тебе не к лицу. Но если обещаешь мне в дальнейшем вести себя пристойно, то, так уж и быть, я открою секрет: больше всего мне понравилось стоять вместе с тобой под душем. Таких ощущений я никогда еще не испытывал – даже в самых буйных мечтах представить себе такого не мог. И как только мы с тобой не захлебнулись?

Проведя бритвой широкую дорожку от основания шеи до подбородка, Тайлер продолжил насмешливо:

– А ты, гляжу, еще не утратила способности краснеть. Признайтесь, мисс Эштон, несмотря на всю вашу кажущуюся разнузданность, в душе вы по-прежнему ханжа.

– Ты это говоришь серьезно? – с вызовом спросила она, обхватив его руками сзади, чем доставила ему несказанное удовольствие. – Что же еще мне прикажешь сделать, чтобы доказать тебе, что во мне не осталось больше ни капли стыда? – Кончики ее груди дразняще щекотали спину Тайлера.

Бритва была уже занесена над кадыком, однако он рассудительно предпочел не прикасаться ею к коже.

– Думаю, ты в состоянии сама что-нибудь придумать.

Внезапным движением руки Хейли сорвала с него поло-

тенце и швырнула на пол.

– Что тут скажешь? – пробурчал Тайлер с притворным осуждением, чувствуя, как Хейли прижимается к нему все теснее. – Ничего бесстыднее и в самом деле не придумаешь.

Однако, как оказалось, он заблуждался. Это было еще не все. Тонкие женские пальцы дотронулись до его пупка, потом скользнули ниже. Стиснув зубы, Тайлер со свистом втянул в себя воздух. Бритва с грохотом упала в раковину. Молниеносно повернувшись, обнаженный мужчина подхватил Хейли под ягодицы, едва не оторвав от пола. Забыв о бритье, он уткнулся лицом в ложбинку между ее грудей, еще горячую и влажную после душа.

– Если дело пойдет так и дальше, я долго не протяну: умру нестарым, зато удовлетворенным, – пробормотал Тайлер. От пьянящей своей нежностью ложбинки жадный рот отправился в путешествие вниз по женскому телу, оставляя пылкие поцелуи на всех его соблазнительных изгибах.

Внезапно Хейли с криком вывернулась из мужских рук. Ему было хорошо известно, как она кричит во время любви. Однако тут явно было что-то другое. Он поднял на нее взгляд, полный тревоги.

– Тайлер, – глядела она на него глазами, в которых стояли слезы. – Твой крем для бритья – с ментолом?

– Ничего, я с тобой еще расквитаюсь, – предупредила Хейли, замахнувшись на него металлическим венчиком, ко-

торым взбивала яйца в миске. Придя на кухню, где она готовила сытный завтрак на двоих, Тайлер имел неосторожность осведомиться, как чувствует себя леди после душа. Широчайшая улыбка, с которой он задал этот вопрос, только усугубила ситуацию.

– Подумать только, стоит и смеется во все горло! Нет бы помог смыть эту гадость.

– Прости меня, Хейли, – проговорил он тоном кающегося грешника, хотя в его глазах все еще прыгали озорные огоньки. – Вот уж никак не думал, что такое может случиться. Ей-богу, я не нарочно. Честное бойскаутское.

Его покаяние вызвало у нее только недоверчивую усмешку.

– Смирение тебе не идет, – фыркну-ка она. – А вот наглость, навязчивость и самодовольство – совсем другое дело. У меня есть подозрение, что ты родился с набором этих замечательных качеств. Ладно уж, прощу, но только в том случае, если накроешь на стол.

– Отлично, но сперва – самое главное. – Подойдя к ней вплотную, Тайлер заключил ее в медвежьи объятия и поцеловал с таким неистовством, будто не было долгих ночных часов, проведенных ими вместе в спальне.

Ночью, перебравшись с покрывала перед камином на широкую кровать, они договорились, что будут спать. Однако эта клятва ничего не стоила – ни один не мог сомкнуть глаз. Предложение Тайлера соблюдать умеренность и осто-

рожность с учетом того, что Хейли только-только утратила девственность, так и осталось благим пожеланием.

А теперь, утром, они с удвоенной энергией целовались и ласкали друг друга. Каждое прикосновение только сильнее распяляло их. Лишь едкий дым от масла, загоревшегося на раскаленной сковороде, привел обоих в чувство. Отчистив и вымыв сковороду, они решили больше не отвлекаться, и завтрак в конце концов был приготовлен.

Взяв со своей тарелки последний кусочек бекона, Хейли сунула его в рот Тайлеру. Еще не прожевав, тот объявил:

– Мне надо позвонить в Атланту насчет кое-каких дел. Не заскучаешь, пока я буду болтать по телефону? – Он облизал ее пальцы, на которых остался растопленный жир. Потом внимательно осмотрел их и, сочтя, что они еще недостаточно чисты, повторил процедуру.

Хейли зачарованно наблюдала, как ее пальцы один за другим погружаются в этот красивый рот. Облизывая тонкие женские пальчики, он слегка покусывал их, и от этого сердце сладко замирало у нее в груди. Она уже придумала, что ответить, но язык отчего-то не повиновался ей.

– Я... э-э-э... Наверное, я приберусь на кухне.

– Если что понадобится, позови, – прошептал Тайлер, снова целуя ее.

Двадцать минут спустя она заглянула в спальню, где обнаружила его сидящим на краешке кровати. С сосредоточенным видом он слушал того, кто продолжал разговаривать с

ним по телефону.

– Все это хорошо, и тем не менее кто-то там у вас наломал дров, – произнес наконец Тайлер. – Выясните, где произошел сбой, и завтра в это же время доложите мне. Кстати, тогда же сможете представить свои соображения насчет того, как нам теперь оправдаться перед клиентом.

Не говоря больше ни слова, он бросил трубку. Хейли стало жалко служащего, который только что получил взбучку.

– Проблемы? – тихо спросила она, проведя рукой по волосам Тайлера.

– Да, – рассеянно буркнул он, но в следующую секунду, словно только что заметив присутствие любимой, усадил ее к себе на колени. – А ну их всех к чертям собачьим. – Тайлер одернул на ней свитер, чтобы лучше был виден ее бюст, и, судя по всему, результатом остался доволен.

– Когда тебе нужно возвращаться?

– Не знаю, – ответил Тайлер все так же рассеянно, по-прежнему, казалось бы, занятый ее свитером. Заглянув ей в лицо, он оживленно улыбнулся:

– Но если мы собираемся задержаться, то лучше мне прямо сейчас сбегать в аптеку за витаминами. Мужчине моего возраста такого сексуального марафона без допинга не выдержать.

– Да уж, – с притворным сожалением вздохнула Хейли, – старенький совсем. Вон и седина пробивается, – взъерошила она пальцами серебристые колечки волос у его виска. –

Огонь потух, и силы на исходе...

Тайлер крепко сжал ее свободную руку. – Послушай, Хейли, мне надо тебе кое-что сказать. Давно надо.

Его слова были отрывистыми, а лицо настолько серьезным, что у нее от дурного предчувствия сжалось сердце. В чем он ей хочет признаться? В том, что у него четверо побочных детей? Что он не так богат, как прикидывается? Хранит деньги мафии? Да в чем же, черт возьми? Но что бы там ни было, она не покинет его! С ним она готова на любые лишения, любые испытания. Пусть будет все, что угодно, но только не проблемы со здоровьем. Только не это! Умоляю тебя, господи. Ее пальцы продолжали любовно гладить его висок.

– В чем же дело, Тайлер? – участливо спросила она.

– У тебя чертовски красивая попа. Отпихнув его, Хейли вихрем слетела с колен проклятого шутника. Выхватив из-под покрывала подушку, она принялась тужить его по голове, не обращая внимания на смех, мольбы о пощаде и поднятые руки.

– Ну что, рыжик, попал я в точку, а?

Но самое главное – то, что я сказал тебе чистую правду!

– Красивая, говоришь? Что ж, пойду в таком случае покрасуюсь перед соседскими ребятами. – Кинув на постель подушку, она решительно направилась к двери.

– Эй, куда ты?

– За твоей дочерью, – бросила она через плечо, не оборачиваясь. И двинулась дальше, вертя перед его глазами той

частью тела, туго обтянутой джинсами, которой он так восхищался. – Можешь нас не ждать. По всей вероятности, мы к тебе не вернемся.

– Вернетесь, никуда не денетесь! Причем ты вернешься первая, потому что больше уже не сможешь жить без моего тела, – прокричал он ей вслед.

Хохоча от души, Хейли захлопнула за собой входную дверь. В мгновение ока мир снова переменился, наполнившись солнечным светом:

Ноги словно сами несли ее по усыпанной гравием дорожке к дому Харперов. Накануне вечером, выйдя из ресторана, они с Тайлером сразу определили, где стоит этот дом. Странно, отчего вчера ночью ее охватил такой страх при мысли о том, что могут подумать о ней Харперы, когда Фейт скажет им, что Хейли вовсе не миссис Скотт? Теперь, вспоминая об этом, она не испытывала абсолютно никакого беспокойства.

То, что она отдала Тайлеру, было подарком любви. И сейчас никто не в силах был вывести ее из того состояния неземного блаженства, в котором она пребывала. Конечно, Хейли не настолько наивна, чтобы всерьез верить, что это чудо останется с ней навечно. Она не первая женщина в жизни Тайлера и, уж конечно, не последняя. Однако пока остается с ним, она постарается получить все свое сполна – до последней капельки. В жизни такое случается только раз. Она никогда никого не полюбит так, как любит сейчас Тайлера, – уж в этом-то у нее не было ни малейшего сомнения.

Хейли будто на крыльях пролетела те полмили, которые отделяли дом Тайлера от жилища Харперов. Миссис Харпер была сама любезность. В радушном приеме, оказанном ею госте, не было даже намека на брезгливую холодность, натолкнуться на которую сначала так боялась Хейли.

– Ваша Фейт просто чудо, а не ребенок, – затараторила хозяйка особняка с порога. – Они с Ким обменялись адресами, чтобы заранее списаться перед новой встречей. Мы живем в Эйшвилле, но часто навещаемся сюда на выходные. Надеюсь, они еще не раз здесь встретятся.

– Я тоже надеюсь. Спасибо вам большое, что пригласили ее к себе.

Расставание Ким и Фейт было на редкость эмоциональным. Девочки поклялись регулярно писать друг другу письма. Фейт понуро отправилась домой, но по дороге постепенно ожила. Ведь ей нужно было так много рассказать своей старшей подруге.

– У нее мама – такая милая! Ну я просто умираю от восторга. Она подарила Ким целую гору косметики, которая самой ей больше не нужна. Так мы все перепробовали! Ты представляешь? Правда, пришлось пообещать, что мы все это смоем, когда будем ложиться спать. И еще мы играли в «Атари», но не очень долго. А в основном, конечно, слушали записи и болтали. Ой, до чего же хорошо там было!

– Понравилось, значит? – иронично произнесла Хейли. Фейт не сразу различила в ее голосе насмешливую нотку, но

уже через секунду, пытаясь скрыть смущение, повисла у подруги на шее. Обе рассмеялись.

– Ага, понравилось. Только по тебе и папе соскучилась.

Хейли была потрясена тем, как легко сочетаются в устах ребенка эти два слова: «Ты и папа». Одно целое.

– Честно? – спросила она девочку. От волнения голос у нее сел, и вопрос прозвучал отрывисто.

– Честно. Родители у Ким очень хорошие. Но разве они такие классные, как вы у меня – ты и папа? К тому же мама ее совсем не такая красивая, как ты.

– Спасибо за комплимент. Но о человеке нельзя судить по его внешности. Пора бы тебе это знать.

– Да знаю я. Но не могу же я заставить себя не замечать разницы между тобой и ею.

Хейли подмывало спросить Фейт, что девочка рассказала о ней в гостях. Знают ли Харперы, что она и Тайлер не женаты? Однако ей так и не удалось заставить себя задать такой вопрос.

– Кто бы это мог быть? – полюбопытствовала Фейт, обратив внимание Хейли на машину, стоявшую на подъездной дорожке, дугой изгибавшейся у крыльца их дома.

У Хейли тут же упало сердце, стали ватными ноги. Элен... Как же ей удалось отыскать их? И что ей вообще здесь нужно?

– Это машина моей сестры. – Она выпустила руку девочки и открыла входную дверь. Фейт вошла первой, но, едва пе-

решагнув порог, остановилась как вкопанная. В следующую секунду, пораженная, замерла на месте и Хейли.

Элен и Тайлер стояли в гостиной перед камином, теперь уже холодным и серым от золы. Руки Элен лежали на плечах Тайлера. Его ладони сжимали ее талию. Два тела словно приклеились друг к другу – такова была сила соединившего их поцелуя.

Услышав, как отворилась дверь, Тайлер оттолкнул Элен от себя. Та стояла, хлопая глазами, но потом посмотрела в ту же сторону, куда был направлен удивленный и виноватый взор мужчины. В глазах Тайлера Хейли увидела глубокое сожаление. Или это было раскаяние? Ей показалось, что она заглянула в глубокую разверзшуюся пропасть, угрожающую поглотить ее.

– Привет, Хейли, – весело чирикнула Элен.

– Заткнись! – рявкнул на нее Тайлер. – Послушай, Хейли...

– Пошел к черту, – произнесла она со зловещим спокойствием и повернулась, чтобы пойти в свою спальню. Важно было как можно скорее побросать в чемодан свои вещи и убраться из этого дома, пока силы не окончательно оставили ее.

– Хейли, постой! – приказал Тайлер. Однако та и не думала подчиняться. Наоборот, она ускорила шаг, с трудом переставляя ноги, будто налившиеся свинцом. Тогда он бросился вдогонку и настиг Хейли у самой двери, вцепившись ей

сзади в плечи.

– Отпусти! – крикнула Хейли, выворачиваясь из мужских рук. Однако железные пальцы не выпустили ее.

– Нет. Я знаю, что ты сейчас думаешь. Уверяю тебя, ты заблуждаешься, и очень сильно. Ты все поймешь, только выслушай меня.

– Ты не можешь знать, что я думаю! – Она словно плюнула ему в лицо.

– Еще как знаю! Задранный вверх подбородок и прямая спина, вся поза – будто ты аршин проглотила – красноречивее слов. Это значит, что ты вбила себе что-то в голову, и этой ерунды никому никакими силами оттуда уже не вышибить. Но на сей раз, клянусь богом, ты выслушаешь меня. Выслушаешь все, что я собираюсь рассказать тебе о случившемся!

– Мне вполне достаточно увиденного – все и без твоих слов понятно.

Тайлер прошипел сквозь зубы грязное ругательство, но ее не выпустил. Прижатая к стене, она не могла пошевелиться, однако ее зеленые глаза, казалось, готовы были испепелить подлого изменника. Потом она умрет от горя. Но это будет позже, а сейчас ею овладело слепое бешенство.

– Ты получил сполна все, что хотел. Ночью. Операция «Обольщение» успешно завершена. Теперь вперед, покорять новые высоты. Штурмы, игры, победы... Разве не из этого состоит вся твоя жизнь? Что ж, поздравляю. В этой игре ты

победил. А меня, проигравшую, отпусти!

На мгновение гнев в его глазах уступил место боли.

– И это все, что ты можешь сказать о нас? – прошептал он еле слышно. Ее до глубины души потрясло разочарование, сквозившее в этом шепоте.

Но уже в следующую секунду его взгляд снова был холоден как сталь.

– Элен! – проорал он.

– Что? – буркнула Элен, продолжавшая стоять у камина, держась на почтительном расстоянии от этих двух участников бурной сцены.

– Подойди сюда.

– Зачем?

– Иди сюда, говорят тебе! – зарычал Тайлер как бешеный зверь. На сей раз Элен не посмела послушаться. Как только она приблизилась к ним, Тайлер, по-прежнему прижимая одной рукой Хейли к стене, другой ловко заарканил Элен и подтащил к себе вплотную.

– Расскажи ей, зачем ты пожаловала сюда.

Большие зеленые глаза Элен остановились сперва на Тайлере, потом на Хейли. Облизнув губы, она выдавила из себя:

– Я приехала, чтобы попросить у него взаймы.

Хейли вся обмякла, однако Тайлер даже не подумал ослабить свою железную хватку. На какое-то время исчезло все: и Тайлер, и холодная жесткая стена, которую она ощущала всем позвоночником еще минуту назад. Хейли с ужасом и

отвращением смотрела на свою сестру.

– А ну-ка повтори, зачем ты приехала? Нижняя губа Элен задрожала:

– Меня выгнали с работы, Хейли. Из-за пустяка: на прошлой неделе я пропустила несколько дней, потому что плохо себя чувствовала. Нашли, к чему придраться... Когда сегодня утром я пришла на работу, мне велели освободить рабочее место. Они были так злы со мной. – Теперь она уже рыдала на полную катушку.

– Но при чем тут Тайлер? Почему ты у него решила просить займы?

Элен шмыгнула хорошеньким носиком, и крупные слезы повисли на ее длинных ресницах, как капли росы:

– Я поначалу к тебе собиралась. Явилась в «Серендипити», а там говорят, что вы вместе сюда поехали. Вот я и отправилась следом за вами.

– Но я же дала тебе денег на прошлой неделе, Элен. К тому же тебе должны выплатить выходное пособие.

Бросив опасливый взгляд на Тайлера, младшая сестра вновь подняла глаза на Хейли:

– Мне так много нужно было купить. Я задолжала за квартиру. За целый месяц. Теперь квартирная хозяйка грозит выселить меня. Пособия мне не видать. Все, что мне полагалось, я уже получила как страховку за те дни, когда болела. А на новой работе, даже если я устраюсь прямо сейчас, все равно придется несколько недель ждать, пока мне хоть что-

то дадут. Но деньги-то нужны сегодня! А у него денег куры не клюют. Разве не так, Хейли? – кивнула Элен в сторону Тайлера. – Я прекрасно знала, что он может дать мне займы и уже завтра забыть об этих жалких грошах. Ведь для него это мелочь. Когда я узнала, что вы вместе, мне и пришло в голову, что лучше просить о помощи не тебя, а его.

– О Господи... – Хейли стояла, закрыв глаза от стыда за свою бессовестную сестрицу. Странно было даже подумать о том, что у одних и тех же родителей бывают столь разные дети.

– И про поцелуй скажи, – напомнил Тайлер тихо, с угрозой в голосе.

– Он не отказал мне... Он сказал, что вместе мы наверняка что-нибудь придумаем...

Тайлер так дернул Элен за руку, что Хейли удивилась, как он не сделал ее сестру однорукой. Глаза Элен стали еще больше, а лицо смертельно побледнело от испуга.

– Правду говори!

– Хейли, я... Ты не обидишься, если... Знаешь, я ведь только пошутить хотела...

– Когда ее слезные просьбы ни к чему не привели, она решила сменить тактику. Повесилась мне на шею и начала лезть с поцелуями. В этот-то момент ты и появилась. – Рассказывая о случившемся, Тайлер смотрел прямо в глаза Хейли. Затем, оглянувшись на Элен, он бросил ее руку с такой безразличностью, словно хотел избавиться от какого-то гадко-

го насекомого.

– Убирайся! – это слово камнем упало в наступившей тишине.

– Убраться – мне? – переспросила Элен, оторопев. – Но вы не можете...

– Можем, и еще как! Ты слышала, что тебе сказано? Убирайся!

– Хейли! – взмолилась Элен, уже не обращая на него внимания. – Ты обязана помочь мне. – Теперь она скулила, как побитая собачонка.

– С какой это стати? – немедленно вмешался Тайлер. – Лишь потому, что она исправно помогала тебе до сих пор? Те времена прошли, Элен. Наступили новые. Короче говоря, отправляйся к себе в Нэшвилл и жди от меня уведомления. Надеюсь, ты сможешь вписаться в сплоченный коллектив одной небольшой фирмы, которой я владею в Балтиморе.

– В Балтиморе?! Но это же...

– Совершенно верно, достаточно далеко. Чтобы ты не моталась каждый день к Хейли за подачками. А теперь прошу тебя, сматывайся отсюда подобру-поздорову, пока я не надавал тебе подзатыльников, которых ты немало заслужила за свою разгильдяйскую жизнь.

– И ты позволишь ему вот так поступить со мной? – удивленно спросила Элен старшую сестру.

Хейли подняла голову. Никогда в жизни она еще не чувствовала себя такой униженной.

– Мне наплевать на тебя, Элен. Делай что тебе заблагорассудится. Об одном умоляю, оставь меня в покое.

Личико Элен сморщилось, как у готового разреветься ребенка.

– Ах вот как? Тогда знай: ты всегда была сухарь и злюка! И еще паинька! Аккуратненькая, послушненькая Хейли... Никогда воды не замутит... Да только никто тебя не любил. Все любили только меня! Меня! – Она подбежала к входной двери и распахнула ее настежь. – Даже ему я нравлюсь больше, чем ты! Конечно, сейчас он в этом не сознается, но он целовал меня! – Дверь с треском захлопнулась. Через пару секунд взревел двигатель машины. Еще через секунду наступила тишина.

Безмолвие, которое не предвещало ничего хорошего, воцарилось в доме, Хейли слышала даже, как тикают часы на запястье Тайлера, – он все еще не отпускал ее. И зря тратил силы. Боевой дух давно покинул измученную женщину. Ей казалось, что из нее вынули все внутренности. Теперь она не была даже человеком. Так, человеческая оболочка. И если бы Тайлер не удерживал ее у стены, она скорее всего просто рухнула бы на пол. День, начавшийся в атмосфере безоблачного счастья, принес ей только горе и отчаяние.

– Она врет, Хейли.

– Это уже не имеет никакого значения.

– Нет, имеет, – легонько встряхнул он ее.

Она устало покачала головой:

– Нет. Все было не правильно с самого начала, поэтому и пошло наперекосяк. Я прекрасно поняла, чего ты от меня добивался. Теперь ты получил все, что тебе было нужно. Остальное – только притворство. Это не принесет добра ни тебе, ни мне, ни Фейт...

Внезапно умолкнув, Хейли встрепенулась, осознав, какая безобразная сцена только что разыгралась на глазах у перепуганного ребенка. Заглянув Тайлеру за спину, она обвела глазами всю гостиную. Девочки нигде не было видно.

– Фейт? – тихо позвала Хейли. Отпустив ее, Тайлер сам принялся озираться по сторонам. Глаза его с такой же точно настороженностью ощупывали каждый уголок комнаты. Поняв друг друга без слов, они разделились. Хейли начала обыскивать кухню и подсобные помещения в задней части дома. Тайлер же осмотрел спальни, а затем обежал несколько раз вокруг дома, заглянув заодно и на берег озера.

Снова встретившись в гостиной, они прочитали во взгляде друг друга один и тот же немой вопрос. Их глаза, поначалу выражавшие тревогу и надежду, быстро потухли, ничего утешительного найти не удалось.

– Ушла... – это было единственное, что смог вымолвить ошеломленный и растерянный Тайлер.

Глава 11

Хейли испуганно поднесла ладонь ко рту.

– Боже правый, Тайлер, на нее, должно быть, произвело жуткое впечатление то, что ей пришлось здесь увидеть и услышать.

– Да уж, пожалуй, – согласился он, нервно запустив пальцы в волосы. – Мы с Моникой редко бывали взаимно вежливы. Фейт частенько видела, как мы орали друг на друга. Когда-то я поклялся, что она никогда не увидит подобных сцен, никогда больше не испытает того смятения и страха... Черт! Хорошо, что эта сука успела унести ноги. Ее счастье, а не то я бы пришиб ее на месте.

– Но нельзя же во всем винить Элен.

– Не вздумай защищать ее! – тут же вспылил Тайлер, грозно сверкнув глазами. – Пусть радуется – мы оба сделали ей великое одолжение, не тронув ее. О ней не беспокойся – уж она-то как-нибудь выкарабкается. Такие всегда выкарабкиваются. В первую очередь по головам дурочек, наподобие тебя.

Хейли потупилась. Опять он был прав. Сегодня Элен просто взбрыкнула, раскапризничалась словно избалованный ребенок, каковым, в общем-то, до сих пор оставалась. Однако, когда Хейли понадобится ей в очередной раз, она тут же пожалует к старшей сестре с признаниями в любви, причем

сделает это без колебаний. Выбросив мысли об Элен из головы, Хейли сосредоточилась на более серьезной проблеме, связанной с исчезновением Фейт.

– Но куда же, по-твоему, направилась наша девочка?

– Не знаю, – нервно отрезал Тайлер. – Мне непременно нужно найти ее, поговорить с ней. Она, судя по всему, очень расстроена, может быть, даже на грани срыва.

– Она не могла уйти далеко. Мы скоро ее найдем.

Тогда они еще не могли знать, что для такого оптимизма оснований совсем нет. А пока Тайлер решил искать дочь в лесу, начинавшемся сразу за домом. Хейли тем временем позвонила Харперам, вслед за чем отправилась искать девочку на берег озера. Обе экспедиции оказались бесплодными. Пришлось сесть в машину, чтобы обследовать местные дороги и лесополосы вдоль них. Что же касается игрового зала, то там Фейт никто не видел в течение всего дня. Заведующий секцией электронных игр заверил встревоженную пару, что не отлучался с рабочего места с самого открытия заведения, а потому просто не мог не заметить девочку, если бы та пришла поиграть.

– Как она, говорите, выглядит? – снова поинтересовался он на всякий случай. – Может, я других ребят поспрашиваю.

– Ей одиннадцать лет. Шатенка, волосы собраны в два хвостика. Глаза – такие же, как у меня, – начал перечислять Тайлер приметы дочери. – Высокая, худенькая, на зубах – скобы.

– А во что она, говорите, была одета?

– О дьявол! Да разве все упомнишь?

– На ней были джинсы и свитерок в синюю и красную полосу, – быстро пришла ему на помощь Хейли.

Поиски растянулись на несколько часов. С каждой минутой выдержка покидала Тайлера. Сама борясь в душе с паникой, Хейли пыталась хоть как-то успокоить его, однако он с раздражением отметал все ее банальные утешения. Теперь в исчезновении Фейт Тайлер винил только себя. Однако Хейли ощущала собственную вину в не меньшей степени, чем он. И хотя град взаимных упреков пока не обрушился на них, им уже тяжело было смотреть друг другу в глаза.

К четырем часам дня Фейт все еще не была найдена. Осталось одно – позвонить в местную полицию, которая вскоре и развернула полномасштабную поисковую операцию, прочесывая предгорья и озерные берега. Хейли случайно услышала, как дежурный сказал, что неплохо было бы протралить дно озера. От этого ей стало дурно. Хорошо хоть Тайлер не обратил внимания на указание полицейского, он в данный момент был занят тем, что диктовал детальное описание Фейт.

По мере того как сгущались вечерние сумерки, раздражение Тайлера росло. Он чуть ли не с кулаками набрасывался на окружающих. Правда, полицейские не обращали особого внимания на оскорбления, сыпавшиеся из его уст. По их разумению, именно так и должен был вести себя отец, потеряв-

ший ребенка. Хейли хотела обнять его, согреть, успокоить, но не знала как. Ей нечего было сказать ему в утешение: с Фейт могло случиться все, что угодно. Опасность подстерегала девочку на каждом шагу. И Хейли сжала волю в кулак. Не сделав этого, она уже билась бы в истерике.

Поселок давно окутала тьма, а они все ждали вестей от тех, кто продолжал поиски. Начальник поискового отряда велел Тайлеру и Хейли сидеть дома – на тот случай, если Фейт все-таки там объявится. «Если что узнаем, позволим», – было обещано им.

Уже в тысячный раз Хейли, беспокойно теребя сережку в ухе, оглядывала гостиную, ставшую вдруг неудобной, даже зловещей. Мертвая тишина давила на них обоих, была почти осязаемой. Телефон все молчал. Это было похоже на бессонную вахту. Нет, хуже, поправила себя Хейли. Это было похоже на ожидание в больнице, когда вот-вот должен появиться хирург с сообщением о том, как перенес близкий тебе человек сложную операцию. Жив он или его уже нет... Ничего нет хуже неизвестности.

Тайлер сидел на диване, отрешенно уставившись в пол. Локти уперты в колени. Голова опущена, волосы всклокочены. Тревога проложила вокруг его глаз и около рта глубокие морщины. Грязь и листья, прилипшие к ботинкам на толстой подошве, напоминали о безрезультатных поисках.

Невыносимо было видеть, как этот сильный и уверенный в себе человек превращается в подавленное и испуганное

существо. Весь день Хейли боролась с искушением приблизиться к нему. Прикоснуться, обнять, приласкать... Страдания Тайлера острой болью отзывались в ее собственной душе. Потому что она беззаветно любила этого мужчину.

Когда это чувство пришло к ней? Минувшей ночью, когда он овладел ею, не встретив с ее стороны ни малейшего сопротивления? Или чуть раньше, когда она решила отправиться с ним сюда провести этот неожиданный короткий отпуск? Нет, пожалуй, еще раньше. Но когда? А вдруг это чувство было в ней всегда и, затаившись, терпеливо дожидалось того времени, когда можно будет во весь голос заявить о себе? Она не помнила точно дня и часа, когда бессознательно остановила свой выбор на этом мужчине. Но что она доподлинно знала, так это то, что полюбила его. Очевидно, все началось с их первого разговора.

Так, значит, он и есть тот самый единственный, кого ждешь всю жизнь?

Неужели ее чувство зародилось еще тогда, когда эти холодные серые глаза гневно впились в нее и... Что еще? Определенно, она в тот день заметила в его лице еще что-то. То, что способно было изменить ее жизнь навеки.

Но не столь важно, что заставило ее полюбить Тайлера и когда именно она его полюбила. Главное сейчас заключалось в том, что Хейли безраздельно находилась во власти этого прекрасного чувства. Такова была действительность, и ничего нельзя уже было изменить. Это чувство целиком поглотило

ло ее, да так, что ей внезапно захотелось закричать от радости. Она и в самом деле вскрикнула. Тайлер, резко вскинув голову, уставился на нее. Хейли была поражена тем, какую муку выражало его лицо. В покрасневших глазах читалась отчаянная мольба, которая не могла оставить сердце женщины равнодушным.

– Хейли...

Мольба перестала быть молчаливой. Хейли явственно услышала ее. Кому, как не ей, было знать, чего стоило Тайлеру, этому гордецу и смельчаку, хотя бы косвенно признать собственную слабость. И все же он решился. Достаточно ему было лишь вполголоса пробормотать ее имя, чтобы Хейли безошибочно поняла: Тайлер нуждается в помощи.

Не колеблясь ни секунды, она вскочила с места и бросилась к любимому, чтобы заключить его в объятия.

– Тайлер, Тайлер, – шептала Хейли, садясь рядом и прижимая его голову к своей груди. В этом жесте не было страсти, только отчаяние. Ясно, что сейчас Тайлеру не до любовных утех. Он нуждался в утешении Хейли, как ребенок, как растерявшийся – в поддержке ближнего. Об этой потребности по-своему говорили его руки, сомкнувшиеся за спиной женщины.

Крепко обнимая Тайлера, Хейли заботливо поглаживала его плечи, пытаясь хоть немного снять напряжение, в котором пребывал мужчина. Наклонив голову, она целовала его виски, брови, слегка посеребренные волосы.

Хейли поняла, что безоговорочно уступит этому человеку все, что имеет. Она любит его так, что согласится вытерпеть от него даже самую страшную боль, какую еще не испытывала в своей жизни, даже самые ужасные оскорбления. Но ничего этого, к счастью, не требуется.

Сейчас ему нужно просто ее присутствие. Да, она действительно может ему помочь. Она готова отдать ему свои чувства, свои мысли, свою душу не задумываясь.

– Тайлер, – зашептала она снова, прижавшись щекой к его руке. – Я люблю тебя, Тайлер.

Хейли затаила дыхание. Несколько долгих секунд ни один из них не шелохнулся. Расслышал ли ее Тайлер? Был шокирован? Раздражен? Обрадован? Он медленно поднял голову – как раз в тот момент, когда ей уже казалось, что она больше не выдержит этой тишины и неподвижности. Взгляд его серых глаз пронзил ее словно острие рапиры.

Но прежде чем кто-либо из них успел произнести хоть слово, дверь черного хода, тихонько скрипнув, открылась. Щелкнула задвижка. Тайлер весь подался на этот звук, точно собака, почуявшая дичь. Уж не показалось ли ему? Однако сомнения развеялись, когда Хейли вскочила с дивана и, сжав руки в кулаки, сделала два неуверенных шага в сторону кухни.

На пороге комнаты появилась Фейт, усталая и перепачканная с головы до ног. На ее грязных щеках слезы проложили две светлые дорожки. Джинсы на коленях были разо-

рваны, в волосах – листья и обломки сухих веточек. Однако не ее внешний вид больше всего поразил Тайлера и Хейли. В глазах девочки горел огонь ненависти.

– Фейт, – тихо произнес Тайлер, облегченно расправляя плечи, – где ты пропадала?

– В лесу.

– Все это время? Ты что, не слышала, как мы тебя звали?

– Слышала. Только не отвечала. Потому что не хотела, чтобы вы меня нашли. И не хотела возвращаться сюда, к вам. Умереть – вот чего я хотела.

Это было сказано с такой откровенной тоской, что Тайлер, двинувшийся было навстречу Фейт, застыл на месте. Он смотрел на дочь непонимающим взглядом. Вся его поза говорила о полной растерянности: руки повисли как плети, рот приоткрылся. Ведь ему так хотелось подбежать к дочке, крепко обнять ее, удостовериться, что она жива и невредима, наконец-то дома, в полной безопасности. И вдруг – такая неприязнь. Тут действительно было от чего опешить. Тайлер обернулся к Хейли, ища у нее поддержки. На его взгляд женщина ответила точно таким же растерянным взглядом.

– Мы так волновались за тебя, Фейт, – заговорила Хейли с девочкой. – Твой папа чуть с ума не сошел. Мы уж тут обо всем передумали. Ведь с тобой все, что угодно, могло случиться.

– Не правда, вам наплевать на меня! – взорвалась Фейт. – Даже если бы я умерла, все равно наплевать! Я никому не

нужна. И маме не нужна была. Она только и талдычила мне, какая я дура и уродина. Ее интересовали только приятели и приятельницы, но не я!

Она накинулась с криком на отца:

– И ты тоже не хотел, чтобы я жила у тебя! Ты тоже меня ненавидишь! Об одном только думаешь: о работе своей, дурацких звонках и совещаниях. А я для тебя – обуза!

Теперь девочка вся сотрясалась от судорожных рыданий, ее худенькие плечики вздрагивали, а грудь ходуном ходила, не в силах вместить столько эмоций. У Хейли сердце разрывалось при виде этих недетских страданий, однако она не знала, как подступиться к Фейт. И тогда та первой заговорила с женщиной, которую до сих пор считала подругой. На Хейли словно огненная лава полились гневные обличения:

– Ты только притворялась, что любишь меня, а на самом деле ни капельки не любила. Я так надеялась, что ты будешь с нами жить, заменишь мне маму. Но ты даже улыбнуться моему папе отказывалась. Он только прикоснется к тебе, а ты уже вся белая стоишь и зубами клацаешь от страха или бесишься, будто собака тебя укусила. А если бы вместо этого обнимала его и целовала, то он, может, и попросил бы тебя жить с нами. Вчера вечером я наврала Харперам, что ты моя мать. Они все восхищались, какая у меня мама хорошая и красивая. И мне так хотелось, чтобы ты в самом деле была моей мамой...

Она подавилась слезами и конвульсивно всхлипнула.

– Но теперь уже не хочу, потому что никакая ты не хорошая. Наоборот, уродина. Если бы ты была хорошей с моим папой, он ни за что не стал бы целоваться с той девкой. Я ненавижу тебя! – Затем Фейт, едва не дымясь от бешенства, повернулась к Тайлеру:

– И тебя ненавижу! Всех ненавижу!

Горько рыдая, девочка вбежала в свою комнату и с грохотом захлопнула за собой дверь.

От былой растерянности Тайлера не осталось и следа. Он тотчас бросился следом за дочерью, однако Хейли успела поймать его за руку.

– Нет, Тайлер, не надо! Пусть выплачется как следует.

– Черта с два! Я ей покажу, как разговаривать таким тоном, тем более с тобой и мной. И за то, что я едва не рехнулся от беспокойства за нее, она тоже получит. Пора бы ей знать, что человек несет ответственность за свои поступки. Большая уже. А то, видите ли, сбежала, в лесу пряталась... Нет уж, милая, на сей раз от наказания тебе не отвертеться.

У Хейли помертвели губы, но ей все же удалось пробормотать непослушным языком:

– И что же ты с ней сделаешь?

– Отшлепаю по заднице.

– Нет! – жалобно закричала она, повиснув на его руке. –

Нет, Тайлер. Ей и так плохо...

– Мне тоже.

– Но ты же взрослый. А она ребенок, к тому же пережи-

ла настоящий стресс. Умоляю тебя, остынь. Она же еще не понимает.

– Зато теперь поймет, – стряхнул он ее со своей руки.

Услышав, как хлопнула дверь спальни Фейт, Хейли опрометью выбежала из дома. Ночной воздух был прохладен, однако она не чувствовала холода, когда бежала к озеру. Перед ее глазами расстилалась спокойная водная гладь, но сегодня без серебристой лунной дорожки. Небо было сплошь затянуто тучами. Волшебства оказалось не так уж много – хватило только на одну ночь.

Как могло все так разительно перемениться к худшему за столь короткое время? Или она до этого просто обманывала себя, оставаясь слепой и глухой к реальности? Может быть, ее любовь к Тайлеру – роковая ошибка? Влюбилась в мужчину, полюбила его дочь, а теперь получается, что эти двое, ставшие для нее самыми дорогими людьми на свете, оба страдают из-за того, что она вторглась в их жизнь.

Раньше она обвиняла Тайлера в том, что он использует Фейт, чтобы подобраться поближе к ней, Хейли. Но разве сама она не использовала тот же метод?

Разве не применяла Фейт для того, чтобы войти в жизнь отца этой девочки? Она настолько привыкла считать себя святой, что даже не понимала, что творит, пока не услышала гневную тираду, которую бросила ей в лицо Фейт. Хейли вздрогнула, вспомнив о страстной детской исповеди. Кто бы мог подумать, что человек, только вступающий в жизнь, так

страдает от несправедливости?

Под тяжестью мыслей о горестях, причиненных ею Тайлеру и Фейт, Хейли опустилась на гальку и застыла, уткнувшись лбом в согнутые колени. Сама того не желая, она вбила клин в отношения между отцом и дочерью. Тайлер так трепетно, так тщательно налаживал контакт со своей девочкой. Но Фейт осуждает отца за то, что он не женился на Хейли, хотя тот, судя по всему, и не задумывался о таком шаге. А Хейли становится виноватой в том, что сама недостаточно хорошо с ним обходилась. И в итоге все оказываются в проигрыше.

Ах как нескончаема была прошлая ночь, напоенная страстью! Тайлер шептал ей слова любви. Слова поэтически нежные и безрассудно смелые, даже шокирующие, которые одновременно приводили ее в экстаз и убаюкивали. Но он ни разу не сказал ей коротко и ясно: «Я люблю тебя». Хейли сама произнесла это. Но то, как он отнесся к ее признанию, навсегда останется тайной, потому что завтра утром она первым делом быстро соберет вещи и уедет отсюда. Потому что не может продолжать любовную связь с Тайлером, когда ставкой в игре становится счастье Фейт. И Тайлер тоже не может себе этого позволить.

Заставив себя подняться, Хейли понуро побрела обратно в дом. Дверь комнаты Фейт оказалась закрытой, однако изнутри доносилось приглушенное бормотание. Видно, у отца с дочерью продолжался разговор. Войдя в свою спальню,

Хейли по привычке плотно притворила за собой дверь. Холодное одиночество обступило женщину, однако это состояние вовсе не показалось ей странным. В одиночестве прошла почти вся ее жизнь. Разве что теперь, когда ей удалось ненадолго заглянуть в совершенно другой мир, ощущение пустоты было чуть более заметным, чем обычно.

Двигаясь словно автомат, Хейли умылась, разделась, разобрала постель. Ее тело и разум, утомленные до предела, настоятельно требовали отдыха. Конечно, следовало бы вовсе не ложиться. Ей было о чем подумать: сможет ли она и дальше работать в «Серендипити»? Как быть с Элен? Что делать с собственной жизнью, наконец, когда в ней больше нет Тайлера Скотта?.. И все же, не в силах противиться навалившейся усталости, Хейли без чувств рухнула в мягкую постель. Она попыталась было лежа рассортировать в уме проблемы, с которыми ей предстояло столкнуться в самом ближайшем будущем. Однако разум наотрез отказался ей повиноваться. Через пару минут после того, как ее голова коснулась подушки, Хейли уже спала.

Первое, что она увидела утром, было колено, обтянутое джинсовой тканью. Сонно моргая глазами, Хейли постаралась отогнать это видение, принимая его за остатки сна. Однако голубое колено продолжало упрямо торчать прямо перед ее носом. Сонный взгляд заскользил дальше, вдоль мускулистого бедра. Судя по конечной точке осмотра, колено

принадлежало мужчине. Еще бы, мужская сила так и выпирала из этих джинсов наружу...

Ее словно подбросило. Резко сев в кровати, Хейли натянула одеяло поверх тенниски с надписью «Серендипити – бурлящий океан».

– Ты что тут делаешь? – строго спросила она.

– Да вот сижу на стуле, гляжу, как ты спишь, – ответил Тайлер. Взъерошенный, он сидел, слегка ссутулившись. Глаза из-под насупленных темных бровей смотрели мрачно и задумчиво.

– Не смешно, – отрезала Хейли.

– А я и не пытался рассмешить тебя. Просто ты меня спросила, вот я и ответил.

– Как ты проник сюда? Вчера я заперла дверь на ключ.

– Пришлось поковыряться в замке. Слегка откашлявшись, Хейли осведомилась:

– А Фейт? Как она?

– Нормально, – заверил ее Тайлер, улыбнувшись, наверное, впервые за все утро. – Если честно, то она просто мировая девчонка.

Хейли почувствовала, как у нее снова першит в горле и на глаза наворачиваются слезы. Слава богу, ей не придется казниться за то, что она разрушила отношения между отцом и дочерью.

– Ты в самом деле отшлепал ее?

– Отшлепал, – торжественно подтвердил Тайлер. – И еще

заставил позвонить в полицию и извиниться за то, что она поставила всех на уши. А потом мы с ней поговорили. Знаешь, в чем она мне призналась? Она сказала, что давно уже мечтала о том времени, когда я надаю ей по заднице. – Он горько рассмеялся. – А то, говорит, не верила, что я люблю ее. Представляешь, Хейли? У меня это просто в голове не укладывается. Но она утверждает, что ей было нужно именно такое доказательство любви.

Хотя, – продолжил «строгий отец», – кажется, я ее понимаю. Чего еще ожидать от ребенка, чья мать интересовалась только расписанием светских мероприятий, а отец целиком ушел в свой бизнес? От ребенка, которого ни разу в жизни не вывозили на пикник? Она говорила, что ее никто не любит, а я твердил, что любят, причем любят по-настоящему. И буду твердить впредь, всю жизнь. Конечно, с ней еще не все в порядке. Но мне кажется, что кризис уже миновал. Прошлой ночью.

Улыбнувшись, Хейли склонила голову. Но он продолжал пристально смотреть на нее, отчего ей стало немного неуютно. Нервно закусив нижнюю губу, она посмотрела в сторону.

– Так что же тебе здесь нужно? Проигнорировав вопрос, Тайлер сам спросил ее:

– Помнишь, что ты сказала мне вчера, как раз перед возвращением Фейт? Что касается меня, то я хорошо запомнил твои слова. Скажи, это серьезно?

На какую-то долю секунды Хейли позволила себе поднять

на него глаза, однако тут же опустила их, принявшись рассматривать обшитый атласом край одеяла. А затем с напускным равнодушием произнесла:

– Какая разница? Теперь это не имеет никакого значения.

Он поднялся со стула и угрожающе надвинулся на нее, протянув к ней руки. Матрас заскрипел и прогнулся под его коленом. Сжав в кулаке ее волосы, Тайлер заставил Хейли запрокинуть голову. Она испуганно и в то же время зачарованно смотрела ему в лицо.

– У тебя есть очень скверная привычка: про некоторые вещи ты говоришь, что они не имеют никакого значения, в то время как на самом деле они имеют значение, причем немалое. – Она опять ощутила устрашающую мощь его воли – совсем как тогда, в медпункте, когда Тайлер хотел знать, что случилось с Фейт. Все его существо требовало ответа, когда он повторил:

– Ты это серьезно мне сказала?

– Да.

Его рот приник к ее губам требовательно и дразняще. Язык мужчины сначала действовал осторожно, раздвигая губы, будто исследуя их. Но это была только прелюдия поцелуя. Потом его движения стали все смелее, решительнее... Хейли едва не задохнулась от нахлынувшего возбуждения. Когда Тайлер оторвался от нее, она обессиленно откинулась на подушки, отчаянно ловя ртом воздух.

А он склонился над ней, положив одну руку поперек ее

живота.

– Ночью, после разговора в спальне, Фейт загорелась желанием как можно скорее извиниться перед тобой. Все, что она тебе наговорила, – чушь собачья, и девочка хочет, чтобы ты знала это. Мы с ней наведались к тебе, но ты уже спала. Вот тогда-то нам с ней и пришло в голову, что ты заслуживаешь не только извинений. Сегодня она хочет сказать тебе о том, как много ты значишь в ее жизни.

Хейли затрясла головой, уставившись невидящим взглядом на измятый край простыни, который нервно теребила дрожащими пальцами.

– Я уезжаю, Тайлер. Думаю, так будет лучше.

– Для кого? – спросил он, приподняв ее подбородок. Его серые глаза смотрели на нее немигающим взглядом.

– Для всех нас.

– Нет. Во всяком случае, не для Фейт. И не для меня.

– Я думаю...

– Вы слишком много думаете, мисс Эштон, и в этом ваша главная беда. – Тайлер снова поцеловал ее. В этом поцелуе недоставало дикой страсти предыдущего, но был он гораздо слаще. Подняв голову, Тайлер снова пронзил ее острым как клинок взглядом, очень похожим на тот, которым он смотрел на Хейли прошлым вечером, когда она сказала, что любит его.

– Ты заговорила о любви, Хейли, но я не был готов к этому разговору. Конечно, мне следовало первому сказать тебе...

Однако так уж получилось, что я этого не сделал. Во всяком случае, не высказал это признание словами. Но ведь ты и без того знаешь о моей любви к тебе, разве не так?

Ее разум отказывался воспринимать это объяснение, а потому она замотала головой.

– Но как же так, Хейли? – искренне удивился Тайлер. – Почему же, по-твоему, я так настойчиво, не боясь показаться смешным, преследовал тебя? Почему не мог и нескольких часов прожить, не видя тебя?

– Ты заставил меня поверить в то, что заинтересован в победе чисто физического свойства и ни в чем другом, – ответила Хейли, теребя теперь пуговицы на его рубашке. Одна за другой они начали выскакивать из петель.

– Может, поначалу так оно и было. Но во время той деловой поездки в Атланту я понял, что, однажды встретив тебя, я уже не смогу спокойно жить. Тогда мне стало ясно, что ты для меня не просто очередное мимолетное увлечение. А если точнее, я понял это сразу по возвращении, когда получил от тебя хороший урок вежливости. – С нежной улыбкой он снова взял ее за подбородок. – Я люблю тебя, Хейли. Обещай же, что выйдешь за меня замуж.

– Тайлер, – выдохнула она, обвивая его шею руками. Ее поцелуи были страстными, смелыми, бесстыдными. – Я люблю, люблю, люблю тебя. Мне так давно хотелось сказать это тебе!

– Давно – это сколько? – поинтересовался он, не отрывая

губ от атласной кожи ее шеи.

– Наверное, с того самого момента, как я увидела тебя.

– Как же ты могла влюбиться в «нахального типа», так, кажется, ты назвала меня однажды?

Хейли рассмеялась, взъерошив ему волосы:

– Не помню, но боюсь, именно своим нахальством ты мне и понравился.

– Надеюсь, ты будешь помогать мне в моем бизнесе? Ты так хорошо справлялась в «Серендипити» с разными делами, что мне, честное слово, не терпится натравить тебя на тех немногих разгильдяев, которые кое-где еще остались у нас в корпорации.

– А твои подчиненные не будут роптать по поводу того, что жена босса сует нос не в свое дело?

– Мы можем вечно жить в грехе, если только тебя устроит такой вариант, – подмигнул он ей. – В таком случае ты будешь всего-навсего любовницей босса.

– На это лучше не рассчитывай. Все будет честь по чести. Отныне я буду гирей висеть на твоей шее. К тому же Фейт... Кстати, Тайлер, а где она?

Ее встревоженный вид рассмешил Тайлера:

– Хоть и бурной выдалась ночка, но мы с Фейт все равно проснулись с птахами. И было решено, что сперва я поговорю с тобой, а потом уж она принесет тебе свои извинения. Я позвонил Харперам, наплел им всяких небылиц и злоупотребил их гостеприимством. Короче говоря, они были счаст-

ливы заполнить Фейт в гости. Мы заберем ее оттуда позже, днем. А завтра поженимся. Надеюсь, у Фейт хватит терпения держать язык за зубами хотя бы один день. А то ее так и распирает от желания выболтать эту новость – все равно кому.

Хейли откинулась на подушки, притворно надулась и скрестила на груди руки.

– Значит, ты заранее был уверен в моем ответе, раз сказал Фейт о нашей предстоящей свадьбе, и, заметь, даже не потрудился сделать мне предложение?

– Так ведь сама Фейт и заверила меня, что ты согласишься. Она сказала, что женская интуиция еще ни разу ее не подводила.

– Она в самом деле рада?

– Почти так же, как и я. Улыбнувшись, Хейли провела пальцем по его губам.

– Но что же мы будем делать сегодня до тех пор, пока не придет время забирать Фейт из гостей?

– А разве я еще не сказал тебе? Считай, что с сегодняшнего утра ты выходишь на работу, – вполне серьезно сообщил Тайлер, вставая с края постели. Смерив невесту взглядом с головы до ног, он начал медленно раздеваться. – Твое сегодняшнее задание – сделать босса счастливым.

– И какие же именно поручения мне предстоит выполнить, чтобы осчастливить его? – любопытствовала Хейли, с невинным видом хлопая ресницами.

– Самые разные. Начнем по порядку. Тайлер лег рядом с

Хейли и обнял ее.

Его поцелуй был жарок, каждое движение языка сулило неземные улады.

– Сама снимешь или помочь? – спросил он, указывая на ее тенниску.

– Помоги.

Его лукавая ухмылка предупреждала Хейли о том, что она сделала не самый разумный выбор. Найдя подол длинной тенниски, ловкие руки неторопливо потянули его вверх – медленно открывая глазам талию, ребра, краешек груди. Нырнув головой вниз, Тайлер подцепил мягкую хлопковую ткань носом. Восторженный любовник наслаждался видом цветущей женской плоти.

Ленивое скольжение губ Тайлера по коже едва не доводило Хейли до исступления. Ее пальцы блуждали в зарослях его темных волос, а колени сильно сжали мускулистый торс. Размеренно и умело Тайлер ласкал нежную, гладкую кожу женщины, еще горячую после сна. Лишь изредка его язык пробовал ее плоть на вкус, быстро притрагиваясь к трепетной груди.

Постепенно поцелуи Тайлера становились все более пылкими, рот – более требовательным, а язык – менее деликатным. Его руки следовали за губами, лаская то, что уже было обласкано поцелуями. Под его ладонями соски Хейли вздыбились. Женщина изнывала от желания.

Желание глухими толчками билось внутри нее, исходило

от ее тела невидимыми лучами. Оно сковало ее ноги. Дыхание превратилось в еле слышный стон, вырывающийся из ее горла. Будто откликаясь на этот зов, Тайлер поймал ее сосок ртом. Его язык и зубы лишали ее рассудка.

– Пожалуйста, Тайлер. Умоляю...

– Еще не время, любовь моя. – Он стащил с нее тенниску через голову. – Сегодня мне меньше всего хочется торопиться. Нам до конца жизни предстоит любить друг друга. Впереди нас ждет очень многое. А сегодня позволь мне насладиться тобою так, как хочу того я.

– Ты так красив, – прошептала она, разглаживая темные колечки на его груди. Приподняв голову с подушки, Хейли начала целовать его распаленное тело. Ее язык и губы коснулись его твердых, плоских сосков, а руки с силой вцепились в его бедра.

– Научил на свою голову, – простонал Тайлер, стиснув зубы. – Я не в силах владеть собой. – Его глаза жадно пожирали ее наготу. – Нет женщины красивее тебя. – И он подался вперед, чтобы запечатлеть поцелуй на животе Хейли, в ложбинке, где сходятся ребра. Его теплое дыхание само по себе было утонченной лаской. Затем дразнящее прикосновение губ Тайлера изведало пупок Хейли.

Ухватив зубами ее трусики за кружевной краешек, он потянул их вниз. Грудь его стала вздыматься чаще, когда Тайлер увидел то, что скрывала эта тонкая завеса.

Он любил эту женщину всю, целиком, не забывая ни об

одной частичке ее плоти.

Наслаждение становилось невыносимым. Хейли балансировала на опасной грани, за которой открывается либо смерть, либо возрождение. И прежде чем упасть в бездну, она прошептала напоследок любимое имя.

Привстав, Тайлер ринулся вниз, заполнив собой изнывающую пустоту, которую сам же и создал.

– Я люблю тебя, Хейли. Я так люблю тебя...

Все перемешалось вокруг, земля исчезла, и звезды посыпались с небес. Но эти двое остались живы. Более того, две жизни слились в одну, новую, не похожую на все, что было раньше. Они одинаково дышали, чувствовали, одинаково видели и осязали друг друга. И когда все было кончено, мужчина не покинул женщину, все еще упиваясь ее теплом.

Он нежно поцеловал ее за ухом.

– Скажи, ты не против пожить в Атланте?

– Хорошо, но только если там будешь жить и ты. – Нежные, тонкие пальцы осторожно гладили его брови.

– Подберем себе дом по вкусу и заживем вместе. Втроем. – Его губы игриво скользнули по ее губам. – А то и вчетвером. Или больше.

Она уперлась ему в плечи:

– Тайлер! О чем ты? Он рассмеялся:

– О том, что Фейт уже мечтает о куче сестреночек и братишек.

– Но я еще не знаю, смогу ли родить.

– Конечно, сможешь, – пробормотал он с невыразимой нежностью. – Тебе все на свете удастся, рыжик мой. – Любовь светилась в его глазах, когда он шептал эти слова прямо ей в губы. – А кое-что у тебя получается просто бесподобно.